

Я — ПОСЛАННИК

МАРКУС

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!
ОТ АВТОРА МИРОВОГО
БЕСТСЕЛЛЕРА «КНИЖНЫЙ ВОР»!

ЗУСАК

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Annotation

Жизнь у Эда Кеннеди, что называется, не задалась. Заурядный таксист, слабый игрок в карты и совершенно никудышный сердцеед, он бы, пожалуй, так и скоротал свой век безо всякого толку в захолустном городке, если бы по воле случая не совершил героический поступок, сорвав ограбление банка.

Вот тут-то и пришлось ему сделаться посланником.

Кто его выбрал на эту роль и с какой целью? Спросите чего попроще.

Впрочем, привычка плыть по течению пригодилась Эду и здесь: он безропотно ходит от дома к дому и приносит кому пользу, а кому и вред — это уж как решит избравшая его своим орудием безымянная и безликая сила. Каждая выполненная миссия оставляет в его судьбе неизгладимый след, но приближает ли она разгадку тайны?

Впервые на русском языке! От автора знаменитого «Книжного вора»!

- [Маркус Зузак](#)

- [Часть 1](#)

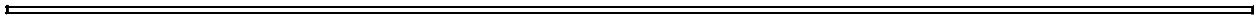
- [А](#)
- [2](#)
- [А](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [J](#)
- [Q](#)
- [K](#)

- [Часть 2](#)

- [А](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [J](#)
  - [Q](#)
  - [K](#)
- [Часть 3](#)
  - [A](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [J](#)
  - [Q](#)
  - [K](#)
- [Часть 4](#)
  - [A](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [J](#)
  - [Q](#)
  - [K](#)
- [Часть 5](#)
  - [J](#)
  - [J](#)

- [J](#)
  - [J](#)
  - [J](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

Маркус Зузак

Я — посланник

Посвящается Скауту

*Автор выражает признательность
друзьям из «Ваусcrew», Совету таксистов
Нового Южного Уэльса и Анне Макфарлейн за
ее профессионализм и преданность делу*

Часть 1

ПОСЛАНИЕ ПЕРВОЕ

А Ограбление

Грабитель оказался полным придурком.

Я это знаю.

Он это знает.

Вообще-то, весь банк это знает.

Даже мой лучший друг Марвин это знает, а уж такого придурка, как он, еще поискать.

А самое главное, машина Марва — на платной парковке. Стоянка — пятнадцать минут. А мы все лежим мордой в пол, и эти пятнадцать минут сейчас закончатся.

— Какой неторопливый парень, — излагаю я свою мысль.

Марв шепчет в ответ:

— Ага... Что ж за жизнь такая... — Его голос поднимается, как из колодца, с большой глубины: — Меня оштрафуют. Из-за этого вот придурка. А где я возьму денег на штраф? А, Эд?

— Была б еще машина поприличнее, а то...

— Что ты сказал?

Так. Марв повернулся ко мне лицом, и я сразу понял: обиделся он. За свою машину Марв не знает что может сделать. Уж очень любит эту тачку — и не любит, когда о ней плохо отзываются.

И теперь Марв завелся:

— Ну-ка, повтори, что ты сказал!

— Да вот, сказал, — отчаянно шепчу я, — что проще машину продать, чем штраф платить...

— Значит, так, — шипит он. — Ты мне друг, Эд, но вот что я тебе скажу...

Ну, теперь это надолго. Монологи Марва про машину слушать невозможно — вот я и не слушаю. Он будет нудеть и ныть, нудеть и ныть, прямо как ребенок, а ведь ему двадцать лет — господи, как так можно...

Я дал ему понудеть минуты полторы. Потом жестко прервал:

— Марв, у тебя не машина, а развалюха. Даже ручного тормоза нет, ты

кирпичи под задние колеса подкладываешь.

Я стараюсь говорить очень-очень тихо, несмотря на эмоции.

— Ты даже запираешь ее через раз, и правильно: угонят — хоть страховку получишь.

— Моя машина не застрахована!

— Вот именно!

— Страховщик сказал, что дело того не стоит.

— Я его понимаю, сам бы не...

Договорить не получается — грабитель поворачивается в нашу сторону и орет:

— Это кто там разговоры разговаривает?

Я-то замолчал, а вот Марв — нет. Ему плевать на грабителя и на его пушку.

— Развалюха? Развалюха?! А кто на этой развалюхе тебя на работу подвозит?! Я! Я подвожу, поганый ты выскочка!

— Я — выскочка?! Это что вообще за слово такое, «выскочка», ты про кого сказал?!

— А ну заткнуться там, в зале! — снова орет грабитель.

— Тогда шевелись! Слышал, нет? Быстрее давай! — ревет в ответ Марв.

Мой друг зол. А что вы хотите?

Во-первых, он лежит лицом в пол.

Во-вторых, банк, где он лежит, грабят.

В-третьих, очень жарко, а кондиционер сломан.

Ну и до кучи — его машину обидели, оскорбили и унизили.

Вот почему старина Марв зол! Он не просто зол! Он зол как черт!

А мы, между прочим, так и лежим — на вытертом грязном ковролине. И смотрим друг на друга — жестко так, ибо спор не окончен. Наш друг Ричи лежит в детском уголке, частично на столике с «лего», частично под столиком с «лего», а вокруг валяются яркие веселенькие куски конструктора. Ричи рухнул в них, когда в банк ворвался грабитель. Тот орал и размахивал пушкой, поэтому все упали, где стояли, еще бы. Сразу за мной лежит Одри. Ее ступня придавила мне ногу, и та затекла.

А придурок с пушкой завис над операционисткой, только что в нос ей не тычет. У девушки на груди бейджик с именем «Миша». Бедная Миша. Она дрожит, идиот-грабитель тоже дрожит. Все дрожат и ждут, пока прыщавый клерк в галстук наполнит сумку деньгами. Клерку под тридцать, у него под мышками темные круги от пота.

— Что ж он так копается-то? — ворчит Марв.

— Сколько можно нудеть? — ворчу я в ответ.

— А что, нельзя уже и слова сказать?!

— Ногу убери, — говорю я Одри.

— Чего? — шепчет она.

— Ногу, говорю, убери с меня, затекло все.

Она убирает ногу. Мне кажется — неохотно.

— Спасибо.

Грабитель снова оборачивается и грозно кричит:

— В последний раз спрашиваю, кому жить надоело? Кто тут пасть разевает?!

А надо вам сказать, что общаться с Марвом... ну... проблематично... Он любит поспорить — есть за ним такое. Ну и вежливым его тоже не назовешь. Знаете, бывают такие друзья: только заговорили о чем-то, и бац! — уже препираетесь. А если речь зашла о задрипанном «форде» Марва — все, это вообще конец. Короче, мой друг — настоящий инфантильный засранец. А когда он не в духе, дурь прет из него — не остановить.

Вот как сейчас, к примеру. Марв хихикает и кричит на весь зал:

— Разрешите доложить! Разговаривает Эд Кеннеди, сэр! Эд Кеннеди, сэр, к вашим услугам, сэр!

— Спасибо тебе огромное, Марв, — бурчу я.

Потому что Эд Кеннеди — это мое имя. Эд Кеннеди, девятнадцати лет, водитель такси, живу в пригороде, обычный парень без особых перспектив и возможностей. Ах да, еще слишком много читаю, не умею заполнять налоговую декларацию, и с сексом у меня не то чтобы очень. Короче, вот. Эд Кеннеди, очень приятно, очень приятно, Эд Кеннеди.

— Ну так заткнись, ты, Эд, или как тебя там! — орет грабитель. — А то подойду и отстрелю задницу к такой-то матери!

А я снова вижу себя в школе на уроке математики: садист-учитель прохаживается перед доской, как генерал на плацу, выдавая задание за заданием, и плевать ему на математику и на нас, он ждет не дождетсся конца урока, чтобы пойти домой и накачаться пивом перед теликом.

Я поворачиваюсь к Марву. Когда-нибудь я сверну ему шею.

— Тебе двадцать — двадцать! — лет, Марв! Нас всех убьют сейчас, идиот!

— А ну заткнись, Эд!

По голосу понятно, что грабителю наша беседа надоела. Поэтому я перехожу на шепот:

— Меня убьют, а виноват будешь ты! Слышишь? Ты!

— Я сказал — заткнись! Заткнись, Эд, черт тебя дери!

— А тебе, Марв, лишь бы пошутить!

— Так, ну все, Эд.

Грабитель разворачивается и идет к нам.

Похоже, наши характерные для инфантильных засранцев разборки его достали по самое не могу. Когда человек с пистолетом доходит до нас, мы все поднимаем головы и смотрим на него.

Марв.

Одри.

Я.

Вокруг нас пол устлан такими же невезучими индивидуумами. Они тоже поднимают головы и смотрят.

Дуло упирается мне в переносицу. Щекотно, а почесаться нельзя.

Грабитель поворачивается то к Марву, то ко мне, то к Марву, то ко мне. Даже сквозь натянутый на лицо чулок видны рыжеватые усы и красные шрамы от угрей. Добавьте к этому свинячьи глазки и большие уши, и вы поймете, что бедняга просто обижен на мир: ему, наверное, три раза подряд присуждали первый приз на ежегодном конкурсе уродов.

— Ну и кто из вас Эд? — спрашивает красавец с пистолетом.

— Он, — показываю я на Марва.

— Да ладно тебе, — возражает Марв.

И я отчетливо осознаю, что мой друг не очень-то напуган.

Марв уже понял, что грабитель: а) придурок, б) непрофессионал. Иначе бы мы оба уже лежали мертвыми.

Дружок мой смотрит вверх, задумчиво чешет подбородок и сообщает мужику в чулке:

— Слушай... что-то лицо у тебя знакомое...

— Так, — пытаюсь я исправить ситуацию. — Хорошо, Эд — это я.

Но грабителю не до меня — он слушает Марва.

— Марв, — отчаянно шепчу я, — заткнись!

— Марв, заткнись! — Это говорит Одри.

— Заткнись, Марв! — вопит через весь зал Ричи.

— А ты кто такой, черт побери?! — орет на Ричи грабитель.

Тот поворачивается, явно пытаюсь определить, откуда идет голос.

— Я кто такой? Я Ричи!

— И ты, Ричи, тоже заткнись! Заткнись и не встревай, понял?!

— Да без проблем, сэр, — отвечает Ричи. — Большое спасибо за совет.

Вот такие у меня друзья — все как один мастера постебаться. С чего бы это, спросите вы? А я знаю? По жизни они у меня веселые, вот чего.

Тем временем парень с пушкой начинает закипать. Я вижу, как этот пар струится из каждой поры его кожи, даже сквозь чулок.

— Я не знаю, что сейчас с вами сделаю, чертовы уроды! — рычит грабитель.

Мы довели его до белого каления — еще чуть-чуть, и начнет изрыгать пламя.

Но Марв, как вы понимаете, затыкаться не собирается.

— Слушай, я вот все думаю, мы с тобой в одной школе не учились?

— Я понял, — нервно облизывает губы парень с пистолетом. — Ты хочешь умереть. Да или нет?

— В общем и целом — нет, — вежливо откликается Марв. — Я просто хочу, чтобы ты оплатил мой штраф. За парковку. Там стоянка — пятнадцать минут максимум. А ты меня задержал и...

— Я тебя щас навечно здесь оставлю!

Дуло пистолета теперь смотрит на Марва.

— Слушай, ты какой-то сегодня слишком агрессивный, не находишь?

«О боже! — думаю я. — Марву конец. Сейчас получит пулю в лоб».

А между тем грабитель, щурясь, рассматривает через стеклянные двери банка стоянку — видно, желает угадать, которая из машин принадлежит моему другу.

— Какая из них твоя? — неожиданно вежливо спрашивает он.

— Голубой «форд фолкэн».

— Вон та помойка? Да на нее не то что деньги потратить, насрать жалко! Какой штраф, ты что?

— Одну секундочку! — вспыхивает Марв пламенем от новой лютой обиды. — Ты взял банк или нет? Тебе что, трудно оплатить мой штраф?

А между тем...

Раздается голос Миши — той самой несчастной операционистки. Сейчас перед ней лежит мешок, полный денег.

— Все готово!

Грабитель разворачивается и направляется в ее сторону.

— Быстрее, сука! — рывкает он на бедняжку, и та немедленно вручает ему сумку с наличными.

Люди, которые грабят банки, разговаривают именно так. В кино, во всяком случае. Грабитель явно смотрел правильные фильмы. И вот он идет обратно к нам — в одной руке пистолет, в другой деньги.

— Ты! — кричит он мне.

Похоже, мешок с долларами придает парню уверенности в себе. И я бы точно получил пистолетом по голове, если бы не одно маленькое

обстоятельство. Грабитель вдруг поворачивается к улице.

Всматривается в то, что там происходит.

Из-под чулка по шее сползает струйка пота.

Дыхание его сбивается.

Мысли путаются, и...

— Не-е-ет! — орет он.

Ха-ха, там полиция.

Правда, не по его душе, — о том, что происходит в банке, еще никто не знает.

Полицейские высадились рядом с золотистой «тораной» и попросили водителя перепарковаться, — машина стояла во втором ряду у входа в булочную и мешала покупателям. «Торана» явно ждала нашего героя. Но делать нечего, она уезжает, и полицейские, выполнив свой долг, отправляются вслед за ней. А наш придурок остается с пистолетом и мешком денег — но без машины.

И тут его осеняет.

Он снова поворачивается к нам.

— Ты, — рывкает он на Марва, — ну-ка, давай сюда ключи от твоего рыдвана.

— Что?

— Что слышал! Ключи, быстро!

— Я не могу! Мой «форд», это... это же антиквариат!

— Это дерьмо, а не антиквариат, — встречаю я. — Марв, немедленно отдай ключи от драндулета, или я сам тебя пристрелю!

С кислой рожей Марв лезет в карман за ключами.

— Будь с ней нежен, — жалобно просит он.

— Иди в задницу, — отфыркивается грабитель.

— Это жестоко, в конце концов! — орет из кучи «лего» Ричи.

— Заткнись, придурок! — гордо бросает грабитель и выскакивает из банка.

Бедняга. Он не знает, что вероятность завести машину Марва с первого раза — пять процентов, не более.

Грабитель на всех парах вылетает из дверей и бежит к дороге. Тут же спотыкается и роняет пистолет. Секунду колеблется, поднимать оружие или нет, — парень в панике, это видно по лицу. Соображает, что надо делать ноги, быстро. Пистолет остается на земле, грабитель бежит дальше.

А мы уже решили поднять головы и встать на колени — интересно же посмотреть.

Ага, вот он подбегает к машине.

— Смотри, что сейчас будет, комедия только начинается, — хихикает Марв.

Одри, Марв и я — все затаили дыхание, смотрим. Ричи уже на полпути к нам, конечно, ему ведь тоже любопытно.

Естественно, грабитель тут же попадает впросак: тупо глядя на связку ключей, он силится понять, какой из них от машины. Мы не выдерживаем и начинаем дико хохотать.

Жалкий придурок в конце концов залезает в «форд» и пытается его завести. Машина, понятное дело, не заводится — раз за разом.

И вот тогда... Даже не знаю, почему так поступил.

В общем, я выскакиваю наружу. Поднимаю пистолет. Бегу через дорогу, грабитель смотрит на меня, я — на него. Он пытается вылезти из машины, но куда там — я стою прямо у окна «фордика».

И целюсь ему в переносицу.

В общем, он замер.

По правде говоря, мы оба замерли.

И тогда этот придурок все-таки попытался вылезти и побежать. А я — не знаю, как это получилось, даже не спрашивайте! — шагнул вперед и... стрельнул.

И тут стекло как посыпалось!

И Марв как заорет:

— Ты что делаешь, урод?! Это моя машина, мать твою так!

Оказалось, он тоже выбежал из банка и стал на другой стороне улицы.

С истошным воем сирен подъезжает полиция. Грабитель падает на колени.

— Какой же я придурок, — стонет он.

А я думаю: «Да, парень, это ты верно про себя сказал».

Какое-то мгновение мне даже его жалко. Передо мной хрестоматийный пример злосчастия и злополучия в одном флаконе. Сами посудите. Во-первых, он умудрился ограбить банк, в котором стояли в очереди невозможно тупые индивидуумы вроде нас с Марвом. Во-вторых, машина с подельниками уехала с концами, прямо на его глазах. Ну и наконец, спасенье было так близко — чужая тачка на стоянке, в руке ключи, и на тебе! Не завелась! А все почему? Потому что это была самая убогая и жалкая тачка в Южном полушарии. Короче, сердце мое переполнилось сочувствием. Вы понимаете меня? Пережить такое унижение! Бедняга...

Полицейские надевают на него наручники и затапливают в машину, а я напускаюсь на Марва:

— Ну что? Теперь-то ты понял? — Голос мой становится все крепче и громче: — Нет, ты понял? Вот лишнее подтверждение убогости этого, — тычу я пальцем, — убогого драндулета. — Мгновение уходит на поиски нужной формулировки. — Будь твой рыдван, Марв, вполтину менее жалок, парень бы смылся и его бы не взяли, понимаешь?

Марв может только с горечью вздохнуть:

— Да, Эд.

Похоже, мой друг действительно желал удачи грабителю — лишь бы спасти репутацию принадлежавшей ему кучи хлама под названием «форд».

Но машина в очередной раз подвела. Кругом валяются осколки — на асфальте, на сиденьях... У Марва такой вид, словно заодно со стеклом разбились все его надежды.

— Слушай, — бурчу я, — прости, что так с дверцей вышло, я не хотел...

— Забудь и наплюй, — уныло отвечает Марв.

Пистолет все еще у меня в руке. Почему-то он теплый и липкий, как подтаявшая шоколадка.

Полицейских тем временем все прибывает.

Нам приходится ехать в участок, чтобы ответить на вопросы. Там расспрашивают про ограбление, требуют подробностей. Что же там, собственно, произошло? И как это у меня в руке оказался пистолет?

— Значит, он его просто выронил?

— А я о чем вам битый час рассказываю?

Тут полицейский поднимает голову от протокола.

— Значит, так, сынок. Ты не петушись. Это лишнее, петушиться тут передо мной.

У него пивное брюхо и седые усы. Полицейские почему-то любят их отпускать — для солидности, наверное.

— Петушиться? — осторожно переспрашиваю я.

— Да, сынок. Петушиться.

Петушиться. Емкое слово, ничего не скажешь.

— Извините, — меняю я манеру общения. — Грабитель выронил свое оружие на пути из банка, а я его подобрал в ходе преследования. Вот и все. Мы в жутком стрессе от произошедшего. Так нормально?

— Нормально.

Полицейский расписывает протокол целую вечность. Мы покорно ждем. Впрочем, один раз нам удастся вывести мистера Пивное Брюхо из себя — Марв заговаривает о денежной выплате за поврежденную машину.

— Это ты про «форд фолкэн», что ли? — интересуется полицейский.

— Так точно, сэр.

— Скажу тебе прямо, сынок. Твоя машина оскорбляет общественную мораль и человеческие чувства. Так нельзя, парень.

— А ведь я тебе говорил, — напоминаю я Марву.

— У этого кошмара даже ручника нет.

— Ну и что?

— А то, умник, что лишь из чистого милосердия я не выписываю тебе штраф. Без ручного тормоза машина не отвечает требованиям безопасности.

— Огромное вам спасибо! — выпаливает Марв.

— Не за что, сынок, — великодушно улыбается полицейский.

У самых дверей нас настигает финальная реплика:

— И вот тебе мой совет, дружок.

Марв покорно плетется назад.

— Да, сэр?

— Купи себе новую машину.

Марв одаривает полицейского долгим серьезным взглядом и изрекает:

— У меня есть уважительные причины для того, чтобы воздержаться от покупки, сэр.

— Какие? Денег нет?

— Нет, что вы. Деньги у меня есть. Я же не безработный какой. — Марву даже удается принять самодовольный вид полноценного члена общества. — У меня другие приоритеты. — Марв улыбается: улыбка — это последнее прибежище гордого хозяина такого рыдвана. И добавляет, чтобы ни у кого не осталось сомнений в его лояльности к убитому «форду»: — А кроме того, сэр, я просто люблю свою машину. Вот и все, что я хочу сказать.

— Хороший ответ, сынок, — важно кивает полицейский. — Иди себе с миром.

— Приоритеты?! Марв, ну какие, на хрен, у тебя могут быть приоритеты?! — шиплю я, когда за нами затворяется дверь.

Марв решительно щурится в пространство перед собой и строго говорит:

— Заткнись, Эд. И больше ни слова. Может, для кого-то ты и герой, а для меня — просто криворукий засранец. Ты мне стекло разнес пулей! Идиот!

— Оплатить тебе ущерб?

На лице Марва образуется улыбка, знаменующая прощение.

— Нет.

По правде говоря, я вздохнул с облегчением. Вложить свои кровные в ржавый «фолкэн»? Лучше смерть, чем такое.

И вот мы выходим из дверей полицейского участка и тут же видим Одри и Ричи — конечно, нас ждут. И оказывается, не только друзья.

Перед нами целая толпа фотокорреспондентов, и мы едва не слепнем от вспышек.

— Вот он! — кричит кто-то.

Я не успеваю возразить, вокруг тотчас образуется хоровод из лиц, — меня засыпают вопросами, глядят в рот и ждут ответов. С пулеметной скоростью я отстреливаюсь от папарацци, снова и снова рассказываю, как побежал, как подобрал... и так далее. Мой пригород не такой и маленький, во всяком случае с радио, телевидением и газетами в нем все нормально. И завтра каждый желающий покажет репортаж или напечатает статью по этому громкому поводу.

Я пытаюсь представить заголовки.

«Простой водитель такси оказался героем» — вот это было бы здорово, меня бы устроило на все сто. Но реально стоит ожидать таких: «Внезапный подвиг местного тунеядца». Марв, конечно, обхохочется.

Вопросы сыплются минут десять, потом толпа расходится. Мы вчетвером идем к парковке. На лобовом стекле здоровенная квитанция — владельцу «фолкэна» вклеили штраф, кто бы сомневался.

— Сукины дети, — констатирует Одри.

Марв выдергивает бумажку из-под «дворника» и мрачно знакомится с содержанием. Подумать только, он ведь приехал в банк, чтобы зачислить деньги на счет — ему как раз дали зарплату. А теперь все пойдет не на счет, а на штраф.

Потом мы долго копошимся, считая осколки с сидений, и кое-как усаживаемся. Марв поворачивает ключ в замке зажигания — восемь раз подряд. Машина не заводится.

— Отлично, — бормочет он.

— Как всегда, — замечает Ричи.

Мы с Одри для разнообразия молчим.

Потом Одри садится за руль, а мы втроем толкаем колымагу к моему дому, — он ближе всего.

А через пару дней я получу первое послание.

Вот оно-то все и изменит.

Почему секс не похож на математику, или Введение в жизнь Эда Кеннеди

Сейчас я расскажу, как живу.

Во-первых, мы пару раз в неделю играем в карты.

Собственно, вот и все. И зачем я сказал «во-первых»?

Играем в «надоеду» — потому что она несложная. Вообще-то мы любим поспорить, а тут у нас получается и партию закончить, и не поубивать друг друга. Тоже плюс.

Обычно собирается вот такая компания.

Марв. За игрой он беспрерывно болтает. Ума не приложу, как это у него получается с сигарой во рту. Следить, чтоб она не потухла, и одновременно наслаждаться вкусом — задача непосильная, но Марв выпендривается и делает вид, что млеет от удовольствия.

Потом Ричи. Этот всегда молчит. Зато выставляет напоказ дурацкую татуировку на правой руке. Всю игру Ричи тихо посасывает пиво и ощупывает усы — тоже, по правде говоря, дурацкие, словно кто-то наклеил две темные полоски на лицо мальчишки. Хотя какой из Ричи мальчишка, но с другой стороны...

Еще Одри. Она всегда садится напротив меня, где бы мы ни играли. Одри... Светлые с желтизной волосы, длинные худые ноги, улыбка — такая... знаете, кривая, но прекрасней ее нет на свете. Еще у нее красивые бедра. И фильмов она пересмотрела целую кучу. Что еще... Да, мы с Одри работаем в одном таксопарке.

Ну и последний участник, как вы догадались, — я.

Для начала мне хотелось бы ознакомить вас со следующими фактами.

1. В девятнадцать Боб Дилан уже был признанным музыкантом, и не где-нибудь, а в нью-йоркском Гринвич-Виллидж.

2. Сальвадор Дали к девятнадцати годам написал несколько потрясающих картин, перевернувших представления об искусстве того времени.

3. За Жанной д'Арк, когда ей исполнилось девятнадцать, уже охотилось полмира, — ибо Жанна д'Арк устроила во Франции революцию.

И вот перед вами — Эд Кеннеди. Тоже девятнадцати лет от роду.

Незадолго до того случая в банке я как раз подбивал промежуточные итоги своей жизни.

Как уже говорилось, я таксист. И то лишь потому, что подделал документы, — на эту работу до двадцати не берут.

Никакого карьерного роста.

Никакого социального веса и репутации.

Ничего.

А ведь кругом полно людей, которые чего-то — и даже не чего-то, а немало уже добились в жизни! Слава, положение в обществе — у кучи народа все это есть! А я? А я подаю машину какому-нибудь лысеющему бизнесмену по имени, скажем, Дерек и внимательно слушаю, как он мне объясняет дорогу. Или пятничным вечером развожу в дымину пьяных клиентов, — они могут наблевать в салоне и смыться не заплатив. Приходится за ними приглядывать. Какие тут слава и положение в обществе... На самом деле это Одри предложила пойти в таксисты. Меня не пришлось долго убеждать, — я люблю Одри, уже много лет как люблю. Вот почему я никуда не уехал из пригорода. Не поступил в университет. Я пошел туда, куда и Одри.

И вот теперь я задаю себе строгий вопрос: «Ну, Эд Кеннеди, чего ты добился к девятнадцати годам?»

И честно отвечаю: «Ни фи-га».

Сомнениями своими я, конечно, поделился с друзьями. Но они хором велели заткнуться: хватит, мол, разводить философию. Марв сказал, что на чемпионате по нытью мне бы достались абсолютно все медали. Одри заметила, что у нормальных людей кризис среднего возраста наступает на двадцать лет позже. Я попытался обсудить это с Ричи, но он посмотрел на меня так, словно я говорил по-китайски. Круче же всех выступила моя мама. Она просто сказала: «Ну, ты поплачь мне тут, засранец». Вы еще успеете полюбить мою маму. У вас все впереди, обещаю.

Живу я в развалюхе, которую язык не поворачивается назвать домом. Зато ее дешево сдают. Впрочем, я даже знаю кто, — проболтался парень из агентства недвижимости. Владелец сооружения, за которое я ежемесячно плачу аренду, — мой босс. Чтоб вы знали, он основатель и бессменный руководитель «Свободного такси», где я имею честь работать. Сказать по правде, фирма более чем сомнительная. Во всяком случае, нам с Одри не

составило труда убедить работодателя, что у нас все в порядке с возрастом и документами. Удивительно, как просто подделать водительские права и исправить две цифры в свидетельстве о рождении. Впрочем, подлинность наших бумаг в «Свободном такси» никто не проверял. Уже через неделю нас посадили за руль и пожелали счастливого пути, — в компании как раз не хватало водителей. Никаких рекомендательных писем и прочей респектабельной ерунды от нас не требовали. В общем, вы поняли. Обман и жульничество — вот два пути, которые ведут человека к процветанию. Во всяком случае, к получению работы. Как говаривал старина Раскольников, прославляя изворотливость: «Не рассудок, так бес!» В изворотливости я преуспел, это точно. Даже могу претендовать на титул самого юного таксиста в здешнем районе — вундеркинд за баранкой, местное чудо, приходите полюбоваться. Скажете, это фигня какая-то? Так вот, где у всех достижения, у меня сплошная фигня. Это базовая характеристика моей жизни. Одри, кстати, старше меня на пару месяцев.

Живу я довольно близко от центра, а поскольку такси нужно оставлять на служебной парковке, хожу на работу пешком. Хотя иногда Марв может подбросить. Своей машины у меня нет. Почему? Потому что целые дни, а случается, что и ночи мне приходится проводить за рулем. И успеваю так накататься, что в свободное от работы время не хочется крутить баранку.

Наш пригород ничего выдающегося собой не представляет. Начинается он там, где заканчиваются городские окраины, и в нем, как и везде, есть хорошие районы и плохие. Думаю, вас не удивит, что я из скверного квартала. Моя семья всегда жила там, и это наш общий скелет в шкафу, постыдная тайна. В районе наличествуют все признаки социального неблагополучия: беременные школьницы в большом количестве и безработные отцы-лоботрясы в изобилии. К таким папашам прилагаются мамыши вроде моей: они курят, пьют и зимой и летом ходят в одних и тех же уггах. Дом моего детства был сущей помойкой, и съехал я оттуда, лишь когда мой брат Томми окончил школу и поступил в университет. В принципе, я тоже смог бы, — если б не моя лень. В школе я зачитывался книгами, а нужно было учить математику и прочую фигню. Может, и стоило освоить какое-нибудь ремесло, но в округе никто этим не занимался, — да и ученик из меня вышел бы неважный, будем откровенны. В общем, лень не довела меня до добра, аттестат я получил паршивый, с хорошими оценками только по английскому — все-таки много читал. Отец пропил все наши сбережения, и мне из школы была только одна дорога — работать. Свою трудовую биографию я начал в убогом фастфуде, который

даже называть не хочу — до сих пор стыдно. Затем я перекладывал бумажки в какой-то пыльной бухгалтерии, но контора закрылась через пару недель после моего выхода на работу. И наконец — апофеоз и кульминация моей карьеры, самая удачная строка в моем резюме...

Водитель такси.

В своей хибарке я живу не один. У меня есть сосед. Зовут его Швейцар, ему семнадцать. Обычно он сидит у открытой двери перед сеткой от мух, и бьющее солнце золотит его черную шкуру. Это старый пес с умными, добрыми глазами. Еще Швейцар умеет улыбаться. Имя он получил как раз за то, что со щенячьего возраста повадился сидеть у входной двери. Из родительского дома я перевез его к себе — и Швейцар все так же любит залечь у порога. Ему тепло и приятно, а что проход перегорожен, так это его не беспокоит. На самом деле он вечно лежит поперек дороги, потому что уже старый и еле ходит. Швейцар — помесь ротвейлера и немецкой овчарки, и очень-очень вонючий. Не знаю, почему от него так несет; чем только я его не мыл. Видимо, поэтому ко мне мало кто ходит. Только близкие друзья, с которыми я играю в карты, выдерживают эту газовую атаку. Остальные теряются и сбегают, едва почуяв мою собачку. По правде говоря, ее вонючка слезы из глаз вышибает. Как только я не пытался избавиться от смрада. Даже убеждал Швейцара пользоваться шариковым дезодорантом, самым лучшим. Я ему под мышками натирал, то есть под лапами, несколько раз на дню — бесполезно. А однажды не выдержал и забрызгал с ног до головы спреем, о котором в рекламе по телику говорят, что он избавляет от неприятного запаха на двадцать четыре часа. Швейцар после этого смердел страшнее прежнего — ровно двадцать четыре часа, прямо как в рекламе.

Вообще, это пес моего отца. Но отец умер полгода назад, и мать тут же спихнула Швейцара на меня. Почему-то он с завидным упорством справлял нужду исключительно под бельевой веревкой на заднем дворе.

— Целый газон в его распоряжении! — говорила мама. — И где усаживается эта чертова псина? Прямо под бельем!

Я переехал и забрал Швейцара с собой.

Так мы с ним и живем.

Я в доме.

А он у двери.

Он счастлив.

И мне тоже приятно.

Он счастлив, — никто не мешает греться на солнышке у порога. Лучи

пробиваются сквозь сетку, а он знай себе спит. Когда я закрываю на ночь дверь, он немного откатывается в сторону. И спит дальше. А я смотрю на него и понимаю, что люблю эту псину. До слез люблю. Но вонища от нее идет страшная, это правда.

Честно говоря, я думаю, что Швейцар скоро умрет. К этой мысли можно привыкнуть: в конце концов, семнадцать лет — серьезный возраст для собаки. А вот как я отреагирую — не знаю. Наверное, Швейцар заснет и не проснется. Выскользнет из своего тела бесшумно и незаметно. А я встану на колени, уткнусь носом в вонючую теплую шкуру и расплачусь. Я буду плакать и плакать, ожидая — а вдруг проснется. Но он не проснется. Тогда я его похороню. Вынесу наружу, чувствуя, как остывает тело, и наблюдая, как горизонт на заднем дворе падает вниз. Впрочем, сейчас со Швейцаром все нормально. Я вижу, что поднимается и опадает его бок, он дышит. Просто воняет как покойник.

Еще у меня есть телевизор, который не всегда показывает, телефон, который почти никогда не звонит, и холодильник, который гудит как самолет.

На телевизоре стоит семейная фотография. Снимок сделан много лет назад.

Телевизор я почти не включаю, зато время от времени посматриваю на фотографию. Снимок приличный, правда запыленный. Время идет, что же вы хотите. На фото мать, отец, две сестры, я и младший брат. Кто-то улыбается, кто-то нет. Мне это нравится.

Итак, моя семья. Мама — из тех женщин, которых не так-то просто обидеть, потому что они сами кого хочешь обидят. И словом, и топором. Кстати, о словах. Мама выражается не то чтобы очень цензурно. Впрочем, я еще успею об этом рассказать.

Теперь об отце. Он, как я уже говорил, умер. Полгода назад. Папа был тихим добрым пьяницей. Очень одиноким, хотя жил с нами. Я мог бы сказать, что отец запил из-за характера матери, не выдержал... Но на самом деле не могу найти ему оправданий. Они есть, но сам я в них не верю. Отец занимался доставкой мебели. Его нашли мертвым внутри фургона. Он сидел в старом шезлонге — спокойный и расслабленный. Полная машина мебели, а он даже не начал разгружаться, бездельник. Так все подумали. А у него просто отказала печень.

А вот мой младший брат Томми все в жизни делает как надо. Ну или почти все. Мы с ним погодки. Томми, кстати, учится в университете.

Сестер зовут Ли и Кэтрин.

Когда выяснилось, что Кэтрин беременна, — а ей было всего семнадцать, — я расплакался. Ну, чего вы хотите от двенадцатилетнего пацана. Вскоре Кэтрин уехала. Нет, ее не выгнали, ничего такого. Просто вышла замуж и переселилась. Такое в то время случалось нечасто.

А через год уехала Ли. Но с ней никаких проблем не было.

Во всяком случае, уехала она не из-за беременности.

И только я остался жить в нашем пригороде. Другие переехали в город и хорошо устроились. Особенно неплохо дела идут у Томми. Он скоро получит диплом и станет юристом. Я желаю ему удачи. Нет, кроме шуток, правда.

Рядом с семейным снимком на телевизоре стоит другая фотография. На ней запечатлены Одри, Марв, Ричи и я. В прошлое Рождество мы поставили фотоаппарат Одри на таймер, отбежали, обнялись — и вуаля, памятное фото. У Марва во рту сигара, Ричи улыбается уголком рта, Одри хохочет. А я стою и таращусь на карты у себя в руке, пытаюсь понять, чем провинился перед Санта-Клаусом, ибо хуже расклада, чем в то Рождество, у меня не случалось.

Что еще?

Я готовлю себе еду.

А потом ее ем.

Запускаю стиральную машину.

Глажу, но редко.

Живу прошлым и верю, что Синди Кроуфорд все еще супермодель.

Вот такая у меня жизнь.

Вдобавок у меня темные волосы, легкий загар и карие глаза. С мускулатурой в общем-то все как у всех. Правда, сутулюсь. Руки держу в карманах. Ботинки разваливаются, но я их не выбрасываю, — нравятся они мне. Я их холю и лелею.

Еще часто гуляю. Иногда бреду к реке — она протекает через весь пригород. Или отправляюсь на кладбище «увидеться» с отцом. Швейцар плетется следом, если не спит дома, конечно.

Больше всего я люблю слоняться вот так: руки в карманах, Швейцар идет с одной стороны, а с другой — ну, это я уже фантазирую — Одри.

В своих мечтах я всегда вижу нас троих со спины.

Мы идем по улице. Закат угасает, становится темно.

Одри.

Швейцар.

Я.

Я держу Одри за руку.

В общем, потрясающих песен, как Боб Дилан, я не пишу, сюрреалистических картин не рисую, да и революцию поднять у меня не получится, даже если захочется, — а все почему? Потому что, ко всему прочему, я еще и фитнесом не занимаюсь, и здоровый образ жизни не веду. Хотя меня нельзя назвать толстым — скорее худым, даже тощим. Просто я слабый. Слабый. Во всех смыслах.

Но у меня есть счастливые моменты в жизни. Когда мы играем в карты, к примеру. Или я кого-то высадил и еду обратно из центра или даже из северных районов. Боковое стекло опущено, ветер перебирает волосы, а я просто качу вперед, к горизонту, и улыбаюсь.

А потом въезжаю в наш пригород и паркуюсь на стоянке «Свободного такси».

Иногда я ненавижу звук захлопывающейся двери.

О том, что люблю Одри до безумия, я уже говорил.

А ведь Одри переспала со многими мужчинами. Но не со мной. Со мной — ни разу. Она всегда говорила, что слишком меня для этого любит и все такое. Ну а я, честно говоря, ни разу не пытался добиться от нее, ну, этого. Чтобы Одри стояла передо мной вся голая и дрожала. Мне очень страшно. Я же говорил: с сексом у меня совсем фигово. Была одна девушка, нет, даже две. И обе, прямо скажем, остались не в восторге от моих умений и навыков. Одна сказала, что я нескладеха. А другая так и вовсе начинала хохотать, стоило мне приступить ко всяким там ласкам. Короче, энтузиазма мне это не прибавило, и она меня вскоре бросила.

В принципе я считаю, что секс должен быть как школьная математика.

Ведь плохо соображать в математике — это нормально. Многие даже гордо заявляют об этом. Обычное дело вот так сказать: «Слушай, да, естествознание там или английский — еще ничего, а вот, блин, математика — это просто атас, я ни в зуб ногой». А все в ответ смеются и говорят: «Да, блин, это ты правильно сказал. Логарифмы там всякие. Блин, я в этом тоже жестко туплю».

Согласитесь, это правда.

Вот и про секс нужно говорить точно так же!

Нужно, чтобы любой мог гордо сказать: «Блин, оргазм? Да я вообще не знаю, что это такое. Остальное все нормально, но вот насчет этого я вообще ни в зуб ногой».

Однако же никто так не говорит почему-то.

Но почему?

А потому что нельзя.

В особенности мужчинам.

Мы, мужчины, считаем, что обязательно, просто обязательно должны быть секс-гигантами. Так вот, официально заявляю, что я — не он. Более того, как честный человек скажу, что и целуюсь совсем неважно. Одна девушка взялась обучить меня поцелуйному делу, но потом сдалась и плюнула. Все эти мудреные движения языком даются мне нелегко. И что теперь, убиться, что ли?

В конце концов, это всего лишь секс.

Ну, это я себе так говорю.

На самом деле я вру. Часто. И себе тоже.

А что касается Одри, то ведь это хорошо, что она дотронуться до меня не хочет, потому что слишком любит. Правда? Это же совершенно логично, разве нет?

А если ей грустно или депрессия одолевает, Одри всегда приходит ко мне. Я иногда предчувствую появление ее фигуры в окне. И тогда мы пьем дешевое пиво или вино и смотрим фильмы. Ну или делаем все три вещи разом. Обычно включаем что-то длинное и старое, вроде «Бен Гура» — чтобы на весь вечер хватило. Одри сидит рядом на диване, как всегда, в байковой рубашке и в обрезанных под шорты джинсах. А когда она засыпает, я приношу одеяло и накрываю ее.

Целую в щеку.

Глажу волосы.

Смотрю на нее и думаю: вот Одри, живет одна, прямо как я. У нее никогда не было настоящей семьи, и с мужчинами она занимается не любовью, а сексом. Потому что любви Одри избегает. Думаю, когда-то у нее была семья. Но из тех, где отношения типа «бьет, значит, любит». У нас в пригороде таких полно. Наверное, она их любила. А они ее в ответ мучили.

Вот почему Одри избегает любви.

Чьей бы то ни было.

И если ей так лучше, то мы же не будем бросать в нее камни?

Она засыпает в гостиной на диване, а я обо всем этом думаю. Каждый раз. Поправляю на ней одеяло, иду к себе в спальню и начинаю мечтать.

С открытыми глазами.

А

Бубновый туз

В местных газетах действительно появились статьи об ограблении банка. И в каждой рассказывалось, как я вырвал пистолет из рук бандита. А перед этим догнал и чуть не повалил на землю. В общем, как всегда. Правда газетчиков, конечно, не устроила, и они навывдумывали всякой ерунды.

Я сижу на кухне и просматриваю статьи, а Швейцар глядит на меня как обычно — без всякой почтительности или там уважения. Ему пофиг, герой я или нет. Главное, чтобы кормили вовремя, а до остального нет никакого дела.

В гости зашла мама, я ей налил пива.

— Я горжусь тобой, сынок. Все дети у меня как дети, один ты неудачник, — откровенно заявила она. — А тут смотри-ка, теперь и за тебя не стыдно смотреть в глаза соседям, потому как у каждого из них на лице написано, что он читал сегодняшнюю газету. Дня два эта новость продержится на первой полосе, а потом ты опять превратишься в никчемного неудачника, но все равно неплохо.

Я представляю, как она разговаривает со знакомыми на улице. «Гляньте-ка, это мой сын. Я говорила, когда-нибудь даже из него выйдет толк!»

Еще ко мне зашел Марв — куда уж без него. И Ричи.

Даже Одри нанесла визит — с газетой под мышкой.

В статьях я фигурирую как Эд Кеннеди, двадцати лет от роду, водитель такси. Про возраст я наврал каждой живой душе, бравшей у меня интервью. Единожды солгав, уже не можешь откреститься. Это прописная истина.

На фото я выгляжу так, словно меня пыльным мешком ударили. Зато снимок — во всю первую страницу. Ко мне даже с радио приезжали — интервью записывали. Я все сделал как положено: усадил корреспондента в гостиную, принес кофе. Одна промашка вышла — без молока. Ну не оказалось в доме молока. Парень с радио перехватил меня на пороге, когда

я хотел идти в магазин.

Вторник проходит как обычно. Я возвращаюсь с работы и выгребая из ящика почту: счета за свет, газ, разные дурацкие предложения купить какую-то ерунду или завести еще одну кредитку. А еще — маленький конверт.

Конверт я бросаю на стол вместе с остальным ворохом бумаг и счастливо про него забываю. Мое имя выведено неразборчивыми каракулями — у кого такой почерк, интересно? Задаваясь этим вопросом, сооружаю свой обычный сэндвич со стейком и салатом. Иди, говорю себе, в гостиную и вскрой конверт. Но потом сажусь есть и опять забываю.

Короче, когда я добрался до письма, было уже порядком поздно.

И вот я беру его в руки.

И чувствую... что-то не так.

Нечто струится сквозь мои пальцы.

Я держу конверт, а потом вскрываю его.

Ночь прохладная, как всегда весной.

Меня пробирает дрожь.

Вздрагивая, я вижу собственное отражение в экране телевизора и в стекле семейной фотографии.

У открытой двери похрапывает Швейцар.

Сквозь сетчатую дверь проникает ночной ветерок.

Гудит холодильник.

На мгновение мир вокруг меня замирает, — природа и вещи наблюдают, как я извлекаю из конверта... что?

Старую игральную карту.

Бубновый туз.

В призрачно-приглушенном свете гостиной я стою с картой в руке. И стараюсь несильно сжимать пальцы — словно она может помяться или рассыпаться от неосторожного обращения. На карте накарябаны три адреса — тем же неразборчивым, как курица лапой, почерком. Я медленно и очень внимательно читаю написанное. Стылая жуть ползет вверх по пальцам. А потом проникает внутрь меня, поднимается к горлу и начинает глотать извилины.

На карте три строчки:

Эдгар-стрит, 45. Полночь
Харрисон-авеню, 13. 6 утра

Македони-стрит, 6. 5.30 утра

Приподнимаю занавеску — есть кто на улице?

Пусто.

Чтобы выйти на крыльцо, нужно перешагнуть через Швейцара.

— Кто здесь? — спрашиваю я ночь.

Никто не откликается.

Ветерок начинает дуть в другую сторону, словно застеснявшись, что подглядел. Я стою на пороге. Один. Карта все еще у меня в руке. И я не знаю, кто там живет, по этим адресам. Улицы знаю, а дома — нет.

Удивительнее со мной еще ничего не приключалось, это точно.

«Ну и кто мог послать по почте такую вещь? — проносится в голове. — Что я сделал, чем провинился, как в моем почтовом ящике оказалась старая игральная карта с криво написанными чужими адресами?»

Возвращаюсь на кухню, сажусь за стол. Пытаюсь понять, что происходит и кто прислал обрывок плана моей судьбы — если у судьбы вообще есть на меня какие-то планы. Перед мысленным взором проплывают одно за другим знакомые лица.

«А может, это Одри? — спрашиваю я себя. — Марв? Ричи? Мама?»

Ничего не понимаю.

Внутренний голос подсказывает выбросить карту к чертовой матери — просто швырнуть в мусорный бак и забыть об инциденте. И в то же время одна эта мысль вызывает во мне острое чувство вины.

«Не похоже, чтобы это была случайность», — думаю я.

Швейцар подходит и обнюхивает карту.

«Черт, — вздыхает он. — Я-то думал, пожрать принесли».

Обнюхав несъедобную штуку в последний раз, пес замирает: видимо, размышляет, что бы такого сделать дальше. И поступает как обычно: плетется обратно к двери. Выписывает полукруг и ложится. Устраивается поудобней в шубе из черной и золотой шерсти. Глаза Швейцара безмолвно светятся, но я чувствую их темную глубину. Пес потягивается на жестком старом ковролине.

И смотрит на меня.

А я на него.

— Ну? — спрашиваю. — Чего надо?

«Да ничего».

— Ну и все.

«Ну все так все».

На этом мы завершаем беседу.

А я так и стою с бубновым тузом в руке. И ничего, ничегошеньки не понимаю.

«Ты бы позвонил кому-нибудь, а вдруг?..» — говорю я себе.

Телефон опережает меня и звонит сам. Может, это ответ?

Если трубку прижать к уху сильно-сильно, становится больно. Но я терплю. Слушаю.

Это мамин голос.

— Эд?!

Его я узнаю из тысячи. К тому же она орет, всегда орет в трубку...

— Здравствуй, мамуля.

— Не мамулькой мне, говнюк!

Отличное начало разговора.

— Ты, случаем, ничего не забыл сегодня?

Я лихорадочно роюсь в памяти, но не обнаруживаю подходящих мыслей или воспоминаний. Только карта поворачивается в пальцах и так и эдак.

— Да вроде ничего, ма...

— Как это на тебя похоже! — Мама не просто в ярости, она в бешенстве. Выплевывает вопрос прямо мне в ухо, я почти глохну. — А кто должен был, мать твою, забрать сраный журнальный столик из мебельного магазина, а, засранец?

Очаровательно, правда?

Я уже предупреждал, что мама любит ввернуть крепкое словцо. Предупреждал?

Ну так вот, она их не просто вворачивает. Она ими сыплет. Мама сквернословит без остановки, без паузы, без продыху — в любом настроении. Естественно, во всем виноваты мы — братец Томми и я. Мол, в детстве мы играли в футбол и ругались так, что листва облетала и птицы глохли.

— И что мне было делать? — пожимает плечами мама. — Отучить вас от брани я не смогла и потому решила расслабиться и получать удовольствие. Как говорится, с кем поведешься...

В общем, если беседа обходится без «говнюков», «тупиц» и «засранцев» в мой адрес, это просто праздник какой-то. И дело даже не в словах, а в том, как она их произносит. Мама не выговаривает ругательства — она ими плюется и швыряет, точно фанаты.

Из трубки в меня до сих пор летит разнообразная лексика — правда, я не слушаю. А надо бы.

— ...И что, черт побери, я буду делать завтра? Вот придет мисс Фолкнер на чай, — я чашку на пол поставлю, мать твою за ногу?

— Мам, просто скажи, это моя вина.

— Да! Я так и скажу! — рывкает она. — Признаюсь, что мой сын — придурок! Он забыл заехать за журнальным столиком! Эд, ты придурок! Простую вещь сделать не можешь!

Эд, ты придурок.

Ненавижу.

— Ма, я все сделаю.

Но ее уже не остановить — и я опять отключаюсь. Смотрю на бубновый туз в руке. Он блестит.

Я трогаю его пальцем.

Щупаю поверхность.

И улыбаюсь.

Ему.

Бубновому тузу.

Потому что он — мой. Его прислали — мне. Не Эду-придурку. А мне — настоящему Эду Кеннеди. Будущему Эду Кеннеди. Не таксисту-недотепе.

Что мне предстоит?

И кем я стану?

— Эд?

Я молчу — думаю.

— Эд?! — взрывается мама.

Я подпрыгиваю — и выпадаю из забытья.

— Ты меня слушаешь или нет?

— Д-да... Слушаю, конечно...

Эдгар-стрит, 45... Харрисон-авеню, 13... Македони-стрит, 6...

— Извини меня, пожалуйста, — возвращаюсь я к беседе. — Забыл. Замотался и забыл совсем. Работы много, закрутился — извини. Завтра столик привезу, хорошо?

— Точно?

— Абсолютно.

— И не забудешь?

— Не забуду.

— Смотри мне. Тогда пока.

— Ой, стой! — торопливо несется мой голос по телефонным проводам. — Не вешай трубку, ма!..

Она нехотя откликается:

— Чего?..

Слова не идут с языка, но я должен, должен узнать. Про карту. Раз уж решил, что надо опросить каждого подозреваемого. Почему бы не начать с мамы?

— Чего тебе? — переспрашивает она чуть громче.

Мне удастся выдать из себя вопрос, хотя слова упирались до последнего и вставали во рту чуть ли не на распор.

— Ма, а ты мне сегодня по почте ничего не послала?

— В смысле?..

— Ну...

Действительно, в смысле...

— Ну, маленькое такое...

— Что маленькое, Эд? Я спешу вообще-то.

Ну ладно. Надо говорить как есть.

— Игральную карту, ма. Бубновый туз.

На том конце провода повисает тишина. Она думает.

— И? — спрашиваю я.

— Что — и?

— Это ты его послала?

И тут она взрывается. Рев еще не достиг моих ушей, но невидимая рука высовывается из трубки, хватая за горло и мерно, методично встряхивает.

— Нет! Нет! Не я! — звенит в ее голосе мстительная ярость. — На хрена мне посылать тебе по почте карту? Я должна была отправить напоминание... — Тут она срывается на крик. — Насчет чертова журнального столика!

— Ладно, ладно...

Странно, почему я так спокоен?

Может, это карта действует?

Не знаю...

Хотя... Нет. Знаю. Это не карта. Я всегда такой. Спокойный. И жалкий. Потому что трусливый. Нужно гавкнуть на старую стерву, велеть ей заткнуться, — но я не смогу. Никогда. В конце концов, нужно же ей на ком-нибудь отыгрываться. С братьями и сестрами мама так себя не ведет — о-о-о, как она их любит! Мама готова им ноги целовать при каждом визите, а ведь дети нечасто балуют ее посещениями. Но братцы-сестрицы приехали и уехали. А я тут, под рукой. Островок стабильности в маминой жизни — всегда есть кого обругать.

— Мам, я понял. Я понял, что это не ты, просто я немного растерялся,

понимаешь, все-таки непривычно такие штуки...

— Эд? — перебивает она, до отказа наполнив голос скукой.

— Что, мам?

— Отвали.

— Хорошо, ма. До свиданья. В общем, я скоро...

— Все, пока.

Она вешает трубку. Разговор окончен.

Ну надо же — чертов журнальный столик!

А ведь я чувствовал, чувствовал, когда шел домой от стоянки «Свободного такси» — что-то такое важное забыл сделать. Теперь мисс Фолкнер придет к маме в гости и вместо героической повести об Эде, Победившем Зло в Банке, услышит историю Эда-Придурка, Который Забыл про Мамин Журнальный Столик. Кстати, я не уверен, что этот предмет обстановки поместится в такси.

Так, пора заканчивать с этими мыслями. Они делу не помогут. Мне нужно сосредоточиться и подумать, почему карта вообще оказалась у меня. И откуда она взялась.

Я уверен: ее прислал кто-то из знакомых.

Кто-то, с кем я играю в карты. А с кем я играю? Правильно: с Марвом, Одри и Ричи.

Впрочем, Марва нужно исключить. Это точно не он. Воображения бы не хватило.

А кто? Ричи? Тоже вряд ли. На него не похоже, да и вообще...

Остается Одри.

«Конечно, это она», — говорю я себе.

Но как-то неуверенно говорю. Потому что нутром чую: нет. Это не мои друзья прислали туза.

И правда, что я в них уперся? Иногда мы играем в карты прямо на крыльце. Сотни людей проходят мимо и видят нас за этим занятием. К тому же время от времени мы принимаемся орать друг на друга, и тогда прохожие смеются и спрашивают, кто выиграл, кто проиграл, кто не согласен и ноет, — в общем, из-за чего сыр-бор?

Так что кто угодно мог прислать карту.

Ночью я не сплю.

Все думаю.

Наутро подымаюсь раньше обычного и обхожу пригород в компании Швейцара, со справочником наперевес — хочу посмотреть на дома по

каждому адресу. Тот, что на Эдгар-стрит, оказывается на редкость убогим сооружением, приткнувшимся в самом конце улицы. Дом на Харрисон-стрит старенький, конечно, но вполне себе опрятный. Посреди газона клумба с розами, хотя трава вокруг вся усохла, причем давно. В поисках Македони-стрит справочник заводит меня в верхний район — тот, что на холмах. Богатый. Ну и дом соответствующий — двухэтажный, с забирающей в гору подъездной дорожкой.

По дороге на работу и на работе я продолжаю думать о карте.

А вечером осуществляю доставку маминого журнального столика и отправляюсь к Ричи играть в карты. Там-то я все и рассказываю.

— Она у тебя с собой? — спрашивает Одри.

Качаю головой — нет, мол.

Вчера перед сном я положил ее в верхний ящик комода. Он был пуст. Никаких посторонних предметов. Никаких запахов. Пустой ящик, и на дне — карта.

— Скажите мне правду. Это кто-то из вас? — не удержался я от вопроса.

— Ты меня, что ль, заподозрил? — искренне изумляется Марв. — Да ты что. Вы же знаете: у меня мозгов не хватит такое выдумать. — Он пожимает плечами. — К тому же у меня есть над чем голову поломать, Эд. Очень нужно о тебе думать, как же.

Понятно. Мистер Спорщик в своем репертуаре.

— Вот именно, — вступает в разговор Ричи, — Марв известный тупица, ему не додуматься.

Сделав это важное заявление, Ричи замолкает.

Мы все смотрим на него.

— Чего? — удивляется он.

— Так это ты, что ли? — вопрошает Одри.

— Ричи, я — ходячая лень. А он — тупица, — хмыкает Ричи и тычет большим пальцем в Марва. И, простирая к нам руки, говорит: — Посмотрите на меня — я же тунеядец на пособии. Вдобавок не вылезаю из букмекерской конторы. Я даже до сих пор с родителями живу!..

Тут я должен дать вам справочную информацию. На самом деле Ричи зовут совсем не Ричи. Его настоящее имя Дейв Санчес. А Ричи мы его прозвали из-за татуировки на правом плече: вроде как Джими Хендрикс, но этот Джими больше похож на Ричи, в смысле, на Ричарда Прайора. Все смеются и твердят, что нужно на левом плече сделать татуировку с Джином Уайлдером — имидж будет идеальным. А ведь и правда, отлично они на пару играли! Вы видели «Психов в тюрьме» и «Ничего не вижу, ничего не

слышу»? Вот именно. Офигительный дуэт, чего там...

Правда, есть один нюанс. Ричи лучше не говорить про Джина Уайлдера. Не советую. У парня начинается натуральный маниакальный психоз. А если Ричи еще и пьян — вообще труба.

Что я могу еще о нем рассказать? Кожа смуглая, усики никогда не сбрасывает. Волосы курчавые, цвета глины. Глаза черные, но добрые. Ричи никогда не учит никого жить — ну, и от окружающих ждет того же. Еще он ходит в одних и тех же линялых джинсах, хотя кто его знает, может, у него несколько пар одинаковых. Я как-то не подумал спросить.

Когда он подъезжает, слышно издали — у Ричи мотоцикл. «Кавасаки» или что-то вроде этого, черно-красный. Летом Ричи ездит без куртки, — а что, он с детства гонял на мотике. Так что обычно на нем футболка или «пожилая», немодная рубашка, они с отцом их по очереди носят.

В общем, мы сидим и все на него смотрим.

Он нервничает и вдруг поворачивается, — а мы за ним, как привязанные, — к Одри.

— Ладно, — начинает она речь в свою защиту. — Согласна, из всей компании я одна, пожалуй, способна на такую бредовую шутку...

— А почему сразу «бредовую»? — возмущаюсь я.

Карту почему-то хочется защищать, как самого себя.

— А можно я продолжу? — строго говорит Одри.

Я только киваю.

— Отлично. Так вот... о чем я... Короче, это не я. Но у меня есть версия. Кажется, я знаю, как и почему туз оказался у тебя в почтовом ящике.

Все молча ждут, пока она собирается с мыслями.

Наконец Одри говорит:

— Это все связано с ограблением. Кто-то прочитал статью в газете и решил: «Ага, вот подходящий парень. Вот кто нужен нашему городу!»

Она улыбается, но тут же хмурится:

— Эд, что-то произойдет в каждом из этих домов. А ты должен будешь... отреагировать.

Тут задумываюсь я. А потом решаюсь:

— Слушай, но вообще-то это ненормально...

— В смысле?

— Что значит «в смысле»? Ты не понимаешь, что ли? А если там люди каждый вечер кулаками друг друга метелят? Я должен пойти и разнять, так, по-твоему? Между прочим, здесь в половине домов граждане так

«отдыхают»!

— Ну, Эд, тут уж как карта ляжет...

— Прекрасно, — бормочу я в ответ и вспоминаю сорок пятый дом по Эдгар-стрит.

Та еще задница, представляю, что там творится...

Весь остаток вечера в голову мне лезут мысли только о карте, и Марв выигрывает три раза подряд. И, понятное дело, дает волю злорадству.

Если честно, ненавижу, когда Марв выигрывает. Потому что он не просто злорадствует, а злорадствует мерзко, с ехидцей. Подленько так злорадствует и сигарой еще попыхивает. Тьфу.

Кстати, Марв тоже живет с родителями. Много работает — плотничает на пару с отцом. Вот только ни цента не тратит, все в кубышку пихает. Взять хотя бы эти сигары — их он крадет у папаши. Марв — маэстро мелочности. Спец по сквалыжничеству, скупердяйству и скаредности. Профессионал прижимистости.

Что еще можно сказать о Марве? Волосы светлые, торчат вихрами. Ходит в старых брюках от костюма — говорит, удобные. Любит погременуть ключами в кармане. И выглядит так, словно тайком над кем-то насмехается. Мы выросли вместе, вот почему дружим. Вообще-то у Марва масса знакомых. Во-первых, он зимой играет в футбол и у него есть друзья из команды. Во-вторых и, на самом деле, в-главных, — Марв идиот. Вы замечали, что у идиотов всегда куча друзей?

Это я так, просто к слову пришлось.

Хотя какая мне польза от охаивания Марва? Никакой. Проблему с бубновым тузом это не решит.

В общем, увильнуть не получится. Как ни изворачивайся.

Осознаю я это не сразу, но факт налицо.

Итак, вывод: «Пора браться за дело. Эдгар-стрит, 45. Полночь».

Среда, поздний вечер.

Я сижу на пороге дома, рядом Швейцар, луна положила голову мне на плечо.

Подходит Одри, и я говорю, что завтра ночью берусь за дело.

Но это неправда.

Правда в том, что я смотрю на нее и хочу пойти с ней в дом, уложить на диван и заняться любовью.

Нырять в нее.

Овладевать телом.

Создавать друг друга заново.

Однако ничего не происходит.

Мы сидим и пьем дешевое игристое вино с фруктовым вкусом, которое принесла Одри, — в самый раз для нашего пригорода. Ступней я ерошу шерсть Швейцара.

У Одри длинные худые ноги, они мне очень нравятся. Я посвящаю некоторое время их созерцанию.

Она смотрит на луну, та уже забралась в небо и больше не прикладывается щекой к моему плечу. Там, наверху, хоть и высоко, но луна держится.

А я смотрю на карту в руке. Читаю написанное и морально готовлюсь.

«А кто его знает, — говорю я себе. — Может, когда-нибудь люди скажут: да, в свои девятнадцать Дилан превратился в звезду. В Дали вот-вот должны были разглядеть гения. Жанну д'Арк сожгли на костре за героическое сопротивление захватчикам. А Эд Кеннеди, тоже в девятнадцать, нашел в почтовом ящике свою первую карту».

Помечтав, смотрю на Одри, на раскаленную добела луну, на Швейцара. И думаю: «Хватит обманывать себя, парень».

А на следующий день — милый подарок судьбы! Чудненькая повесточка в суд. Нужно явиться и изложить свою версию событий в банке. Я не ожидал от них такой прыти, по правде говоря.

Явка назначена на половину третьего. Придется выгадывать время в середине смены и ехать обратно в пригород — суд-то местный.

И вот наступает день заседания. Одетый как обычно, я прибываю в суд, но меня просят подождать перед закрытыми дверями. Наконец они распахиваются, и храм правосудия предстает моему взору. Первый человек, который попадает на глаза, — грабитель. Без маски он даже страшнее. К тому же смотрит волком. Неделя в тюрьме не способствует хорошему настроению. И он больше не выглядит несчастным, загнанным неудачником.

А еще на нем костюм.

Дешевый — сразу видно.

Я тут же отвожу глаза, потому что, завидев меня, грабитель пытается изрешетить меня взглядом, как пулями.

«Поздновато, дружок», — думаю я.

Он сидит внизу, а я наверху, в кабинке свидетеля, — ему до меня не добраться.

Судья приветствует меня:

— Что ж, мистер Кеннеди, я смотрю, вы приоделись ради такого случая.

Осмотрев себя, я выдаю:

— Спасибо, сэр.

— Вообще-то я иронизировал.

— А я понял.

— Решили поумничать, мистер Кеннеди?

— Никак нет, сэр.

Он бы с удовольствием отправил меня на скамью подсудимых, если б

мог.

Адвокаты задают мне вопросы, а я на них честно отвечаю.

— Вы положительно уверены, что именно этот человек грабил банк? — спрашивают они.

— Да.

— Абсолютно уверены?

— Абсолютно.

— Но, мистер Кеннеди, как это возможно?

— А что тут невозможного? Я этого урода из тысячи узнаю! К тому же я прекрасно помню, что именно этого парня уводили в наручниках.

Адвокат обдаёт меня презрением и цедит:

— Мистер Кеннеди, это процедурные вопросы. Мы не можем их избежать.

— Понятно, — киваю я.

— Что до «урода», мистер Кеннеди, прошу вас в дальнейшем воздерживаться от клеветнических утверждений. У вас, знаете ли, тоже лицо не с картины мастеров эпохи Возрождения, — решает вставить веское слово судья.

— Большое спасибо, сэр.

— Пожалуйста. — Он одаривает меня улыбкой. — Можете продолжить отвечать на вопросы.

— Да, ваша честь.

— Благодарю.

Исполнив миссию, я иду к выходу, мимо скамьи, на которой сидит грабитель.

— Слышь, Кеннеди?

«Не смотри на него», — прошу себя, но все равно поворачиваю голову. Адвокат шипит на своего подопечного — мол, закрой рот и все такое. Но парня уже не остановить.

— Ты — покойник. Я за тобой приду, слышишь, Кеннеди? — произносит грабитель очень спокойно.

Его слова должны убить меня, но не могут.

— Вспоминай об этом, Кеннеди. Вспоминай каждый день, когда смотришься в зеркало. — Его губы изгибаются в подобии улыбки. — Ты — покойник. Понял?

Я изо всех сил изображаю хладнокровие.

— Да-да-да, — роняю я и небрежно киваю.

И иду себе дальше.

«Господи, — молюсь я про себя, — дай ему жизнь».^[1]

Двери зала заседаний захлопываются, и я шагаю по вестибюлю. Из-за солнца жарко, как в печке.

Женщина в полицейской форме окликает меня:

— Эд, ничего страшного. Не волнуйся.

Легко ей говорить...

— Да? А я тут думаю, не свалить ли из города, — честно отвечаю я.

— Послушай, — говорит она.

Кстати, приятная женщина: невысокая, коренастая и голос добрый.

— Уверяю тебя, когда этот парень выйдет, он будет держаться от тебя подальше, чтобы не загреметь в тюрьму снова. — В ее словах чувствуются уверенность и знание дела. — Некоторые в тюрьме ожесточаются, что есть, то есть. Но он, — кивает женщина в сторону закрытых дверей, — не из их числа, поверь мне. Он все утро проплакал. Не думаю, что тебе грозит опасность.

— Спасибо, — отвечаю я.

После разговора с ней в душе появляется надежда. Но я не знаю, сколько она там продержится.

«Ты — покойник», — звучит голос у меня в голове. В зеркале заднего вида отражается мое лицо, и на нем написаны эти слова.

А я думаю о своей жизни. О воображаемых свершениях. О дипломированной квалификации неудачника. «Провалю любое дело недорого» — вот мое резюме.

«Покойник, — думаю я. — Ну что ж, он недалек от истины».

Я трогаюсь и выруливаю с парковки.

Шесть месяцев.

Подумать только, ему дали всего шесть месяцев. Снисходительность, типичная для нашего времени.

Я не стал никому говорить об угрозе: в конце концов, леди из полиции дала мне хороший совет. Нужно забыть об этом. На самом деле я жалею, что заметка в газете попалась мне на глаза, — так бы и дальше не знал, какой срок ему дали. Ладно, хорошо еще, что в досрочно-условном освобождении отказано.

И вот я сижу на кухне в компании Швейцара. Передо мной бубновый туз. Свернутая газета лежит на столе. На странице трогательная детская фотография грабителя. Мне видны только глаза.

Проходят дни, и становится легче. Я забываю об инциденте.

«Ну в самом-то деле, — думаю я, — что может мне сделать этот придурок?»

Лучше заняться чем-то более насущным. И я постепенно собираюсь с духом, чтобы пойти по первому адресу.

Эдгар-стрит, 45.

Первую попытку я предпринимаю в понедельник. Но мне не хватает храбрости.

Вторник — вторая попытка. Опять не получается выйти из дома. Читаю какую-то ужасную книгу, тщетно пытаюсь найти себе оправдание.

В среду наконец-то выбираюсь на улицу и через весь город иду туда.

На Эдгар-стрит я оказываюсь ближе к полуночи. Темно, уличные фонари разбиты. Только один выжил и слабо подмигивает. В лампочке конвульсивно подергивается свет.

Квартал мне хорошо знаком, Марв сюда часто приезжал одно время.

У него была девушка, она жила тут неподалеку, на такой же загвазданной трущобной улице. Звали ее Сюзанна Бойд, они с Марвом еще со школы встречались. А потом ее семья вдруг собрала вещи и переехала

непонятно куда. Сердце Марва было разбито. Кстати, убогий рыдван покупался с целью свалить из пригорода и найти девушку. Но Марв так никуда и не свалил. Мир оказался слишком большим, и Марв сдался. Так мне кажется. С тех пор он и стал таким сквалыгой и спорщиком. Похоже, он разочаровался в людях и решил думать только о себе. Может быть. А может, и нет. Вообще-то, я стараюсь не думать много о Марве. Такая у меня жизненная позиция.

Все это держится у меня в голове, пока я иду. А потом исчезает.

Вот и конец улицы. Я у цели. Если пройти мимо сорок пятого дома, можно устроиться в укромном местечке на противоположной стороне: три высоких дерева стоят очень плотно. Под ними-то я и сажусь на корточки. И жду. В доме не горит свет, на улице тихо. Краска отслаивается от стен, торчит проржавевший водосток. В сетке от мух на двери зияют дырки. Меня едят комары.

«Скорей бы уже что-то произошло», — думаю я.

Проходит полчаса, я задремаю. И тут мое сердце начинает биться, раскачивая под ногами землю. Вот оно!

Через улицу к дому идет, спотыкаясь, мужчина.

Здоровенный такой.

И пьяный.

Меня он не видит, слишком занят. Взбирается вверх по ступенькам крыльца. К тому же не сразу попадает ключом в замочную скважину.

Прихожая взрывается светом.

С грохотом захлопывается дверь.

— Ты спишь, что ли? — бурчит он. — А ну быстро подошла, сука!

Колотящееся сердце не дает мне дышать. Оно лезет вверх, в горло, и я почти ощущаю его вкус. Сердце вот-вот выпрыгнет и забьется на языке. Меня колотит, я пытаюсь взять себя в руки, но дрожь только усиливается.

Луна выбегает из-за облаков, и неожиданно я чувствую себя голым. Словно все меня могут увидеть, стоит лишь посмотреть в мою сторону. Окоченевшая улица тиха, слышен только раскатистый голос гигантского мужика, который «ворочается» в собственном доме и рычит на жену.

В окне спальни загорается слабый свет.

Сквозь листву я вижу тени.

Женщина в ночной рубашке стоит перед мужчиной. Тот срывает с нее легкую ткань.

— А я думал, ты меня жде-е-е-ешь... — бормочет он, сжимая ее плечи.

Страх держит меня за горло. Я вижу, как мужчина бросает женщину на кровать, расстегивает ремень и брюки.

Наваливается на нее.

Входит.

И занимается с ней сексом — так, что кровать ревет от боли. Матрас скрипит и поскучивает, и только я слышу все это. Боже, как громко...

«Неужели никто не слышит?» — спрашиваю я себя.

Спрашиваю и спрашиваю, много раз.

«Не слышит, потому что всем наплевать», — отвечаю я себе в конце концов. И понимаю, что прав. Я избран.

«Но для чего?» — спрашиваю себя.

Ответ прост: «Чтобы помочь».

На пороге дома появляется маленькая девочка.

Она плачет.

Я смотрю на нее.

В спальне горит свет, никаких звуков уже не слышно.

Проходит несколько минут. Затем все начинается сначала. Боже, сколько же раз за ночь он способен сделать это, рекордсмен, не иначе. Матрас скрипит и скрипит, а девочка на пороге плачет.

Ей лет восемь.

Когда все наконец заканчивается, девочка встает и уходит в дом. Я очень надеюсь, что такое случается не каждую ночь.

«Это физически просто невозможно», — говорю я себе.

На порог выходит женщина и садится на место дочки.

На ней снова ночная рубашка. Ткань порвана, руки обхватили голову так, будто она не держится. В лунном свете четко вырисовывается одна грудь. Я хорошо вижу сосок, он уныло смотрит вниз, ему больно. В какой-то момент женщина вытягивает ладони ковшиком. Словно держит в них сердце. Сквозь пальцы капает кровь.

Я вскочил на ноги и лишь чудом удержался, чтобы не подойти.

«Ты знаешь, что делать».

Это прошептал голос в моей голове. Он же и остановил. Потому что я должен действовать иначе. Я здесь не для того, чтобы утешить эту женщину. До второго пришествия могу ее успокаивать, но это ничего не изменит. И не прекратит того, что творит здесь этот тип по ночам.

Им я должен заняться.

С ним встать лицом к лицу.

А женщина все плачет и плачет. Я очень хочу подойти. Но не могу. Я хочу спасти ее, обнять, защитить. Если бы я мог...

«Как люди могут так жить? — вопрошаю я. — Как они выживают, когда с ними поступают вот так?»

А может, я здесь именно поэтому?

Потому что они больше так не могут?

За рулем я думаю: «Интересно, со вторым адресом — такой же мрак? По первому было изнасилование, что будет по второму? Еще страшнее?» Ко всему прочему насильник, с которым я должен разобраться, больше меня раза в три или четыре. Помесь атлета с машиной, я таких в жизни не видел...

Об увиденном ночью никому не рассказываю. Ни друзьям, ни властям. Нужно что-то другое, на что даже полиция не способна. К сожалению, сделать это должен именно я.

Одри пытается меня расспрашивать за обедом. Но я отвечаю: «Меньше знаешь, крепче спишь».

Тогда она смотрит так, как я больше всего люблю, — взволнованно.

— Ты, пожалуйста, будь поосторожней, — говорит она.

Я киваю, и мы снова идем к машинам.

Весь день я только об этом и думаю. И даже боюсь представить, что меня ждет по двум другим адресам. Хотя внутренний голос нашептывает, что хуже ничего быть не может.

На Эдгар-стрит я хожу каждую ночь, убывающая луна плывет в небе. Иногда ничего не происходит. Он приходит домой и не насилует женщину. В такие ночи тишина на улице разбухает от ожидания чего-то страшного. Я жду в скользком мраке.

Однажды вечером, в супермаркете, случается нечто неприятное. Я иду вдоль полок, в секции собачьей еды, а мимо катит тележку молодая женщина. В тележке сидит маленькая девочка.

— Анжелина, — говорит женщина, — не трогай ничего.

Мягкий голос невозможно не узнать. Именно он зовет на помощь в ночи, когда пьяный похотливый мужик валит на кровать женщину и насилует ее в свое удовольствие. Это голос той, которая тихо плачет на крыльце в молчащей, отвернувшейся от нее темноте.

На какую-то долю секунды наши с девочкой взгляды пересекаются.

У нее светлые волосы и зеленые глаза. И вообще она очень красивая.

Вся в мать, только у женщины лицо измученное.

Некоторое время я иду за ними. Женщина тянется к полке с готовыми супами. И я вижу — все, она на пределе. Стоит внаклонку, пытается не упасть на колени и не разрыдаться. Но ей нельзя рыдать и падать на колени: ребенок смотрит.

Женщина распрямляется, и я подхожу поближе.

В общем, я подхожу, мы смотрим друг на друга.

— С вами все в порядке? — спрашиваю я.

— Да-да, все в порядке, — кивает она, отделяваясь вежливой ложью.

Мне нужно с этим как-то разобраться. И быстро.

Дочитав до этого места, вы, пожалуй, угадаете, как я решил разрулить ситуацию на Эдгар-стрит. По крайней мере, это легко тем, кто похож на меня.

Трусливым.

Мягкотелым.

Слабосильным.

Естественно, в своей неизреченной мудрости я избрал путь пассивного ожидания. Мало ли, вдруг само собой рассосется.

Конечно, я понимаю, насколько жалок. Мое решение — чистейший образчик беспомощности и трусости. Но я элементарно не готов заниматься проблемой Эдгар-стрит. Мне нужно набраться опыта. Справиться, победить в другом деле. А потом уже приниматься за укрощение насильника с телосложением Тайсона.

Я вынимаю карту из ящика комода и смотрю на нее. Мы со Швейцаром пьем кофе. Вчера вечером я ему налил «Нескафе» хорошей марки — «Бленд 43» — и он был в полном восторге.

Поначалу не хотел даже притрагиваться к жидкости в миске.

Посмотрел на меня. Потом в миску.

Снова на меня. Опять в миску.

Бедная псина переглядывалась с кофе минут пять, пока до меня не дошло: Швейцар видел, что я положил себе в кружку сахар. И ждет того же. Согласитесь, пять минут, чтобы осознать очевидное, — не так уж долго. На кружке, кстати, написано: «Неправда, что мы, таксисты, самые главные уроды на дорогах. Есть уроды и поглавнее нас». Понимаете? Короче, Швейцар с хлюпаньем заглотил первую порцию сладкого кофе, а потом сопел и лакал, пока не выхлебал целую миску. А когда управился, поднял морду и посмотрел на меня, требуя добавки.

Вот так мы вдвоем и заседаем в гостиной. Швейцар поглощает кофе, а я таращусь на карту у себя в руке. Следующий адрес — Харрисон-авеню, 13. Ну что ж, надо идти. Завтра. Ровно в шесть вечера.

— Что скажешь, Швейцар? — спрашиваю я. — Как считаешь, будет полегче, чем на Эдгар-стрит?

Пес поднимает морду и скалится в улыбке — явно под кайфом от мощной дозы кофеина.

— ...Я стучал! — упирается в Ричи палец Марва. — Я стучал, а если кто не заметил, так это не мои проблемы!

— Он стучал? — спрашивает меня Ричи.

— Не припоминаю такого.

— Одри?

Подумав мгновение, она отрицательно качает головой. Марв картинно разводит руками, — теперь ему нужно взять четыре карты. Таковы правила «надоеды». Когда остается две карты, нужно постучать. Забыл, сдал предпоследнюю карту, — берешь четыре. Марв постоянно забывает про стук.

С кислой миной он набирает четыре карты, а сам давится от смеха. Конечно, он не стучал, но нельзя же сдаваться без боя. Это тоже часть игры — все привыкли.

Мы играем в доме Одри, на балконе. Темно. Лишь в небе скрещиваются лучи от прожекторов, и прохожие то и дело смотрят вверх. Одри живет на соседней улице, практически за углом от меня. Ее дом не ахти, конечно, но вполне себе ничего.

Идет первый час игры. Я смотрю на Одри и убеждаюсь: да, я ее люблю. Но любовь моя какого-то нервного свойства. Нервного, потому что я слабо представляю себе, что делать. Какие слова говорить. Вот, к примеру, как ей сказать, что я ее безумно хочу? Как она это воспримет? Иногда кажется, Одри во мне разочаровалась. Ведь я мог бы поступить в университет, а стал простым таксистом. Черт побери, а я ведь читал «Улисса»! И Шекспира — не всего, конечно, но половину собрания сочинений точно! И что? А ничего. Безднадежный, бесполезный, не имеющий цели в жизни неудачник. Я вижу: она даже не думает встречаться со мной. Хотя с другими Одри постоянно заводит отношения, а эти другие ничем не лучше меня. Иногда просто тошнит от таких мыслей. Но они все равно лезут в голову. И я думаю о том, чем Одри с другими занимается. И о том, что я ей якобы слишком нравлюсь и такую дружбу не стоит портить постелью.

Впрочем, зачем я себя обманываю?

Я же знаю: от Одри мне нужен не просто секс.

Я хочу слиться с ней, стать единым целым. Хотя бы на мгновение. Мне

будет достаточно и мгновения.

Она выигрывает партию и улыбается мне. А я улыбаюсь ей.

«Подари мне близость», — умоляет все мое существо. Но ничего, конечно, не происходит.

— Так что там с этой странной картой? — спрашивает Марв после игры.

— Чего?

— А то ты, черт побери, не знаешь, чего. — И Марв строго наводит на меня кончик сигары.

Сибарит с недельной щетиной, тоже мне.

— А, это. Я ее выкинул, — отвечаю я.

Все прислушиваются к моему вранью.

— А, — кивает Марв одобрительно. — Правильно, ну ее на хрен, эту карту.

— Угу, — соглашаюсь я. — На хрен.

Конец обсуждению, точка, абзац.

Одри смотрит на меня с веселой ухмылкой.

Мы продолжаем играть, а я вспоминаю, что произошло на Харрисон-авеню, в доме номер 13.

По правде говоря, я испытал большое облегчение после визита — как раз потому, что там ничего не произошло. Оказалось, в доме живет безобидная старушка. На окнах не было занавесок, и я хорошо видел, что она делает: готовит ужин, а потом неторопливо съедает. Пьет чай. По моему, старушка ужинала салатом и каким-то супом.

И одиночеством.

Да, вот такие салат, суп и чай с одиночеством.

Мне старушка понравилась.

Машину я запарковал на противоположной стороне улицы и понаблюдал, не выходя наружу. Было жарко. Хорошо, в салоне нашлась когда-то не допитая бутылка воды. Хотелось верить, что у пожилой леди все в порядке. Такая милая, добрая. У нее еще чайник смешной, старомодный — из тех, что свистят, когда закипают. Она к нему подошла, сняла с плиты: слышу, мол, слышу, не волнуйся. Наверняка так и говорила. Словно утешала плачущего ребенка.

А еще я расстроился. Человеческое существо не должно быть настолько одиноко. Чтобы из всех друзей — лишь чайник со свистком. И никакой компании за ужином.

Честно говоря, у меня самого ситуация немногим лучше.

А что? Кто мне составляет компанию за обедами и ужинами? Правильно, старый пес, которому уже семнадцать лет. Мы с ним пьем кофе. Да ладно, скажете вы, живете душа в душу, ни дать ни взять пожилые любящие супруги. Но все же, но все же...

В общем, престарелая леди что-то сделала с моим сердцем.

Словно, пока она наливала чай в чашку, нечто попало внутрь меня. Я сидел, весь потный и несчастный, в своем такси и смотрел, а она потянула за невидимую нить и что-то во мне приоткрыла. Осторожно вошла, оставила часть себя и тихо вышла наружу.

Я это чувствую — где-то глубоко внутри.

И вот я играю в карты, и милая старая леди отражается в поверхности стола. Никто не видит, только я, как дрожащими руками она подносит ложку ко рту. Мне очень хочется, чтобы она рассмеялась или улыбнулась — подала хоть какой-нибудь знак, показала, что все в порядке. И тут до меня доходит: Эд Кеннеди, ты должен пойти туда. И узнать это лично.

— Эд, давай.

Мой ход.

В руках две карты, надо бы постучать.

Тройка трэф и девятка пик.

Но я не буду стучать по столу. Не хочу выигрывать. Я решил взять еще карт. Похоже, я понял, что должен сделать для пожилой леди. И загадываю так.

Если возьму карты и попадется бубновый туз — я все правильно придумал.

Не попадется — неправильно.

Так что я как бы забываю постучать и под общий смех беру еще четыре карты.

Первая. Дама трэф.

Вторая. Четверка червей.

Третья карта...

Ага.

Угадал.

Все, наверное, смотрят и удивляются, с чего бы это мне улыбаться. Все, кроме Одри. Она мне подмигивает. Ей ничего не нужно объяснять, она и без слов понимает, что я все сделал специально. В руке у меня бубновый туз.

Ф-фух. Это гораздо лучше, чем Эдгар-стрит.

И я очень-очень доволен.

Наступает вторник. На мне белые джинсы и выходные — песочного цвета — ботинки. Из шкафа я извлекаю приличную рубашку. По пути захожу в кондитерскую, и меня обслуживает девушка по имени Миша.

— Ой, а мы нигде не встречались? — спрашивает она.

— Вполне возможно. Только я...

— Вспомнила! Конечно! Вы тот самый парень из банка! Герой!

«Угу, — думаю я про себя. — Герой. С дырой». Но вслух сообщаю:

— Ах да... Припоминаю! Вы — та самая операциониста! Что, теперь здесь работаете?

— Ага, — кивает она и добавляет, несколько смутившись, — в банке стало как-то совсем неприятно...

— Бойтесь нового ограбления?

— Нет, что вы. Я ушла из-за начальника. Такой придурок был...

— Это который прыщавый и с мокрыми подмышками?

— Да-да-да. Представляете, он мне язык в рот попытался засунуть. Видимо, думал, что целуется.

— Ух ты, — понимающе киваю я. — Ну, добро пожаловать в мир мужчин. Мы все одинаковые — в какой-то степени. Влечение и все такое...

— Что верно, то верно, — философски замечает она.

Миша обслужила меня очень любезно, а когда я выходил из кондитерской, крикнула вдогонку:

— Желаю приятно провести вечер, Эд!

— Спасибо, Миша! — отозвался я, но, похоже, недостаточно громко.

Мне не нравится кричать в общественных местах.

В общем, так я и ушел.

Обо всем этом я думаю, пока готовлюсь к визиту. Заглядываю в коробку и осматриваю шоколадный торт — все в порядке. Девушку жалко: этот придурок к ней грязно приставал, ему ничего за это не сделали, а ей пришлось уйти. Вот засранец. Только подумайте, язык в рот девушке засунул. Да я бы со страху помер при одной мысли об этом. А у меня, между прочим, в отличие от кое-кого, нет прыщей. И с подмышками все в порядке. Короче, надо просто верить в себя. Вот и все.

Так, ладно.

Торт подвергается последнему, самому придирчивому осмотру. Потом я оглядываю себя: вроде все хорошо. Пахну одеколоном, одежда приличная. Пора.

Я переступаю через Швейцара и закрываю за собой дверь. На небе

сероватая дымка, на улице прохладно. Ровно в шесть я стою перед нужным домом на Харрисон-авеню. Пожилая дама, как всегда в это время, снимает с огня чайник.

Трава перед домом высохла.

Она хрустит под ногами — словно кто-то жует гренку. Ботинки оставляют на земле заметные следы, и действительно кажется, что под ногами огромный кусок жареного хлеба. Одни розы живы и держатся. Они бодро торчат из клумбы рядом с подъездной дорожкой.

Крыльцо бетонное. Старое и растресканное, прямо как в моем доме.

Сетка от мух порвана на углах и в нескольких местах отходит от рамы. Я ее открываю и стучу в деревянную дверь. В такт с ударами моего сердца.

Слышны приближающиеся шаги. Похоже на тиканье часов, которые отсчитывают время до часа икс. Этого часа.

И вот пожилая дама передо мной.

Она смотрит вверх, мне в лицо, и на несколько мгновений мы оба увязаем во взаимной тишине. Сначала пожилая леди не может понять, кто я такой, но замешательство длится лишь долю секунды. Затем лицо ее озаряется, как вспышкой, моментальным узнаванием, — и она улыбается. Улыбается с невероятной теплотой.

— Джимми! Я знала, что ты придешь! — говорит она.

Отступив на шаг, она снова смотрит на меня. В уголке глаза набухает слезинка. Находит подходящую для путешествия морщинку и катится вниз.

— Ох, — качает головой пожилая леди. — Я тебе так благодарна, Джимми. Я знала. Всегда знала, что ты придешь.

Она берет меня за руку и ведет в дом.

— Проходи, — говорит она.

И я иду.

— Ты останешься на ужин, Джимми?

— Если это не причинит каких-либо неудобств... — отвечаю я.

Она тихо усмехается:

— Какие могут быть неудобства. — И отмахивается. — До чего же ты странный малый, Джимми...

«Во, точно про меня. Странный малый...»

— Конечно, это не причинит никаких неудобств, — продолжает она. — Мы посидим и поговорим о старых добрых временах. Чудесно, не правда ли?

— Конечно...

Она забирает у меня коробку с тортом и несет ее на кухню. Я слышу,

как она несколько бестолково там копошится, и громко спрашиваю, не нужна ли помощь. Она откликается: все, мол, в порядке, не волнуйся, почувствуй себя как дома.

Окна столовой и кухни выходят на улицу, и, сидя за столом, я наблюдаю за прохожими. Люди идут мимо, кто быстрее, кто медленнее. Кто-то останавливается, чтобы подождать собаку, потом снова шагает вперед. На столе лежит пенсионное удостоверение на имя Миллы Джонсон. Ей восемьдесят два.

Из кухни она несет ужин — такой же, как в прошлый раз. Салат, суп, чай.

Пока мы едим, она рассказывает о своих каждодневных передвижениях.

Пять минут посвящаются разговору с мясником Сидом. Нет-нет, мясо она не покупает. Просто болтает о том о сем, смеется над его шутками. Шутки, кстати, не очень-то смешные.

В пять минут двенадцатого она обедает.

Потом сидит в парке, смотрит, как играют дети, а скейтбордисты выделывают фигуры и кульбиты на своей площадке.

Вечером она пьет кофе.

В пять тридцать начинается «Колесо фортуны», она его смотрит.

В шесть ужин.

В девять ложится спать.

А потом Милла задает мне вопрос.

Мы уже помыли посуду, и я снова сижу за столом. Она выходит из кухни, садится в кресло, заметно нервничая.

И протягивает ко мне трясущиеся руки.

Мои руки протягиваются в ответ, а ее умоляющие глаза пристально смотрят в мои.

— Пожалуйста, Джимми, ответь мне, — тихо произносит она, и ее руки дрожат чуть сильнее. — Где же ты был все это время?

В тихом мягком голосе звучит боль:

— Где же ты пропадал?

Что-то застряло у меня в горле. Я понимаю, это слова.

И не сразу опознаю их. Но когда смысл становится понятен, отвечаю:

— Я искал тебя, Милла.

Слова выходят из меня сами собой, будто я всегда знал ответ на этот вопрос.

Моя уверенность передается ей, и она кивает:

— Так я и думала. — Она прижимает мои руки к лицу и целует

пальцы: — Ты всегда находил для меня нужные слова, правда, Джимми?
— Да, Милла, — отвечаю я. — Всегда.

Через некоторое время она говорит, что ей пора ложиться спать. Я уверен: про шоколадный торт Милла сегодня не вспомнит. А мне так хочется попробовать — хотя бы кусочек. Но уже почти девять, и, похоже, я не получу ни крошки этого замечательного кондитерского изделия. Мне, конечно, очень стыдно за такие мысли. Ну что ты за человек, Эд Кеннеди, строго пеняю я себе. Такой трогательный момент, а тебе лишь бы тортом обожраться.

Без пяти девять она подходит ко мне:

— Как ты думаешь, Джимми, не пора ли мне ложиться спать?

— Да, Милла, — мягко отвечаю я. — Конечно, пора.

Мы идем к двери. Я целую ее в щеку и говорю:

— Спасибо за ужин.

И выхожу на крыльцо.

— Пожалуйста, Джимми. Ты еще придешь?

— Обязательно, — оборачиваюсь и отвечаю я. — Тебе не придется долго ждать.

Итак, в этот раз моя миссия посланца — разделить одиночество пожилой леди. Оно сгущается внутри меня по пути домой, и, увидев Швейцара, я беру его на руки и прижимаю все сорок пять килограммов собачьего мохнатого веса к груди. Целую, зарываясь носом в грязную, вонючую шкуру. Такое чувство, что мог бы весь мир вот так прижать к груди и убаюкать. На морде Швейцара читается некоторое изумление, потом он спрашивает: «Ну что, теперь по кофейку?»

Я опускаю его на пол, от души смеюсь и замешиваю старому лентяю кофе с молоком и огромным количеством сахара.

— Не налить ли тебе кофе, Джимми? — задаю я себе вопрос.

— Я отнюдь не против налить себе, — отвечаю я. — И отнюдь не против хорошей чашки кофе!

И снова заливаюсь смехом. Вот теперь я настоящий посланник.

Доставив-таки злосчастный журнальный столик, я долгое время не ступал на порог родительского дома. Несколько недель носу не казал — хотел, чтобы мама чуток поостыла и забыла о моем небрежении и нанесенной ей обиде. По прибытии столика она устроила мне хорошую выволочку.

Для визита я выбираю тихое воскресное утро.

— Ты только посмотри, какое дерьмо приволок в дом этот сраный котяра, — мрачно сообщает она, заведя меня на пороге. — Как дела, Эд?

— Да ничего. А у тебя?

— Ишачу не разгибаясь, как у меня еще могут быть дела...

Мама работает на заправке. Кассиром. Вообще-то ей «всё до одного места», но как ни спросишь — она «ишачит не разгибаясь». На кухне стоит пирог, но мне его не предлагают — должен прийти гость поважнее. Наверное, кто-то из благотворительного комитета.

Я подхожу поближе — хоть посмотрю, раз не дают попробовать.

— Не тронь! — превентивно рявкает мама.

До пирога еще километр, но она уже на страже.

— А что это?

— Чизкейк.

— А кто придет?

— Маршаллы.

Вот так всегда. Неотесанных вахлаков с соседней улицы она угощает, а меня нет. Но что я могу возразить?

— Ну, как там мой журнальный столик поживает?

Мама хихикает и с кривой улыбкой говорит:

— Ничего так поживает. Можешь пойти поздороваться с ним.

Я послушно иду в гостиную — и застываю с разинутым ртом. Ничего себе мама наколола меня...

— Эй! — ору я в сторону кухни. — Это не тот столик!

Мама входит в гостиную:

— Ну да, тот мне разонравился, и я его поменяла.

А вот это взбешивает меня не на шутку. Я, понимаешь ли, отпросился с работы на час раньше, чтобы забрать долбаный столик, — и что?! Он ей, видите ли, разонравился!

— Какого хрена?..

— Я тут как-то говорила с твоим братом Томми по телефону, и он сказал, что мебель из сосны смотрится слишком просто, да и качество дрянь.

Пауза.

— А твой брат очень хорошо разбирается в мебели! Себе, к примеру, он купил антикварный стол из кедра — не где-нибудь, а в центре! Сторговался за триста долларов, да еще и стулья за полцены взял!

— И что?

— Твой брат плохого не посоветует. Не то что некоторые.

— А почему ты не попросила меня заехать за новым столиком?

— С какой стати я должна была это делать?

— Ну, ты же велела мне привезти тот, из сосны!

— Ну да, попросила, — кивает она. — Но согласись, Эд, твоя служба доставки работает фигово.

Если она хотела меня уязвить, у нее это получилось.

— Тебе ничего не надо, мам? — спрашиваю я чуть погодя. — Все равно иду в магазин, может, чего купить?

Она задумывается:

— Хм... Вообще-то Ли с семьей собиралась заехать на следующей неделе. Я буду делать для них шоколадный пирог с орехами. Так что можешь купить дробленые орехи.

— Не проблема, мам.

«А теперь отвали, Эд», — думаю я, выходя за дверь.

Без сомнения, эти слова сейчас звучат у нее в голове.

Мне определенно нравится быть Джимми.

— Джимми, ты мне раньше часто читал... Помнишь?

— Конечно помню, — отвечаю я.

В тот же вечер я снова пошел навестить Миллу.

Она протягивает руку и дотрагивается до моего плеча:

— Не мог бы ты выбрать книгу и чуть-чуть почитать? Мне так нравится твой голос...

— А какую именно? — спрашиваю я, стоя перед шкафом.

— Мою любимую, — улыбается она в ответ.

«Ч-черт... — веду я пальцем по корешкам. — Ну и какая из них любимая?»

Но это ведь совсем не важно.

Я могу выбрать любую, и она окажется ее любимой.

— Что скажешь насчет «Грозового перевала»?

— Как ты догадался?

— Интуиция, — говорю я и приступаю к чтению.

Пара страниц, и она засыпает в кресле-качалке. Разбудив, я помогаю ей дойти до кровати.

— Спокойной ночи, Джимми.

— Спокойной ночи, Милла.

На обратном пути я думаю о своей находке. Ага. Это листок, который лежал в книге на манер закладки. Обычный такой листок из блокнота, тоненький и пожелтевший от старости. На нем стояла дата: 5 января 1941 года. И написано всего несколько строк. Таким, знаете ли, типично мужским, как курица лапой, почерком. Примерно как у меня самого.

Там было написано:

Дорогая Милла!
Моя душа принадлежит твоей.
С любовью,

Джимми.

В следующий раз она извлекает старые фотоальбомы, и мы внимательно просматриваем их. Милла то и дело показывает на молодого человека, — тот обнимает или целует ее на фотографиях. Или просто стоит рядом.

— Ты всегда был таким красивым, — говорит она.

На фото Милла гладит Джимми по лицу, и я понимаю, каково это, когда тебя любит такая женщина. Кончики ее пальцев излучают любовь. Любовь звучит в ее голосе.

— Ты изменился, конечно, но все равно выглядишь замечательно. Да-да-да, ты всегда был у нас первым красавчиком, все девушки это говорили. Даже мама сказала: «Смотри, какой мужчина! Красавец, порядочный — будешь как за каменной стеной». Гляди, повторяла она, не упusti и береги его как зеницу ока!

Вдруг Милла поднимает глаза — в них читается паника:

— О, Джимми! Я ведь берегла тебя? Как зеницу ока?..

Еще чуть-чуть — и я заплачу.

Нет, точно заплачу. Поэтому я смотрю в добрые, милые глаза старой леди и говорю:

— Да, Милла. Ты меня берегла. Как зеницу ока. Лучшей жены я бы не смог сыскать в целом све...

И тут она разражается слезами. Уткнувшись в мой рукав, она долго плачет и плачет. И смеется. Всклипывает — от отчаяния и радости одновременно. Ее слезы, теплые, милые, как она сама, пропитывают мой рукав и согревают руку.

Потом она предлагает мне шоколадный торт — тот самый, что я принес пару дней назад.

— Увы, не припомню, кто его принес, — ласково говорит Милла, — но он очень вкусный. Попробуешь?

— С удовольствием, — отвечаю я.

Торт, конечно, маленько зачерствел, — но что с того?

Это самое вкусное угощение в моей жизни.

Несколько дней спустя вся наша компания вновь собирается на крыльце моей развалюхи — играем в карты. И мне даже везет, но тут вдруг наступает странноватая тишина. А затем из дома доносится звук.

— Телефон, — говорит Одри.

Что-то не так. Что-то нехорошее происходит — и внутри меня начинает шевелиться зловещее предчувствие.

— Ну, ты трубку будешь брать или нет? — спрашивает Марв.

Я встаю. Перешагиваю через дрыхнущего Швейцара. Во мне все трясется от неожиданного страха.

Телефон требовательно звонит — ну-ка, сними трубку, парень!

Я уступаю:

— Алло?

В ответ — тишина. Полная.

— Алло?

Опять ни звука.

— Алло? Кто это?

И тогда в ухо вползает голос, пробирающий меня до печенок. Вот прямо-таки вползает и долезает до самых печенок. Хотя сказаны-то всего три слова:

— Как дела, Джимми?

В груди все обрывается.

— Что? — переспрашиваю я. — Что вы сказали?

— Ты знаешь, о чем я.

И я остаюсь наедине с короткими гудками.

Возвращение на крыльцо дается с трудом.

— Эд, ты проиграл, — заявляет Марв.

Но мне не до злорадных реплик.

И не до карт — чего уж там.

— Да на тебе лица нет, — замечает Ричи. — Сядь, а то рухнешь.

Совет хороший. Я пытаюсь вновь сосредоточиться на игре.

Одри бросает на меня встревоженные взгляды: мол, все ли с тобой в порядке, Эд? Да, да, все нормально, Одри.

После игры она остается у меня, и я еле сдерживаюсь, чтобы не рассказать всю эту историю с Миллой и Джимми. На языке так и вертится вопрос: «Что же мне делать, Одри, дай совет?» Но ирония в том, что я и так знаю, как быть. И никакое другое мнение — даже Одри — не в состоянии ничего изменить. Все предельно ясно: пора двигаться дальше. Я избавил Миллу от одиночества, и наступило время либо заняться следующим адресом, либо вернуться к проблеме Эдгар-стрит. Конечно, я могу приходить к Милле с визитами, но пора делать что-то еще.

Решено. Двигаюсь дальше.

Вечером я, как всегда, вывожу Швейцара на прогулку. Уже поздно, но мы идем вниз, до кладбища. Там я захожу к отцу. А потом мы бродим среди могил.

И вдруг свет карманного фонарика ударяет мне прямо в лицо.

Точно, охранник.

— Ты вообще в курсе, который час? — интересуется он.

Кладбищенским сторожем оказывается здоровенный парень с усами.

— Без понятия, если честно, — отвечаю я.

— Одиннадцать минут первого! Ночью кладбище закрыто для посетителей.

Остается только развернуться и уйти. В другой раз я бы так и поступил. Но не сегодня. Сегодня рот мой открывается сам собой.

— Сэр... У меня тут... э-э-э... В общем, я ищу одну могилу, — бормочу я.

Охранник меряет меня взглядом. На лице у него написана нерешительность. Помочь? Не помочь? В конце концов на физиономии прочитывается решение: «да, помочь».

— Чью?

— Джонсон. Это фамилия.

Он качает головой и отфыркивается:

— Джонсон! Да ты, парень, в курсе, сколько тут Джонсонов лежит?

— Нет, сэр.

— Ты-ся-чи.

И охранник снова фыркает в усы, будто желает впустить и поставить их торчком. Усы, кстати, рыжие. И весь он тоже рыжий.

— Понятно. Но мы можем по крайней мере попытаться? Как вам такая идея?

— А что за порода?

Это он про Швейцара.

— Помесь ротвейлера и немецкой овчарки.

— Что ж он воняет-то у тебя, как помойка... Ты его хоть моешь иногда?

— Да, сэр, мою.

— Ф-фу-у-у... — морщится он и отворачивается. — Черт, аж слезы из глаз выбивает...

— Вы поможете мне с могилой? — напоминаю я.

— Ах да, — вскидывается он. — Точно. Ну, давай попытаемся. Этот старый пердун когда копыта откинул, хоть примерно?

— Я бы попросил вас быть немного повежливее, сэр.

Охранник останавливается и оборачивается ко мне.

— Значит, так.

Я вижу, парень начинает... как там мне говорили?.. петушиться, вот.

— Хочешь, чтобы я тебе помог, — не раздавай здесь указаний. Понятно?

— Да, сэр. Извините, пожалуйста.

— Нам в ту сторону.

Обойдя полкладбища, мы обнаруживаем могилы нескольких Джонсонов, — но среди них нет того, кто мне нужен.

— Слушай, ты настырный засранец, как я погляжу, — не выдерживает наконец охранник. — Чем тебе эта могила не подходит?

— Здесь написано «Гертруда Джонсон».

— А тебе кто нужен?

— Джимми.

И меня посещает счастливая идея назвать еще одно имя:

— Имя жены — Милла.

Охранник резко останавливается, смотрит на меня и говорит:

— Милла?.. Черт, а ведь я помню эту могилу. Я ее точно помню — имя на камне выбито...

Мы быстро идем на другой конец кладбища, и он не перестает бормотать:

— Милла, Милла...

Луч фонарика утыкается в надгробие.

Мы у цели.

Джеймс Джонсон

1917–1942

Пал смертью храбрых

Помним. Любим. Скорбим

Милла Джонсон

Фонарик заливает ярким светом могильный камень, а мы стоим и смотрим — долго, минут десять, не меньше. И все это время я напряженно думаю: где он погиб? Как? А самое главное: это что же, бедная Милла ждала его шестьдесят лет?!

Она ждала, я точно знаю.

Не было в ее жизни другого мужчины. Потому что сердце принадлежало лишь Джимми — безраздельно.

Шестьдесят лет она ждала, что Джимми вернется.

И вот он вернулся.

Однако все равно пора двигаться дальше.

История Миллы прекрасна и трагична одновременно. Но меня ждут другие послания. Следующее — Македони-стрит, дом шесть. Пять тридцать утра. Нет, конечно, я подумывал и о возвращении на Эдгар-стрит. Но мне не хватило храбрости. Слишком страшные вещи я там видел и слышал. Была, правда, надежда, что все изменилось к лучшему. Но это не так. Я туда как-то пришел в полночь. Все по-прежнему.

Восход застает меня на Македони-стрит. Середина октября, а погода не по-весеннему жаркая. Утро выдается теплым и солнечным, и я поднимаюсь по круто забирающей вверх улице. На вершине холма стоит двухэтажный дом.

На часах пять тридцать, из-за дома показывается одинокая фигурка. Похоже, это девушка, хотя точно сказать трудно — на голове капюшон, скрывающий лицо. На человеке красные спортивные трусы, серая толстовка с капюшоном, а вот обуви нет. Идет босиком. Ростом примерно метр восемьдесят.

Ну что, я усаживаюсь между двумя припаркованными машинами — нужно дождаться возвращения человека.

Ждал я так долго, что чуть не уехал на работу. Но в последний момент она — это все-таки девушка — показалась из-за угла. Она бежала, уже без толстовки, — та болталась, завязанная на поясе. Теперь я хорошо мог разглядеть лицо и волосы.

Кстати, в этот момент я как раз сворачивал за угол, так что мы чуть не столкнулись.

На мгновение мы оба застываем.

Девушка одаривает меня мимолетным взглядом.

За это время я успеваю разглядеть, что ее собранные в хвостик волосы — цвета солнца, а глаза — прозрачные, как вода. Бледно-бледно-голубые, я похожих еще не видел. И губы нежные, таким идет приветливая улыбка.

А потом она снова переходит на бег.

Я смотрю ей вслед, она тоже оглядывается. Затем отворачивается и бежит дальше.

Ноги у нее гладко выбриты, — как же я раньше не понял, что это девушка? Длинные и красивые ноги. Симпатичная, высокая. Худенькая, но грудь нормальная, спина прямая, бедра узкие. Ступни не очень большие. И шаг легкий-легкий.

Краси-и-и-вая.

Да, красивая. А я — олух.

Ей не больше пятнадцати, а я втюрился. Аж распирает изнутри — так борются любовь и вождление. Я понимаю, меня тянет к девушке, которая в пять тридцать утра выходит босая на пробежку. Тянет неодолимо.

На обратном пути я все думаю: так чем же ей помочь? Что я должен ей доставить? Надо попытаться действовать методом исключения. Она из хорошего района — значит, дело не в деньгах. Да и друзей у нее наверняка полно, хотя кто знает...

И вот еще. Она бежит.

Наверняка задание с этим как-то связано. Непременно связано.

С тех пор я хожу туда каждое утро, но стараюсь не показываться ей на глаза.

А в один прекрасный день я решил: а почему бы не познакомиться поближе? Побегу за ней. Как есть: в джинсах, ботинках и старой белой футболке. Она уже далеко впереди, но ничего, догоню.

Девушка идет шагом.

Я пытаюсь сократить расстояние.

И перехожу на бег. Боже, такое впечатление, что я спринтер и бегу на Олимпийских играх четырехсотметровую дистанцию! Ну что ж, теперь все со мной ясно. Водитель такси, пренебрегающий спортом.

Я жалок.

Ноги задевают одна за другую.

И поднимать их становится все труднее. А ведь надо тащиться следом за девушкой. О мои бедные ноги, словно два плуга, вспахивающих землю, — зарываются все крепче и крепче... Дышать я стараюсь как можно глубже, но в горле стоит огромный ком. Легким не хватает воздуха. Я чувствую, как он всасывается вниз, но его недостаточно. А ведь надо бежать вперед. Надо!

Девушка направляется к окраине нашего городка, к стадиону. Он вытянулся в долинке, и, к счастью, дорога идет под гору. Сейчас — да, а вот как я буду выбираться — сам не знаю...

Наконец мы достигаем стадиона, девушка легко перепрыгивает через

изгородь, стаскивает с себя толстовку и оставляет ее висеть на ограде. А я, пошатываясь, перехожу на шаг и падаю на землю под ближайшим деревцем — там тенек, и то хорошо.

Девушка нарезает круги.

Вокруг меня все быстро кружится.

Тошнота наползает, похоже, сейчас вырвет. И пить хочется до невозможности, — но как дойти до крана? Я даже встать не могу, лежу на спине, с меня ручьями течет пот.

«Боже мой, Эд, — вздыхаю я. — Что-то ты вообще не в форме, да...»

«Это точно», — отвечаю сам себе.

«Но это же отвратительно!»

«Да знаю я».

Еще я понимаю, что вот так просто лежать под деревом не годится. Но прятаться от девушки у меня нет сил. Увидит так увидит. Я двинуться не могу, не то что встать и пойти куда-то. А уж как завтра все мускулы будут болеть...

Между тем девушка перестает бегать кругами и приступает к упражнениям на растяжку. К этому времени воздух наконец-то начинает поступать в легкие в нужном объеме, и мне уже полегче.

Она ставит ногу на ограду. Нога длинная и очень красивая.

«Не смей об этом думать. Не смей об этом думать», — твержу я себе.

И вдруг она меня замечает. И тут же отворачивается. Опускает голову и смотрит в землю. Прямо как тем утром. На меня глядит не больше секунды. Я понимаю: девушка сама ко мне не подойдет. Умная мысль посещает меня, как раз когда она снимает одну ногу с ограды и ставит на нее другую. Хочешь пообщаться, Эд? Подойди сам.

Растяжка завершена. Девушка берет толстовку. И тут я резво подымаюсь и иду к ней.

Она начала было бежать, но тут же остановилась.

Потому что все поняла.

Я думаю, она должна это чувствовать: я здесь, потому что она здесь.

Между нами шесть или семь метров. Я смотрю на нее. Ее взгляд упирается в землю где-то в ярде от моей правой ноги.

— Здравствуйте... — выговариваю.

Глупым до невозможности голосом.

И перевожу дыхание.

— Привет, — отвечает она.

Ее глаза все еще изучают землю где-то рядом со мной.

Я делаю шаг. Один.

— Меня Эд зовут.

— А я знаю, — говорит она. — Эд Кеннеди.

Голос высокий, но мягкий — в него можно упасть с разбегу. Чем-то напоминает Мелани Гриффит. У нее похожий голос, помните? Вот и у девушки такой же, да.

— А как ты узнала, кто я? Мне же интересно.

— Ну, папа газету читал, а я твою фотографию видела. Там про ограбление банка было, да?

— Ага, — говорю я и подхожу ближе.

После нескольких неловких мгновений она все-таки поднимает на меня глаза.

— А зачем ты за мной ходишь?

И вот стою я, одолеваемый усталостью, и говорю:

— Я пока еще сам не понял.

— А ты точно не извращенец или вроде того?

— Да нет же!

И тут же начинаю судорожно думать: «Не смотри на ее ноги. Не смотри на ее ноги!»

А она глядит на меня и улыбается — приветливо, как тогда.

— Ну и отлично. А то я уже начала бояться — ты ведь каждый день приходил.

А голосок сладкий-сладкий, даже не верится, что такие бывают. Прямо как клубничный наполнитель в мороженом...

— Слушай, извини. Не хотел тебя пугать.

На губах ее выступает осторожная улыбка.

— Ладно, ничего страшного. Просто... ну... у меня с людьми разговаривать не очень-то получается.

Она снова отворачивается, будто от стеснения ей перехватило горло. Потом говорит:

— Вот... В общем, ты не против, если мы не будем разговаривать?

Она спешит добавить, боясь меня обидеть:

— То есть я совсем не возражаю, чтобы ты по утрам сюда приходил. Просто я говорить не буду, ладно? Я не очень себя удобно чувствую и все такое...

Я киваю в ответ, надеюсь, она это замечает.

— Да не проблема.

— Спасибо.

Девушка оглядывает землю у моих ног в последний раз и вдруг спрашивает:

— А ты, похоже, бегаешь не очень регулярно?

Вкусом ее голоса можно наслаждаться — в данный момент я, например, распробовал на губах девушки клубнику. Вполне возможно, мы вообще в последний раз говорим, и я ее больше не услышу. Но потом все же отвечаю:

— Да, не очень.

И мы обмениваемся понимающими дружелюбными взглядами.

А потом она убегает. Я смотрю ей вслед и слушаю, как босые ступни легонько касаются земли. Чудесный звук. Он напоминает ее голос.

В общем, на стадион я прихожу каждый раз до работы. И каждый день она бежит. Каждый божий день, ни единого пропуска! Помню, однажды утром лил дождь как из ведра — так она все равно наматывала круги.

В среду я беру отгул (оправдываясь перед собой, что человек, у которого есть высокое призвание в жизни, должен идти на жертвы). Швейцар плетется вслед за мной, и мы направляемся к школе. Время около трех, и она выходит после занятий. С ней небольшая компания друзей, и это отрадно. Как я и предполагал, от одиночества девушка не страдает. Хотя, видя такую стеснительность, начинаешь беспокоиться.

Вы никогда не замечали: если смотришь на людей издали, видишь только картинку, без звука. Как в немым кино. И начинаешь строить догадки: о чем это они говорят? Наблюдаешь, как раскрываются и закрываются рты, воображаешь звуки шагов, шарканье подошв. И все гадаешь: так на какую тему у них разговор? И самое главное — о чем они думают, произнося то, что произносят?

Кстати, я замечаю одну странность. К их компании — сплошь из девчонок — подошел парень. Ну и некоторое время они шли рядом. И моя бегунья тут же стушевалась, принялась смотреть в землю. А когда парень ушел, снова оттаяла.

Остановившись и подумав, я делаю следующий вывод: девушке просто не хватает уверенности в себе. Мне ее, кстати, тоже не хватает.

Возможно, она себе кажется неуклюжей дылдой. И не понимает, что все остальные считают ее очень красивой! Ну, если дело только в этом, все быстро уладится.

И тут же качаю головой.

Осуждающе.

«Как тебе не стыдно так говорить, — отчитываю себя. — Все быстро уладится! А ты почему знаешь? У тебя уладилось, Эд? Сомневаюсь... Вот и у нее так же будет».

Да, я прав. Нечего тут планы планировать и предсказания предсказывать. Нужно делать то, что должно. И надеяться на лучшее.

Я даже несколько раз приходил к ее дому ночью.

Ничего такого не случилось.

Вообще ничего, ни разу.

Я смотрю на себя оценивающим взглядом, на каждое из своих заданий. Вот бегунья, вот Милла, вот жуткая Эдгар-стрит.

Смотрю и понимаю: я даже имя этой девушки не удосужился узнать. Мне почему-то кажется, что ее должны звать Элисон. Но я привык думать о ней как о «бегунье».

Еще я хожу на соревнования по легкой атлетике, летом они проводятся каждые выходные. Девушка, конечно, выступает. Я вижу ее с семьей: мать, отец, младшие сестра и брат. Все одеты в черные шорты и голубые майки с прямоугольной нашивкой на спине. У девушки номер 176, а над ним рекламный слоган какао: «Пей „Майлоу“ — расти здоровым!»

Вызывают участников забега на полтора километра среди спортсменов младше пятнадцати лет. Девушка встает, стряхивает с одежды сухие травинки.

— Удачи, — говорит ей мама.

— Удачи, Софи, — эхом повторяет отец.

Софи.

Мне нравится это имя.

Повторяю про себя: «Софи». И осторожно примериваю на ее образ. Что ж, они подходят друг другу.

Девушка все еще смахивает сор со спортивных трусов, а я вспоминаю, что у нее же есть брат с сестрой. Но дети умчались. Девочка отправилась к площадке для метания ядра, а мальчик побежал играть в войну с мелким гаденышем по имени Кирен.

— Я могу поиграть с Киреном? Мам, ну пожалуйста...

— Иди. Но ты помнишь, что скоро твой забег? Слушай объявления, твое — забег на семьдесят метров. Ты понял меня?

— Да, мама. Кирен, пошли!

Некоторое время я сижу и наслаждаюсь тем, что меня зовут Эд, просто Эд. Что у меня не хитрое имя типа Эдвард, Эдмунд или Эдвин. Для разнообразия приятно почувствовать себя совершенной посредственностью.

Софи поднимается на ноги и замечает меня. На лице — удовлетворение. Да, ей нравится, что я здесь. И все равно она почти тотчас же отворачивается и смотрит в землю. Потом отправляется к месту сбора с

парой раздолбанных шиповок в руке. Видимо, детям постарше разрешается бежать длинные дистанции в таких кроссовках. Тут ее окликает отец:

— Софи?

Она оборачивается и смотрит ему в лицо.

— Софи, ты можешь выиграть. Ты знаешь, что можешь. Нужно просто захотеть.

— Спасибо, папа.

Она торопливо уходит. И еще раз оглядывается на меня. Я сижу на солнышке, пихаю в рот шоколадную печеньку. Кокосовая стружка облепила мне губу, и стряхивать ее слишком поздно. Софи, впрочем, все равно ее не увидит, с такого-то расстояния. Она глядит на меня и сразу идет дальше. А я уже понял, что нужно делать.

Был бы понаглее, сказал бы, что эта миссия — как два пальца об асфальт. Легче легкого.

Но с наглостью у меня проблематично.

А еще я помню про Эдгар-стрит. И знаю: на каждое легкое, приятное поручение будет приходиться такое, от которого поджилки затрясутся. Так что я благодарен за эту миссию. Погода стоит отличная, девушка мне нравится. Она привлекает еще больше, когда бежит голова в голову с высокой худощавой девчонкой, у которой, похоже, над Софи преимущество. Они долго бегут рядом, но у финиша высокая девочка делает рывок вперед. Она ускоряется, ее поддерживает мужчина: «Вперед, Анни! Да! Да! Давай, моя девочка! Так им! Покажи им! Сделай ее, доченька, сделай ее, ты можешь!»

Не знаю, как вы, но если бы мне такое орали, я бы пришел вторым из принципа.

Отец Софи, кстати, ведет себя совсем по-другому.

Перед началом забега он выходит к ограждению. Потом внимательно наблюдает за гонкой. Не кричит, просто смотрит. Время от времени я чувствую напряжение его воли, — мужчина словно хочет подтолкнуть дочку взглядом. Когда другая бегунья вырывается вперед, отец Софи просто кидает в сторону ее отца короткий взгляд. И все. Другая девушка выигрывает забег, и он аплодирует — и ей, и Софи. А отец выигравшей девушки весь раздувается от неприличной гордости. Можно подумать, это он бежал из последних сил и выиграл.

Софи подходит и становится рядом с отцом, тот обнимает ее за плечи. Слово «разочарование» написано у нее на спине большими буквами.

Почему-то отец Софи напоминает моего собственного, хотя он никогда не обнимал меня за плечи. Да и вообще был алкоголиком. Просто

чувствуется что-то похожее в манерах и в поведении. Мой отец тоже был очень спокойным, тихим человеком и в жизни никому не сказал худого слова. Ну да, он каждый день шел в паб и сидел там до закрытия. А потом гулял, чтобы протрезветь. У него, правда, никогда не получалось протрезветь окончательно. Но работу не пропускал ни разу: утром вставал и ехал трудиться, каждый будний день, без исключений. Мама, конечно, орала, вопила и верещала, понося его на чем свет стоит, но он за всю жизнь не сказал ей в ответ грубого слова. Никогда не отвечал бранью на брань.

В общем, отец Софи такой же. Понятное дело, я не алкоголизм имею в виду. Он джентльмен.

Бок о бок они идут туда, где сидит мать Софи. Девушка пьет какой-то энергетический спортивный коктейль, а ее родители держатся за руки. Они, похоже, из тех семей, в которых принято обмениваться репликами «Я люблю тебя, солнышко» и «Я тебя тоже люблю» перед сном, после пробуждения и уходя на работу.

Шиповки лежат на земле, Софи их сбросила. Она смотрит перед собой и вздыхает:

— Обидно. Думала, в них мне наконец-то повезет.

Похоже, эти кроссовки Софи дала мать или кто-то другой из родственников, потому что в свое время они кому-то принесли удачу.

Семья Софи сидит на траве, и я присматриваюсь к шиповкам. Вытертые, старые, изношенные — раньше они были желто-голубыми.

А еще они... неправильные.

Софи заслуживает большего, чем рваные кеды.

— Куда это ты пропал?

— Да я занят был...

Мы с Одри сидим на крыльце, попиваем какую-то дешевую малоградусную бурду. В общем, как всегда. Швейцар выходит — тоже хочет выпить. Но я его только похлопываю по шее.

— Тебе больше карт по почте не присылали?

Одри, конечно, в курсе, что никуда я бубновый туз не выкинул. Эта карта дороже любых брильянтов. А бриллианты ведь никто в здравом уме не выкинет? Они ценные, их беречь надо. Ну а моя карта еще ценнее.

«Милла, — думаю я. — Софи. Женщина с Эдгар-стрит. И ее дочка, Анжелина».

— Да нет, — говорю вслух. — Я пока с этой не разобрался.

— Как думаешь, еще пришлют?

Я задумываюсь: хочется ли мне, чтобы прислали еще одну карту?

— Там и с первой-то очень непросто, — наконец отвечаю я, и мы отхлебываем из бутылок.

К Милле я захожу регулярно. Она показывает мне фотографии, я читаю вслух «Грозовой перевал». Кстати, книга мне даже начала нравиться. Торт мы съели несколько дней назад — и слава богу.

Пожилая леди все так же любезна. Руки у нее трясутся, и память подводит, но она по-прежнему мила со мной.

На следующих выходных Софи проигрывает еще в одном забеге — на этот раз на восемьсот метров. А все эти старые заплатанные шиповки — ей в них неудобно! Софи нужно что-то получше, я же видел ее по утрам. Вот тогда она взаправду бежит. Бежит, ни о чем не думая, и выкладывается по полной.

Ранним субботним утром я прихожу к дому Софи и стучусь в дверь. Открывает ее отец.

— Здравствуйте...

Я нервничаю, словно явился спросить, могу ли встречаться с его дочерью. В руках у меня коробка для обуви, отец Софи смотрит на нее. Я быстро протягиваю коробку и говорю:

— Доставка для вашей дочери. Надеюсь, они подойдут по размеру.

Коробка переходит из моих рук в его, и на лице моего собеседника проступает некоторая растерянность.

— Просто скажите Софи, что пришел парень и принес ей новые кроссовки.

Отец девушки смотрит на меня как на обкуренного:

— Ну... ладно.

И изо всех сил старается не прыснуть со смеху:

— Так и скажу.

— Большое спасибо.

Я разворачиваюсь и иду, но его голос заставляет меня остановиться.

— Эй, послушайте, — окликает меня отец Софи.

— Да, сэр?

С озадаченным выражением лица он взвешивает на руках коробку — и выдвигает ее вперед, как предлог для беседы.

— Я знаю, — спокойно говорю я.

Коробка пуста.

Побриться я не успел, да и вообще выгляжу — краше в гроб кладут. Смена окончилась в шесть утра, я оставил такси на стоянке и сразу пошел сначала к дому Софи, а потом на стадион. На завтрак у меня были хот-дог и кофе.

Объявляют забег на полторы тысячи метров. Софи выходит босиком.

И я улыбаюсь: действительно, получились «босоногие кроссовки».

— Пожалуйста, пусть ей никто не наступит на ногу, — говорю я вслух.

Через несколько минут к ограждению подходит ее отец. Забег начинается.

Придурочный папаша победившей в тот раз девушки начинает орать как потерпевший.

Софи спотыкается и падает сразу после первого круга.

До того как упасть, она была с четырьмя другими девушками в группе лидеров, — остальные участники растянулись метров на двадцать пять. Софи поднимается на ноги, и я тут же вспоминаю эпизод из фильма «Огненные колесницы», когда Эрик Лиддел падает, но потом все равно всех обгоняет и приходит к финишу первым.

Остаются еще два круга, Софи прилично отстает.

И вот она догоняет группу лидеров. Двоих обходит легко, потому что бежит как утром. В ней нет напряжения, только радость жизни и абсолютное чувство свободы. Не хватает лишь красных спортивных трусов и толстовки. Босые ноги несут ее легко-легко, и вот она обходит третью бегунью. И оказывается бок о бок со своей давней соперницей. Софи обгоняет ее и удерживает лидерство. Впереди еще двести метров.

«Она бежит прямо как утром», — думаю я, а люди оборачиваются и смотрят ей вслед.

Многие видели, как Софи упала, поднялась и побежала дальше. И вот теперь люди наблюдают за ней, а Софи — впереди всех, она летит к финишу. Такого здесь еще не видели. Метание диска приостановилось, прыжки в высоту тоже. Вокруг притихли и смотрят. Весь стадион следит за девушкой с солнечными волосами и сладким, будто клубника, голосом, как она тяжело дышит и летит, летит к финишу.

Ее догоняет соперница.

Хочет вырваться вперед.

Колени Софи в крови, ободрались во время падения, и ступни наверняка исколоты, но так надо. Последние сто метров оборачиваются для девушки сущей пыткой. Я вижу боль на искаженном лице, ступни кровят. Она бежит по сухому лысеющему травяному полю и почти улыбается — от боли. И от восторга. Софи — сама по себе, ей дела нет ни до кого другого.

Она бежит босиком.

И она — воплощенная радость жизни. Такого я еще не видел.

Девушки финишируют.

Та, другая, выиграла.

Все как всегда.

Софи пересекает финишную черту и падает на землю. Перекатывается на спину и смотрит вверх, в небо. У нее болят руки, ноги и сердце. Но на лице — то же чудесное выражение, что и утром. И она, я полагаю, думает: «Вот оно. Пять тридцать утра».

Отец Софи аплодирует, как всегда, только в этот раз не он один. К нему присоединяется отец выигравшей девушки:

— Черт, вот это да! Замечательная у вас дочка, сэр!

Отец Софи вежливо и скромно кивает.

— Спасибо. У вас тоже, сэр, — говорит он.

Ж

Простой смертный

Я выкидываю в урну пластиковый стаканчик из-под кофе, обертку от хот-дога и собираюсь идти домой. Естественно, пальцы все в кетчупе.

Потом слышу у себя за спиной звук ее шагов, но не оборачиваюсь. Хочу услышать голос.

— Эд?

Боже, этот голос ни с чем нельзя перепутать.

Я поворачиваюсь и улыбаюсь девушке, у которой в крови колени и ступни. С левой коленки струйка криво стекает до голени.

Я показываю на нее и говорю:

— Хорошо бы перевязку сделать и все такое.

— Да, обязательно, — отвечает она спокойно.

Между нами повисает неловкое молчание. Я понимаю: мне здесь больше делать нечего. Ее волосы распущены. И прекрасны. А в глазах можно утонуть и не пожалеть об этом. А губы ее раскрываются, и она говорит мне:

— Я просто хотела сказать спасибо.

— За то, что ступни исколола и колени разбила?

— Нет. — Она не ведется на мою шутку. — Я хотела поблагодарить тебя, Эд. Спасибо.

Приходится сдаться:

— Ну... пожалуйста.

Мой голос похож на скрип гравия — не то что у нее.

А когда я делаю шаг вперед, то понимаю: Софи больше не наклоняет голову и не смотрит в землю. Она поднимает глаза и даже не стесняется.

— Ты красавица, Софи, — говорю я. — Ты знаешь об этом?

Ее лицо заливает легкий румянец, но Софи не возражает.

— Я увижу тебя снова? — спрашивает она.

По правде говоря, я думаю, что не раз придется пожалеть о словах, которые я произношу в ответ:

— Но не в пять тридцать утра, только не это!

Она заводит ногу за ногу и легонько поворачивается, посмеиваясь про себя.

Я уже собираюсь уходить, как вдруг она говорит:

— Эд?

— Да, Софи.

Она явно не ожидает, что я знаю ее имя, но все равно спрашивает:

— Ты случайно не святой?

Внутри меня все сотрясается от смеха.

Я? Святой? Ну-ка, перечислим мои ипостаси: таксист, местный бездельник, эталон посредственности, никудышный любовник, неудачливый игрок в карты.

Мое последнее слово таково:

— Нет, Софи, я не святой. Я простой и глупый смертный.

Мы в последний раз обмениваемся улыбками, и я иду прочь.

Спиной чувствую ее взгляд, но не оборачиваюсь.

Q

Возвращение на Эдгар-стрит

Ощущение такое, что каждое утро кто-то хлопает у меня над ухом в ладоши.

Чтобы я проснулся.

Раскрыв глаза, я получаю три воспоминания. Каждое утро.

Милла.

Софи.

Эдгар-стрит, 45.

Первые два заставляют радостно вскакивать с восходом солнца. А вот третье... третье спутывает ноги, запускает мурашки по коже, а плоть и кости заставляет трепетать.

Поздними вечерами я пересматриваю «Придурков из Хаззарда». Там еще толстый мужик вечно сидит и пожирает за столом маршмеллоу.^[2] «Как зовут этого парня?» — спросил я, когда еще смотрел первую серию. В кадре тут же показалась Дэйзи и сказала: «Как дела, Босс Хогг?»

Босс Хогг.

Конечно.

О боже, как же Дейзи хороша в обтягивающих джинсах. Каждый вечер я смотрю на экран, вижу ее — и пульс мой ускоряется до невозможности. Но, увы, она почти мгновенно исчезает из кадра.

Швейцар каждый раз бросает на меня понимающие ехидные взгляды.

— Да ладно тебе, — оправдываюсь я.

Но вот Дейзи опять на экране — и я глух ко всем упрекам. Красивые женщины — проклятие моей несчастной жизни.

Ночи и серии «Придурков» проходят одна за другой.

Такси я вожу, страдая от жуткой головной боли. Она сидит на пассажирском сиденье. Я оборачиваюсь, а боль тут как тут.

— Приехали, — говорю я. — Шестнадцать пятьдесят.

— Шестнадцать пятьдесят? Аж шестнадцать? — принимается нудеть пожилой джентльмен в костюме.

Его слова — как кипящий бульон в моей голове. Пена поднимается и опускается, внутри все булькает.

— Деньги давайте сюда. — Сегодня мне не до реверансов. — И вообще, если дорого, пешком ходите.

А то я не знаю, что поездку он запишет на счет компании.

Пассажир отдает мне деньги, я благодарю.

«Неужели так трудно вести себя нормально?» — думаю про себя.

Мужик выходит и громко хлопает дверью. Такое впечатление, что он ударил меня по голове.

В принципе, я жду нового телефонного звонка. Чтобы голос из трубки сказал: «А ну-ка быстро метнулся на Эдгар-стрит и все там уладил». Проходит несколько дней, но никто не дает мне пенделя по телефону.

В четверг вечером мы играем в карты у Одри, но я ухожу пораньше. Все свободное пространство в моей голове занимает предчувствие. Из-за него я поднимаюсь и ухожу, скупно прощаясь с друзьями. Час пришел, нужно идти. Я должен занять свой пост у дома на Эдгар-стрит, дома, захваченного насильником. Дома, в котором почти каждую ночь творятся ужасы.

И вот я иду туда и понимаю: ноги сами несут меня быстрее. Потому что окрыляет мысль об успехе: я ведь справился с двумя заданиями.

Милла. Софи. Я все сделал.

А теперь должен встретиться лицом к лицу с этим.

Поворачиваю на Эдгар-стрит и чувствую, как сжимаются кулаки в карманах. Оглядываюсь по сторонам, не смотрит ли кто.

Подходя к дому Миллы или Софи, я не чувствовал опасности — да и с чего, такие приятные люди. Никакого риска. А тут — все по-другому. О чем ни подумай, одна сплошная боль. Все плохо и может обернуться еще хуже — у жены, у девочки, у мужа. И у меня.

Время идет, я жду. В кармане обнаруживается позабытая жвачка, я кладу ее в рот. У нее тошнотворный вкус, как у страха.

Предчувствие во мне нарастает, и в конце улицы появляется он — хозяин дома. Вот мужчина подходит к ступеням крыльца. Тишина подбирается все ближе. И вдруг бросается вперед, отпихивая меня в сторону.

И это снова происходит.

Насилие. Оно врывается, запускает пальцы — буквально во все. Рвет на части, и все разваливается, расползается. Я ненавижу себя за то, что так долго собирался с духом и до сих пор не покончил с этим кошмаром. Я презираю себя за трусость: выбирал легкие варианты и откладывал приход сюда вечер за вечером. Пружина ненависти сжимается во мне — и распускается резким ударом. Она бьет в душу и бросает ее на колени передо мной. Душа кашляет и задыхается, и ненависть к себе захлестывает меня с головой.

«Дверь, — думаю я. — Иди к двери, она открыта».

Думаю, но не двигаюсь с места.

Я не могу, ибо трусость сбивает с ног и топчет душу, которая безуспешно пытается подняться с колен, но падает обратно в полном бессилии. Пошатывается — и валится на землю с глухим, окончательным звуком. И смотрит вверх, на звезды. Капельки света по всему небу — это же звезды?

«Ну-ка встань», — говорю я себе снова. И на этот раз встаю и иду.

Все вокруг дрожит от страха, но я поднимаюсь по ступеням и подхожу к двери. Далекие облака настороженно смотрят на меня и боязливо пятятся. Мир заявляет, что он тут ни при чем. Что ж, я могу его понять.

Войдя внутрь, я их слышу.

Он будит ее — беспардонно.

А потом мучает.

Влезает ей в душу — и бросает на произвол судьбы.

Швыряет на кровать, овладевает ее телом и вспарывает живот. Пружины матраса скрипят с отчаянным подвыванием. Они обречены делать то, чего не хотят: вверх — вниз, вверх — вниз. Жаловаться, просить о пощаде — бессмысленно. До прихожей, где я стою, доползает тихий плач. Припадая к полу, кривенько, бочком он вытаскивается из-за приоткрытой двери и тычется мне в ноги.

«Ну что? И сейчас не войдешь?» — сердито спрашиваю себя.

И все равно стою и жду.

Дверь открывается шире, и из щели показывается плачущий ребенок. Девочка.

Она стоит прямо передо мной и трет кулачком глаз — прогоняет настырный сон, который там поселился. На ней желтая пижама в красных корабликах, большие пальцы ног сгибаются и трутся друг о друга.

Девочка смотрит на меня, но в ее глазах нет страха. Ужаснее того, что творится у нее за спиной, ничего быть не может.

— Ты кто? — спрашивает она шепотом.

— Я Эд, — шепчу я в ответ.

— А я Анжелина, — говорит девочка. — Ты пришел нас спасти?

В глазах у нее загорается крохотная искорка надежды.

Я нагибаюсь, чтобы мое лицо оказалось вровень с ее. Мне очень хочется сказать: «Да, Анжелина, именно так. Я пришел вас спасти». Но слова застревают в горле. И я вижу, что молчание, которое вместо слов выливается у меня изо рта, почти затушило огонек надежды, который я видел во взгляде девочки. Когда наконец-то я обретаю голос, крохотное пламя почти угасло. Тем не менее мои слова абсолютно искренни:

— Ты права, Анжелина. Я пришел вас спасти.

Девочка делает шаг вперед, огонек снова вспыхивает.

— А ты сможешь? — удивленно спрашивает она. — Ты правда нас спасешь?

Даже восьмилетний ребенок понимает: избавление едва ли возможно. Ей нужно все перепроверить, чтобы потом не разочароваться.

— Я... попытаюсь, — говорю я.

И девочка улыбается.

Она обнимает меня. А потом говорит:

— Спасибо, Эд.

Девочка поворачивается и показывает пальцем:

— Первая комната направо. — Ее шепот едва слышен.

Если бы все было так легко...

— Ну же, Эд, — говорит Анжелина. — Они там, там...

Но я не могу сдвинуться с места.

Страх обмотался вокруг щиколоток, и я понимаю: ничего не получится. Во всяком случае, сегодня. Да и вообще, похоже, не выйдет. Стоит мне двинуться, я запнусь о кольца страха и упаду.

Я жду, что девочка сейчас закричит на меня. Пискнет что-то вроде: «Эд, ты же обещал! Ты ведь обещал, как же так!»

Но она молчит. И я думаю, что ей понятно: отец — огромный, сильный мужчина. А Эд — тощий и хилый, не идет ни в какое сравнение. Девочка не кричит. Она подходит и просто повисает на мне. И пытается залезть под куртку, — из спальни снова доносятся звуки. Анжелина обнимает меня так крепко, что я боюсь за ее хрупкие детские косточки. Потом она отцепляется и говорит:

— Спасибо, что попытался спасти нас, Эд.

И уходит.

А я не могу сказать ни слова. Потому что не чувствую ничего, кроме стыда. Ноги подкашиваются. Я падаю на колени и бьюсь лбом о косяк

двери. Мои легкие на пределе, похоже, из горла сейчас хлынет кровь. В ушах оглушающе стучит сердце.

Я лежу в постели, ночь поглотила меня. Но я не сплю. Как уснуть, если на тебе буквально только что висел, спасаясь от ужаса тьмы, маленький ребенок в желтой пижаме?

Похоже, я скоро сойду с ума. Если не вернусь на Эдгар-стрит в ближайшую ночь — точно рехнусь. И еще эта девчушка, — если бы она не вышла... Впрочем, я знал, что она выйдет. Должен был знать. До этого она все время выходила и плакала на крыльце. А потом ее сменяла мать. И вот я лежу в полной темноте на спине, в своей кровати, и понимаю: я хотел с ней встретиться. Мне это было нужно — для храбрости. Чтобы набраться мужества войти в дом. Но я позорно облажался. Провалил все, что можно. И теперь в меня вселяется новое предчувствие, и оно скверное.

В двадцать семь минут третьего звонит телефон.

Его дребезжание выстреливает в воздух, я подпрыгиваю, подбегаю к аппарату и тупо смотрю на него. Не к добру это все, ох не к добру...

— Алло?

Голос на другом конце провода выжидательно молчит.

— Алло? — повторяю я.

Наконец из трубки слышатся слова. Мне представляются губы, произносящие их. Голос суховатый, надтреснутый. Дружелюбный, но очень деловой.

— Загляни в почтовый ящик, — говорит он.

Накатывает тишина, и голос замолкает. На другом конце провода больше не слышно дыхания.

Я вешаю трубку и очень медленно иду к двери, а потом к почтовому ящику. Звезды скрылись, в воздухе висит морось, и каждый из моих шагов подводит меня все ближе к цели. Я наклоняюсь и вижу, как дрожит моя рука, открывающая ящик.

Внутри я нащупываю что-то холодное и тяжелое.

Мой палец ложится на спусковой крючок.

Меня продирает дрожь.

К Убийство в соборе

В пистолете только одна пуля. Один патрон для единственного человека. Всякий оптимизм окончательно покидает меня, и я чувствую себя несчастнейшим парнем на земле.

«Эд, ты всего лишь таксист! Как тебя угораздило влипнуть в такую историю? Надо было лежать, как все, и не рыпаться во время того ограбления...»

Примерно в таких выражениях я беседую сам с собой, пока сижу на кухне и таращусь на пистолет в руке. Он постепенно нагревается. Швейцар проснулся и требует кофе, а я не могу подняться и продолжаю смотреть на зажатое в пальцах оружие. Они что, не понимают? Я же обалдуй! Неумеха! Я буду стрелять в мужика, а попаду себе в ногу! И вообще. Это слишком далеко зашло. Пистолет! А, каково? Пистолет! Ну нет. Я никого убивать не собираюсь. Во-первых, я трус. Во-вторых, слабак. В третьих, в день ограбления мне просто повезло, — я ж до этого пистолет никогда и в руках-то не держал...

Меня душит злость.

«Почему именно я? За что избран именно я? Я ведь не тот, кто вам нужен, пожалуйста...»

Нытье нытьем, но мне абсолютно ясно, что придется сделать дальше.

«Тебе первые два задания понравились? — ругаю я себя. — Вот теперь поди и выполни это».

А если не получится? Тогда, наверное, человек с другого конца провода придет по мою душу. Может, это его изначальный план. Допустим, дело обстоит так: либо стреляю я, либо в меня — оставшимися пулями из этого пистолета.

«Черт! И как мне теперь спать?!» — думаю я.

Так и грызю недолго заработать...

Я принимаюсь перебирать старые пластинки, — коллекция винила досталась мне от отца. А что, хорошо помогает снять стресс. Лихорадочно роюсь и наконец нахожу то, что нужно, — «Proclaimers». Кладу пластинку

на проигрыватель и наблюдаю, как она крутится. Звучит дурацкое начало песни «Five hundred miles», и я прихожу в натуральное бешенство. Что ж такое, даже любимая группа выводит из себя! Мерзость, а не песня.

Я меряю шагами комнату.

Швейцар смотрит на меня как на безумца.

Да! Да! Официально заявляю: я ненормальный!

Три часа утра, а я включил на полную громкость «Proclaimers», чтобы насладиться, блин, музыкой, которая меня бесит! Плюс я должен пойти и убить кого-то! Офигительная полнота жизни, ничего не скажешь!

Пистолет.

Пистолет.

Само это слово звучит как выстрел, и я постоянно оборачиваюсь — а вдруг привиделось, вдруг он исчез со стола. Белый холодный свет из кухни проникает в гостиную. Швейцар легонько царапает меня лапой, мол, погладь, хозяин, пожалуйста.

— Отвали! — вскрикиваю я.

Большие карие глаза обиженной псины умоляют меня успокоиться.

Ну ладно, ладно. Я глажу его, похлопываю по брюху, извиняюсь и готовлю кофе — на двоих. Похоже, сегодня ночью поспать мне не суждено. «Proclaimers» заводят следующую за «Five hundred miles» песню, и я слушаю, как страдание и горечь сменяются мелодией счастья.

«Интересно, а от бессонницы умирают?» — спрашиваю я себя, руля домой после целого трудового дня. Последовавшего за этой самой ночью. Глаза чешутся и зудят, приходится опустить стекло. Теплый ветерок поклевывает глаза, но я не возражаю. Пистолет я прошлой ночью спрятал под матрас. А игральную карту в ящик комода. Трудно сказать, какая из двух проклятых вещей испортила мне жизнь сильнее.

Так, хватит стонать.

На парковке «Свободного такси» я вижу, как Одри целуется с парнем из новеньких. Он почти одного роста со мной, но по виду понятно, что ходит в качалку. Их языки сплетаются и массируют друг друга. Руки парня лежат на бедрах Одри, а она засунула ладони в задние карманы его джинсов.

«Хорошо, что пистолет не при мне», — думаю я, но все, конечно, не уйдет дальше слов.

— Привет, Одри, — беспечно говорю я, проходя мимо, но она не слышит.

Я иду в офис — нужно поговорить с боссом. Его зовут Джерри Бостон.

Он невероятно толстый. Плюс лысый. А еще зачесывает сальные волосенки на лысину.

Я стучусь.

— Заходи-заходи! — кричит он. — Где тебя...

Джерри замолкает на середине фразы.

— Тьфу, я думал, это Мардж. Полчаса уже несет мне кофе...

Я видел Мардж на стоянке, она курила. Но я не буду говорить об этом боссу: Мардж мне нравится, и подставлять ее я не намерен.

Дверь закрывается, и несколько секунд мы с Джерри смотрим друг на друга.

— Тебе чего? — спрашивает босс.

— Сэр, я Эд Кеннеди и работаю у вас...

— Отлично. Чего тебе надо?

— У меня брат завтра переезжает, — начинаю я складно врать. — И вот я хотел у вас попросить разрешения поехать на такси домой, чтобы помочь брату с вещами.

Босс окидывает меня излучающим великодушие взглядом и говорит:

— На хрена же мне это сдалось? — И ласково так улыбается. — А вообще, я что-то не понял. У меня на такси написано «Ваш перевозчик мебели»? Я похож на даму из благотворительного комитета?

А вот сейчас видно, как он взбешен:

— Купи себе машину и вози на ней что хочешь, а от меня отстань! Понял, Кеннеди?

Но не тут-то было. Я сохраняю спокойствие и подхожу поближе:

— Сэр, мне приходилось работать днем и ночью, и я ни разу не брал отгула.

Честно говоря, дело обстоит немного не так: поскольку мой стаж работы в компании девять месяцев, ночные и дневные смены чередуются от недели к неделе. Не знаю, законно ли это, но новички у нас работают по ночам, ветераны — днем. А мне выпадают и такие, и такие смены.

— Я прошу разрешения взять машину всего на один вечер. Могу заплатить, если хотите.

Бостон наклоняется над столом. Теперь он точно похож на Босса Хогга.

Тут в двери показывается Мардж, которая несет кофе.

— Ой, Эд, привет. Как дела? — непринужденно говорит она.

«Да вот этот поганый скупердяй машину не дает», — думаю я, но вслух произношу:

— Да ничего так, Мардж, спасибо, как у тебя?

Она оставляет кофе на столе и вежливо откланивается.

Большой Джерри отпивает из чашки:

— О-о-о, замечательно...

Настроение его меняется. Боже, благослови Мардж. Как же вовремя она подросла.

— Ладно, Эд, ты, в принципе, ничего так работаешь, поэтому фиг с тобой — бери машину. Но только на один день, понял меня? — спрашивает босс.

— Спасибо, сэр.

— Завтра работаешь? — Джерри смотрит в расписание и отвечает на собственный вопрос: — Ага, ночная смена. — Помедитировав над кофе, он выдает вердикт: — Короче, завтра в полдень чтоб машина была на стоянке. И ни минутой позже, понятно? Я ее в сервис сдам, там нужно кое-что подремонтировать.

— Да, сэр.

— Теперь вали отсюда и дай мне спокойно попить кофе.

Я с удовольствием ретируюсь из кабинета.

И прохожу мимо Одри. Они с новым парнем все еще занимаются своим сладким делом. Я прощаюсь, но она опять не слышит. Похоже, Одри сегодня вечером будет не до карт. Да и мне тоже. Марв, конечно, разозлится, но ничего, переживет как-нибудь. Сестру позовет вместо Одри. И папашку вместо меня. Сестричке его пятнадцать, она хорошая девчонка, вот только жаль, что у нее такой брат-поганец. Бедняжка, она из-за него столько уже натерпелась... Вот, к примеру: девочку шпыняют все школьные учителя, потому что Марв был в школе звездой и все такое. А она нет. И все думают, что девчонка непроходимо тупа, а это совершенно не так. Нормально у нее голова варит.

Так или иначе, но у меня на вечер другие планы. Не до карт. Я пытаюсь поужинать, но кусок не лезет в горло. Вынув из комода бубновый туз, кладу его рядом с пистолетом и таращусь на этот натюрморт на кухонном столе.

Текут песчинки в часах времени.

Телефонный звонок пугает меня до смерти, но потом я соображаю, что это Марв, больше некому. Беру трубку:

— Алло?

— Ты где вообще?

— Дома.

— Какого хрена ты дома? Мы тут с Ричи со скуки помираем. И где Одри, черт побери? Она с тобой?

— Нет.

— А где?

— С одним парнем с работы.

— Почему?

Марв как ребенок, правда? Почемучка, хотя давно вышел из этого возраста. Все, не пришла сегодня Одри в карты играть. Но Марв все никак не возьмет в толк: раз не пришла, значит уже и не придет.

— Марв, — говорю, — у меня вообще-то сегодня вечером дел полно. Я не смогу.

— Да какие у тебя могут быть дела?

«Сказать, не сказать?» Решаю все-таки сказать:

— Ладно, слушай. Я объясню, почему сегодня не приду играть в карты.

— Валяй.

— В общем, — говорю я, — мне нужно убить кое-кого, понимаешь? Ну как? Уважительная причина?

— Слушай, — голос у Марва очень мрачный, — не компостируй мне мозги. Некогда вникать в твой делирий.

Делирий? Где это Марв успел ученых слов поднабраться?

— Давай приходи, мы ждем. Приходи, или я тебя не возьму в команду. Помнишь про «Ежегодный беспредел»? Я, между прочим, сегодня с парнями обсуждал состав!

«Ежегодный беспредел» — это нелепый футбольный матч, который по традиции проводится на местном стадионе перед Рождеством. Играют босиком идиоты вроде Марва. Обманом, посулами и угрозами он втянул в это ерундовое предприятие и меня. Я в составе уже несколько лет подряд и когда-нибудь все-таки сломаю шею.

— Ну, в этом году на меня не рассчитывай, — пытаюсь отбиться я. — Играть не буду, даже не зови.

И вешаю трубку. Естественно, телефон тут же звонит опять, но я снимаю трубку и кладу обратно на рычаг. Мысль о том, что Марв на другом конце провода бесится и ругается, доставляет мне несказанное удовольствие. Я точно знаю, что сейчас он обернется и заорет: «Эй, Марисса! А ну-ка иди сюда, будешь с нами играть в карты!»

Ну что ж, теперь нужно сосредоточиться для настоящего дела. Это единственная ночь, когда я могу привести в исполнение мой план. Только одна ночь — для такси, карты и пистолета.

Полночь наступает быстрее, чем хотелось.

Я целую Швейцара в щеку и выхожу из дому. Назад не смотрю — все решено, эта дверь откроется для меня лишь поздно ночью, после того как дело будет сделано. Пистолет оттягивает правый карман куртки. Туз бубей — в левом, вместе с фляжкой, в которой плещется водка со снотворным. Я туда много таблеток ссыпал. Надеюсь, сработает.

В этот раз мой путь лежит не к Эдгар-стрит, а поближе — к Мэйн-стрит. Я останавливаю машину и глушу мотор. Когда пабы закроются, один посетитель так и не доберется до дома.

Уже поздно, и все пьяницы выползают из баров. Нужного мне человека опознать легче легкого, такой громила выделяется из толпы. Трубным голосом он прощается с собутыльниками, не зная еще, что пил с ними в последний раз. Я разворачиваю такси и теперь стою на той же стороне улицы, по которой бредет он. Его тень вырастает в зеркале заднего вида, потом исчезает. Когда мужик удаляется на достаточное расстояние, я трогаюсь с места и еду за ним. Одежда мокрая от пота, но ничего. Я знаю, что сделаю это. Час пробил, и пути назад нет.

Останавливаюсь и дружелюбно окликаю:

— Подвезти?

Он поворачивается ко мне и рыгает:

— Д-денег н-не дам...

— Ладно, я бесплатно подвезу. А то до дома не добредешь...

На это он улыбается и сплевывает, а потом обходит машину и втискивается на пассажирское сиденье. Мужик начинает объяснять, как проехать, но я говорю:

— Сиди уж, а то я не знаю, где ты живешь.

Вокруг что-то сгустилось, оно не дает мне трястись от страха и жалости. Иначе я бы не смог сделать что задумал. Вспоминаю Анжелину и как ее мать чуть не разрыдалась в супермаркете. Я должен это сделать. «Ты должен, Эд, — говорю себе и киваю в ответ. — Согласен».

Вытащив фляжку с водкой, предлагаю хлебнуть мужику. Он хватает ее без раздумий.

«Я знал, что так и будет, — поздравляю себя. — Подобные ему хватают то, что нравится, и не морочатся».

Это такие, как я, мучаются всякими мыслями.

— А что, с удовольствием, — говорит он и делает мощный глоток.

— Бери, — говорю. — Тебе больше пригодится.

Он ничего не отвечает, только прихлебывает. А я проезжаю Эдгар-стрит и, нарезая круги, постепенно приближаюсь к западной окраине. Там начинается грунтовая дорога, она ведет к месту под названием Собор. Это

скалистая вершина горы. Под ней на многие мили тянется бушлэнд.^[3] Мы еще не выехали из пригорода, а мужик уже уснул. Фляжка выпадает из руки и выплескивается на него. Я еду дальше.

Проходит полчаса, и я уже на грунтовке. Путь по ней занимает еще полчаса. На месте мы оказываемся в начале второго. Я заглушаю двигатель, и мы остаемся одни, в тишине.

Пора становиться злым. Смогу ли я, правда, расвирепеть до нужной кондиции — это еще вопрос.

Выхожу из машины и иду к пассажирскому сиденью. Открываю дверь. И бью мужика по лицу пистолетом.

Ноль реакции.

Еще один удар — то же самое.

Он резко приходит в себя только с пятого раза. Пробует языком кровь из носа и рта.

— Просыпайся, — приказываю я.

Видно, что мужик завис и явно не понимает, где он и что происходит.

— Выходи из машины.

Пистолет целит ему прямо между глаз.

— Не советую рыпаться. Он заряжен, не сомневайся.

Мужик еще не протрезвел, но, похоже, все понял — глаза круглые от страха. Он явно хочет сделать резкое движение, — но тут же понимает, что он из машины-то едва может вылезти. Кое-как он встает на ноги, и я веду его вверх по грунтовке, подгоняя тычками пистолета между лопаток.

— Пуля пробьет позвоночник, — говорю я, — и ты останешься здесь подыхать. А потом я позвоню твоим жене и дочке: мол, приходите, посмотрите. Знаешь, что они будут делать? В пляс пустятся. Здорово, правда? Или прострелить тебе череп? Быстрая смерть все-таки. Ну, что выбираешь?

Он оседает на землю, и я одной коленкой придавливаю ему плечо, другой поддаю в спину. Колени у меня острые, мужику явно приходится несладко. Пистолет холодит ему шею.

— Ну, каково это, чувствовать смерть за спиной?

Голос у меня немного дрожит, но в общем и целом звучит довольно твердо.

— И знаешь что? Ты это заслужил.

Я отскакиваю и рычу:

— А теперь встал и пошел. Или умрешь на месте.

И тут до меня доносится звук.

Он поднимается снизу, от земли.

И я понимаю, что это. Мужик всхлипывает. Однако сегодня ночью мне не до сантиментов. Я должен убить этого человека. Потому что он сам убивал — жену и ребенка. Медленно, не прилагая никаких усилий и с полным презрением к страданиям жертвы. Он делал это каждую ночь. И только мне одному, ничем не примечательному жителю пригорода, Эду Кеннеди, выпал шанс положить этому конец.

— Поднимайся! — Я снова отвешиваю ему пинок.

И мы плетемся к вершине горы. К Собору.

На самой макушке скалы останавливаемся. До края обрыва не более пяти метров. Дуло пистолета целится ему в затылок. Я стою в трех метрах от мужика. Дело практически выполнено.

Вот только...

Меня начинает трясти.

Ноги и руки дрожат.

Меня шатает и колотит от одной мысли: «Убить человека». Вчерашний настрой куда-то исчез. Ощущение непобедимости ушло, и я вдруг оказался лицом к лицу с мыслью: «Придется делать то, что должен, без всякой помощи извне. Есть только моя несовершенная человеческая природа — и все».

Я делаю глубокий вдох. И понимаю: это конец. Ничего у меня не получится.

Кстати, хочу спросить.

А как бы вы поступили на моем месте? Скажите! Нет, правда, признайтесь честно!

Впрочем, что вас спрашивать — вы же далеко. Пальцы переворачивают страницы книги, рассказывающей чужую историю. Она странным образом входит в вашу жизнь, но глаза-то, они не видят того, что передо мной! Для вас эта история — несколько сотен страниц. А для меня — реальность. Я буду и дальше жить с этим, каждый раз думая: «А оно того стоило?» Для меня жизнь разделится на «до» и «после». Я убью этого человека и умру сам. Внутри себя. Мне хочется заорать. Завопить во все горло, требуя ответа на вопрос: «Почему?!» С неба, как сосульки весной, падают звездочки, но я безутешен. И выхода-то никакого нет. Мужик оседает на колени, а я стою и жду.

Жду.

Перебираю варианты.

Пытаюсь отыскать лучший.

Жесткая рукоять пистолета впивается в ладонь. Она холодная и теплая, скользкая и твердая одновременно. Меня трясет с ног до головы, я

понимаю: чтобы выстрелить, нужно прижать дуло к затылку этого человека. Иначе промахнусь. Придется всадить в его плоть пулю, а потом смотреть, как из раны бьет красная человеческая кровь. Он станет еще одной жертвой всеобщего, безликого насилия. И сколько бы раз я ни говорил себе: «Эд, ты поступаешь правильно», все мое существо умоляет ответить: «Почему именно я должен был нажать на спусковой крючок? Не Марв, не Одри, не Ричи, а именно я?»

В голове орут «Proclaimers».

Нет, вы только представьте себе.

Вообразите: убить кого-нибудь под звуки песни, которую поют два шотландских ботана в очочках и со стрижкой-бобриком. И как прикажете мне слушать эту песню потом? А если ее по радио передавать будут? Я же стану думать только о ночи, когда убил человека! Отнял у него жизнь собственными руками!

Я дрожу и жду. Трясусь и жду.

Мужик падает на землю и принимается храпеть.

И храпит так несколько часов подряд.

Когда со всех сторон начинает сочиться утренний свет и солнце вплотную подбирается к краю земли на востоке, я решаю: все, пора.

Пихаю мужика пистолетом и бужу его. В этот раз он просыпается моментально. Я снова стою в трех метрах позади него. Он поднимается на ноги, хочет обернуться, но передумывает. Я подхожу поближе, поднимаю пистолет к его затылку и говорю:

— Итак, я был избран сделать это с тобой. Долго я ходил и смотрел, как ты поступаешь со своими родными. Пора прекратить это. Кивни, если понял.

Он медленно опускает голову.

— Ты хоть понимаешь, что умрешь за то, что совершил?

В этот раз он не кивает. Мне приходится снова его ударить:

— Ну?

Кивает.

Над горизонтом показывается сияющий край солнца, и я сжимаю пальцы на рукояти пистолета. Легонько пробую спусковой крючок. По лицу катится пот.

— Пожалуйста, — умоляющим голосом бормочет он.

И наклоняется вперед, словно еще чуть-чуть — и кинется на колени, моля о пощаде. Но падать он боится — впереди обрыв. Тело его сотрясают крайне неприятные для моего уха всхлипы:

— Простите меня, я так виноват, я больше не буду, не буду...

— Чего не будешь?

Он торопливо выговаривает:

— Ну, это... вы знаете...

— Я хочу, чтобы ты сам сказал.

— Я больше не буду принуждать ее, когда возвращаюсь...

— Принуждать?..

— Х-хорошо. Насиловать. Не буду больше ее насиловать.

— Уже лучше. Продолжай.

— Я больше не буду так делать, я обещаю!

— А как, черт побери, могу я доверять твоему слову?

— Ну... можете...

Неправильный ответ. Двойка за контрольную по логике. Я чувствительно пихаю его дулом:

— Ну-ка, отвечай на вопрос!

— Вы можете доверять моему слову, потому что, если я его нарушу, вы меня убьете.

— Да я тебя прямо сейчас убью!

Меня опять лихорадит. Тело облепила потная одежда и ужас моего поступка, в реальность которого я до сих пор не могу поверить.

— Руки за голову!

Он повинуется.

— Стань ближе к обрыву.

Он повинуется.

— Ну, как теперь себя чувствуешь? Думай, думай, прежде чем отвечать. Много, очень много зависит от того, сумеешь ли ты дать правильный ответ!

— Я чувствую себя так же, как моя жена, когда я возвращаюсь домой.

— Ты испытываешь жуткий, цепенящий, непреодолимый страх?

— Да.

— Отлично.

Я делаю вслед за ним шаг к обрыву, прицеливаюсь.

Спусковой крючок стал скользким от пота.

Плечи нестерпимо болят.

«Дыши, — напоминаю я себе. — Дыши глубже».

Мгновение покоя озаряет меня, — и я разлетаюсь на мелкие осколки. И нажимаю на спусковой крючок. Грохот выстрела обжигает слуховые каналы. В руке у меня пистолет — теплый и мягкий. В день ограбления банка я испытывал точно такие же ощущения.

Часть 2

КАМНИ ТВОЕГО ДОМА

А

Тяжкое похмелье

Как же сухо во рту.

Я вываливаюсь из машины и подползаю к входной двери. Внутри растет чувство полнейшей, горчайшей опустошенности. Оно пронизывает мне душу. Нет, не пронизывает. Прокалывает, кривыми стежками. И плевать на всякие миссии и послания. Я виноват, я виновен, — понимание этого ползет по моей коже. Я пожимаю плечами: нет, все правильно сделано — и стряхиваю с себя чувство вины. Но оно настырно лезет на меня обратно. Впрочем, кому сейчас легко...

И пистолет.

Моя рука до сих пор ощущает рукоятку. Теплый, податливый металл так хорошо ложится в ладонь. Пистолет в багажнике такси, притворяется невиновным. Сейчас он холодный как камень — отнекивается, что помнит мою ладонь.

Я иду к крыльцу, и в ушах отдается звук падения. Мужик понял, что жив, внезапно: и все не мог надышаться, с трудом заглатывал воздух, словно запасался впрок жизнью. Все кончилось; я послал пулю в воздух, в восходящее солнце. Она, конечно, не долетела — далековато. Некоторое время меня даже занимал вопрос: куда попала пуля?

На обратном пути, возвращаясь по следам собственных шин, я часто посматривал на пассажирское сиденье. Его занимала пустота. Похмельный, жалкий, несостоявшийся мертвец, наверное, до сих пор лежал на плоской земле и ненасытно вдыхал пыльный воздух, забивая легкие.

У меня есть одно желание: войти в дом и обнять Швейцара. Очень надеюсь, что он ответит мне тем же.

Мы пьем кофе.

«Ничего так?» — спрашиваю я.

«Лучше не бывает», — отвечает Швейцар.

Иногда мне жаль, что я не собака.

Солнце уже окончательно взошло, и люди спешат на работу. А я сижу за кухонным столом и думаю: «Сто процентов: никто, ни один человек из проживающих на моей безымянной, покрытой росой улице не провел ночь так, как я». Мне представляются мирные картины: соседи идут в сортир по-маленькому, занимаются сексом — в то время как я примериваюсь дулом пистолета к человеческому затылку.

«Ну почему, почему я?»

Как обычно, ответа на этот важный вопрос нет. Хотя, конечно, я был бы не против этой ночью заняться любовью, а не планировать убийство. Чувство безвозвратной потери одолевает меня, на столе остывает кофе. Швейцар дрыхнет — и воняет, но от этого запаха и от дыхания спящей псины мне становится уютнее.

А потом звонит телефон.

«Нет, нет, только не это. Эд, не бери трубку».

«Это же они, они!»

Сердце бьется так, словно сейчас выскочит из груди. Потом оно запутывается в ребрах и глупо трепыхается.

Даже сердце у меня дурацкое, ничего толком сделать не может...

Я сажусь на стул.

Телефон продолжает звонить.

Считаю, — пятнадцать раз уже прозвенел.

Перешагиваю через Швейцара, таращусь на трубку и наконец решаюсь поднять ее. Голос застревает в горле, как сухие крошки.

— Алло?

Голос на том конце провода звучит крайне зло, но — слава богу! — это всего лишь Марв. В трубке слышно, как ругаются и орут друг на друга рабочие, стучат молотки. На этом фоне мой друг свирепо выговаривает:

— Большое спасибо тебе, Эд, что сподобился наконец ответить на мой звонок! Задери тебя черт, Эд!..

Вот честно: мне сейчас совершенно не до разборок с Марвом.

— Я начал было подумывать...

— Заткнись, Марв.

Я вешаю трубку.

Естественно, телефон звонит снова. Я беру трубку.

— Да что с тобой такое?!

— Да ничего особенного.

— Слушай, хватит мне мозги пудрить. Я этой ночью глаз не сомкнул.

— Ах вот оно что. Выходит ты, Марв, тоже кого-то пытался убить?

Швейцар смотрит: мол, точно не мне звонят? Потом быстро засовывает морду в миску и вылизывает ее начисто — вдруг там осталась капля кофе, а он не заметил?

— Опять ты со своей абракадаброй...

Абра-кадабра! Фантастика. Обожаю, когда парни вроде Марва щеголяют такими словечками.

— Эд, я, конечно, всякие оправдания слышал, но ты несешь полную фигню...

Я сдаюсь.

— Ладно, Марв, проехали. Все в порядке.

— Вот и прекрасно.

Моему другу очень нравится оставлять за собой последнее слово.

И тут он наконец подбирается к теме разговора:

— Ну так что, ты подумал?

— Насчет чего?

— Сам знаешь, насчет чего.

Мне приходится повысить голос:

— Значит, так, Марв. На данный конкретный момент ты можешь быть абсолютно уверен, я не имею ни малейшего понятия, на что ты намекаешь. Кроме того, час ранний, я не спал всю ночь, и по некоторым причинам, а я не могу их обнародовать, у меня отсутствуют душевные силы для поддержания нашей милой светской беседы.

Мочи нет, как хочется повесить трубку, но надо держаться.

— Не будешь ли ты так любезен оказать мне услугу и все-таки раскрыть предмет нашего разговора?

— Ну ладно, ладно...

В его голосе звучит неподдельная обида на такого отвратительного типа, как я. Марв всеми силами показывает, что очень хотел бы повесить трубку и только дружеские чувства удерживают его от этого.

— Просто парни спрашивают — ты с нами или нет?

— С вами в чем?

— А то ты не знаешь!

— Просвети меня, темного.

— Ну как же! «Ежегодный беспредел»!

«Ёкарный бабай, — выношу я себе порицание. — Ну конечно, футбольный матч перед Рождеством. Надо было сразу вспомнить! Какой же я бессердечный эгоист!»

— Прости, Марв, я пока не успел над этим подумать.

Друг мой расстроен, причем не как обычно люди расстраиваются, а

доведен до белого каления. Марв ставит ультиматум:

— Ну так соберись с мыслями, черт побери! Жду от тебя ответа в течение двадцати четырех часов! Не будешь играть, мы еще кого-нибудь найдем. Люди в очереди стоят, между прочим! Чтоб ты знал, эта игра — старая, всеми уважаемая и соблюдаемая традиция! В нашей команде Джимми Кантрелл и Жеребец Хэнкок, ^[4] понял? Парни, между прочим, за честь считают присоединиться к нам!

Я немного отвлекаюсь от свирепого монолога Марва. Жеребец Хэнкок? Это кто еще такой, черт побери? И что за кличка такая?

Гудки в телефонной трубке возвращают меня к реальности: Марв повесил трубку. Да, надо потом перезвонить и сказать, что я принимаю приглашение. Надеюсь, кто-нибудь все-таки сломает мне шею посреди огромного куста крапивы и тем освободит от бремени существования.

Закончив разговор, я прихватываю пакет и направляюсь к машине. Нужно вынуть «тело» виновного из багажника. Я засовываю пакет и его содержимое в ящик комода и пытаюсь забыть об их существовании. Тщетно.

Потом я засыпаю.

Лежу в кровати, а вокруг меня стынет время.

Снится прошлая ночь — шкворчащее утреннее солнце и дрожащий мужик на его фоне. Интересно, он уже вернулся домой? А как? Дошел пешком или поймал попутную машину? Я стараюсь не думать об этом. Непрошенные мысли залезают в кровать, я переворачиваюсь на другой бок, пытаюсь придавить их животом. Но они, подлые, успевают выскользнуть.

Наконец я просыпаюсь окончательно. По моим ощущениям, уже полдень, но часы показывают лишь начало двенадцатого. Швейцар тычет в лицо мокрым носом. Я возвращаю такси на стоянку, прихожу домой, и мы идем на прогулку.

— Смотри в оба! — предупреждаю я Швейцара, когда мы выходим на улицу.

Меня одолевает параноидальный страх. Я все думаю и думаю об этом мужике с Эдгар-стрит, хотя, по правде говоря, он больше не представляет опасности. А вот те, кто прислал бубновый туз, очень даже представляют. Такое чувство, что они знают: миссия выполнена. И вот-вот пришлют мне карту.

Пики. Черви. Трефы.

Интересно, какая масть окажется следующей в моем почтовом ящике. Почему-то больше всего пугают именно пики. Пиковый туз — это страшно,

я его всегда боялся. Так, надо завязывать с этими мыслями. Похоже, за мной следят.

День тянется, мы все гуляем и наконец добредаем до дома Марва. На заднем дворе собралась большая тусовка.

Я прохожу туда и громко зову Марва. Сначала он меня не слышит, а потом подходит.

— Ну что, согласен. Буду играть, — говорю я.

Мы пожимаем друг другу руки. Такое впечатление, что я попросил Марва быть свидетелем на свадьбе. Но ему важно, что мы вместе и одна команда, потому что играем уже несколько сезонов и Марв хочет, чтобы это стало традицией. Мой друг верит в такие вещи, и я с уважением отношусь к его убеждениям. Традиция есть традиция, в конце концов.

Я смотрю на Марва, на собравшийся на заднем дворе народ.

Похоже, никто не собирается расходиться. И еще долго не захочет. Что ж, это совсем неплохо.

Потрепавшись с Марвом о том о сем, я пытаюсь все-таки уйти, хотя со всех сторон предлагают пиво. Люди в нашем пригороде, похоже, без холодильной сумки никуда не выходят. Пиво, шорты, майка, шлепки — все как обычно. Марв провожает меня до калитки — там сидит и терпеливо дожидается Швейцар. Мы с собакой уже прилично отошли от дома, и вдруг Марв кричит:

— Эд! Слышь, Эд!

Я оборачиваюсь. Швейцар, кстати, нет. Ему обычно нет дела до Марва.

— Спасибо, что согласился!

— Всегда пожалуйста!

И мы идем дальше. Завожу Швейцара домой, потом добираюсь до стоянки «Свободного такси» и отмечаюсь как приступивший к работе. Уже выехав на улицы, снова думаю о прошлой ночи. Осколки воспоминаний стоят вдоль тротуаров, некоторые бегут рядом с машиной. Один образ притормаживает и отстает, и его место тут же занимает другой. Посмотрев в зеркало заднего вида, я вдруг понимаю, что не узнаю себя. И вины за собой не чувствую. Даже не помню, что это за парень — Эд Кеннеди.

Я вообще ничего не чувствую.

Хорошо еще, что завтра выходной. Мы со Швейцаром сидим на скамейке в скверике на главной улице. Вечереет, и я купил нам по мороженому. Рожок с двумя шариками, разных вкусов. Манго и апельсин для меня. Жвачка и капучино — для Швейцара. Приятно посидеть в тенишке.

Я внимательно смотрю, как Швейцар осторожно, но решительно приступает к сладкому и лижет вафельный рожок, чтобы стал мягче. Славный он все-таки малый.

За моей спиной под чьими-то шагами шуршит трава.

Сердце замирает.

Сверху падает чья-то тень. Швейцар продолжает есть мороженое: он, конечно, славный малый, но сторожевой пес из него никудышный.

— Привет, Эд.

Ф-фух, какой знакомый голос.

Знакомый-знакомый, и от его звука внутри у меня все сжимается. Это Софи, я искоса поглядываю на ее прекрасные мускулистые ноги. Она спрашивает, можно ли ей присесть.

— Да, конечно, — говорю я. — Мороженого хочешь?

— Да нет, спасибо.

— Может, все-таки съешь? Не осилишь, отдашь Швейцару.

Она смеется:

— Все равно не хочу, спасибо. Его зовут Швейцар?

Наши глаза встречаются.

— Ну... в общем, долго рассказывать.

Мы замолкаем и оба чего-то ждем. Тут меня осеняет, что я старше и должен первым начать беседу.

Но все равно продолжаю молчать.

Потому что не хочу тратить ее время на пустой треп.

Какая же она красивая.

Рука Софи протягивается к Швейцару — погладить. Так мы и сидим рядышком с полчаса. В конце концов она смотрит на меня — я чувствую ее взгляд на своем лице. Софи говорит, и я слышу ее голос не ушами, а всем существом:

— Я скучаю по тебе, Эд.

Я мельком поглядываю на нее и отвечаю:

— Да, я тоже.

А самое страшное, это чистая правда. Она такая юная. И я действительно по ней скучаю. А может, задание, с нею связанное, было приятным, отсюда и привязанность? Наверное, мне не хватает ее чистоты и искренности.

Ей любопытно.

Это чувствуется.

— Ты все так же бегаешь по утрам? — спрашиваю я, предупреждая ненужные вопросы.

Она вежливо кивает в ответ, принимая правила игры.

— Босиком?

— Да, конечно.

На левой коленке все еще видна ссадина, и мы оба рассматриваем ее. Но в глазах девушки не видно упрека. Она довольна, и я тоже: в конце концов, могу я быть спокоен, если ей со мной хорошо?

«Ты прекрасна, когда бежишь босиком», — хочу я сказать, но не осмеливаюсь.

Швейцар тем временем приканчивает мороженое и тает от прикосновений пальцев и ладони Софи, — та чешет его за ушами и гладит.

За спиной бибикает машина, и мы оба понимаем — это за ней. Она встает.

— Мне пора.

Мы обходимся без всяких «до свиданья».

Я слышу звук удаляющихся шагов, а потом она оборачивается с вопросом:

— Эд, у тебя все хорошо?

Я поворачиваюсь, смотрю на нее и не могу сдержать улыбки:

— Ну... я жду.

Вот такой ответ.

— Ждешь чего?

— Следующего туза.

Она умная девочка и задает правильный вопрос:

— Ты к нему готов?

— Нет, — отвечаю я и смиряюсь с неизбежным. — Но мне все равно его пришлют.

Она уходит окончательно, я вижу, как из машины за мной наблюдает ее отец. Надеюсь, он не думает, что я какой-нибудь извращенец или маньяк, который подстерегает по паркам невинных девочек. Хотя после того случая с пустой обувной коробкой он что угодно может подумать.

Я чувствую тяжесть Швейцаровой морды на колене. Пес смотрит на меня добрыми старческими глазами.

— Итак, мой друг? — спрашиваю я его. — Что же уготовано мне в будущем? Черви? Трефы? Пики?

«А может, еще по мороженому?» — делает он встречное предложение.

Да уж, помощи от него не дождешься.

Я догрызаю вафлю, и мы встаем. Тело ноет, — у меня до сих пор все болит, хотя со времени посещения Собора прошло уже два дня. Покушение на убийство — дело такое, без последствий не остается.

Прошло три дня — и ничего не случилось.

Я ходил на Эдгар-стрит: в доме темно, женщина с дочкой спят, мужа не видно. Мне даже пришло в голову поискать у Собора под скалой — мало ли, вдруг мужик спрыгнул с обрыва или еще что с ним случилось.

И все же, и все же.

До чего я смешон и жалок.

Мне было поручено убить этого человека! А я? Что делаю я? Переживаю о его здоровье. Меня грызет совесть за все, что я ему сделал. Но с другой стороны, мучает чувство вины, потому что не убил. А ведь должен был! Пистолет-то мне зачем в почтовый ящик подбросили? Именно за этим!

А может, он вообще добрался до шоссе и пешком ушел.

Или бросился с обрыва.

Так, надо заканчивать с этим кино в голове, хватит перебирать варианты. Скоро мне будет не до переживаний. Вот еще пара дней пройдет, и...

Однажды ночью я возвращаюсь домой после игры в карты и чувствую, в доме пахнет по-другому. Да, Швейцаром, но и чем-то еще. Выпечкой какой-то, что ли? Я застываю на месте от изумления.

Точно. Запах пирожков.

Нерешительно я продвигаюсь в сторону кухни. Там горит свет. Кто-то сидит на моей кухне и ест пирожки, которые вынул из моего холодильника и разогрел в моей духовке. В ноздри бьет запах фарша и соуса. Соус трудно не унюхать — за километр шибает.

В припадке глупого оптимизма я пытаюсь отыскать хоть что-нибудь, похожее на оружие, но на пути попадаетесь лишь диван.

Захожу в кухню и вижу человека.

И какого!

Мужик в вязаной шапке с прорезями для глаз и рта сидит за столом и

жрет мясной пирог с соусом. В мозгу у меня настоящая буря: тысяча вопросов — и ни одного ответа. Да уж, нечасто такое случается: пришел ты домой после работы, а на кухне человек в маске.

В общем, я стою и пытаюсь сообразить, что делать, и тут паника овладевает мной окончательно: оказывается, за спиной стоит еще один!

Нет! Нет! А-а-а!..

Я прихожу в себя от того, что кто-то с хлюпаньем лижет мне лицо.

Это Швейцар.

«Ты в порядке, дружище», — говорю я. И с облегчением прикрываю глаза.

Собачий язык снова проходится по лицу. Он красный, потому что все лицо в крови. Швейцар улыбается.

— Я тебя тоже люблю, — сообщаю я еле слышно.

Вообще-то мне сложно понять: прозвучали слова или остались в моей голове? И где я? Может, мне все мерещится. Вокруг тишина. Такое ощущение, что это происходит внутри меня. И даже не происходит, а просто застыло. Статичная такая картинка.

«Вставай-ка», — приказываю себе. Но даже двинуться не могу. Как будто меня приклеили к полу.

Тут я совершаю большую ошибку — напрягаю память, пытаюсь сообразить, что произошло. В ушах тут же начинает шуметь, в глазах мутнеет, и нависшая надо мной морда Швейцара расплывается. Это предвестие смерти, не иначе. Пролог к жизни на том свете.

Картинка в голове складывается, и я проваливаюсь.

В глубокий сон.

Я падаю все глубже внутрь себя — и ничего не могу с этим поделать. Падаю и падаю сквозь пласты тьмы, и почти уже касаюсь дна, когда чья-то безжалостная рука хватает меня за горло и выволакивает к боли и страданиям реального мира. Кто-то в самом деле тащит меня по кухне. Флуоресцентный свет режет глаза, а от запаха пирога и соуса меня вот-вот вырвет.

И вот я сижу на полу, спиной к стене, пытаюсь остаться в сознании и удержать падающую голову обеими руками.

Две фигуры выступают из мути перед глазами — да, точно, теперь я их ясно вижу под ярким белым светом кухонной лампы.

Они улыбаются.

Нет, точно улыбаются, — видно, как изгибаются губы в прорезях черных вязаных шлемов. Ростом эти ребята выше среднего, оба

накачанные, крепкие — в отличие от меня, задохлика.

— Привет! — здороваются они. — Как самочувствие, Эд?

Я изо всех сил пытаюсь удержаться на поверхности своих мыслей.

— Моя собака, — выдавливаю наконец.

Тут голова выскальзывает из ладоней, и слова «уходят» под темную воду. Я уже успел забыть, как Швейцар только что привел меня в сознание.

— Собаку твою хорошо бы помыть, — говорит один из посетителей.

— С ним все в порядке?

Тихие жалобные слова. Им страшно, они дрожат и слабо пытаются удержаться в воздухе.

— Антиблошиный ошейник тоже не помешает.

— Блохи? — бормочу я. Голос раскатывается каплями по полу. — Нет у него блох, вы что...

— А это тогда что такое?

Парень несильно прихватывает меня за волосы и приподнимает голову — посмотри, мол. Рука у него и впрямь покусана какими-то насекомыми.

— Это не со Швейцара блохи, — упрямо говорю я.

И сам себе удивляюсь: на фиг же мне сейчас упираться, мало проблем, что ли?

— Его Швейцар зовут?

Как и Софи, мои незваные гости удивлены выбором имени.

Я киваю в ответ, и, как ни странно, в голове немного проясняется.

— Слушайте, плевать мне на этих блох! Где моя собака? С ней все в порядке?

Парни в масках переглядываются, один смачно откусывает от пирога.

— Послушай-ка, Дэрил, — замечает он по-светски. — Мне кажется, или в голосе Эда слышались неприятные нотки? Я бы сказал, что юноша говорит с нами...

Тут поедатель пирога задумывается, подыскивая нужное слово.

— Раздраженно?

— Нет.

— Сердито?

— Нет. — Парень явно нашел подходящее: — Все гораздо хуже. Эд разговаривает с нами неуважительно.

Последнее слово он произносит с абсолютным, спокойным презрением. Парень смотрит прямо на меня. Его глаза предупреждают о грозящей опасности красноречивее слов. Похоже, дальше по сценарию я должен сломаться и зареветь, пуская сопли и умоляя этих двоих пощадить моего песика-кофемана.

— Пожалуйста, — наконец выговариваю я, — вы же не сделали ему ничего плохого?

Глаза в прорезях маски смягчаются. Парень качает головой:

— Нет, не сделали.

Ф-фух. Наверное, в жизни не слышал более приятных слов.

— Но как сторожевая собака он никуда не ходит, — замечает поедающий пирог парень.

Он, кстати, еще в процессе — вымакивает соус на тарелке.

— Представляешь, мы вскрываем дверь, а он спит и в ус не дуёт!

— Я нисколько в этом не сомневаюсь.

— А когда он продрыхся, то пришел на кухню кланчить еду.

— А вы?

— Ну, мы его пирогом покормили.

— Разогретым или замороженным?

— Естественно, разогретым! — звучит в голосе неподдельная обида. — Мы же не дикири какие. Между прочим, вполне цивилизованные люди.

— А мне, случайно, вы пирога не оставили?

— Слушай, извини, пес сожрал последний кусок.

«Толстый прожорливый жадюга!» — думаю я о Швейцаре. Хотя, конечно, на него бесполезно обижаться. Собаки такие, съедят все, что дадут. С природой не поспоришь.

Так или иначе, я пытаюсь застать их врасплох.

— Кто вас послал? — выпаливаю я.

Вылетев изо рта, вопрос сначала бодренько летит, но потом теряет в скорости и повисает в воздухе. Я тем временем осторожно перебираюсь с пола на стул. Я немного успокоился: теперь понятно, что все это как-то связано с картой и будущим заданием.

— Кто нас послал?.. — задумчиво проговаривает другой парень, тот, что без пирога. — Хороший вопрос, Эд, но вынужден тебя разочаровать: мы не можем ответить. Мы бы с удовольствием — но, увы, не знаем. Нам заплатили за работу, мы ее выполняем. Вот и все.

— Что?! — взрываюсь я. Это звучит не как вопрос, а как обвинение: — Ни фиги себе! Мне бы кто заплатил! Я тут...

Мне выдают оплеуху.

Конкретную такую.

Парень опускается обратно на стул и как ни в чем не бывало продолжает доедать пирог: макает последний кусочек коржа в большую лужу соуса.

«Перелил соуса-то, — сварливо думаю я про себя. — Конечно, не свое, не жалко».

Парень спокойно дожевывает, проглатывает кусок и говорит:

— И вообще, Эд, заканчивай тут скулить. У всех дела, у всех работа. Кому сейчас легко? Мы должны стойко переносить трудности ради блага всего человечества.

И гордо смотрит на приятеля — ну как, мол, я завернул?

Они переглядываются и кивают — да, офигенная телега получилась.

— Ну, ты ваще, — говорит товарищ. — Надо слова записать, а то забуду. Как там было? Ради блага... чего?

На лице у него отражается напряженная работа мысли, но слово ему явно не дается.

— Человечества, — подсказываю я очень, очень спокойно.

— Чего?

— Че-ло-ве-че-ства.

— Точно! Эд, у тебя ручки не найдется?

— Нет.

— Чего это?

— Здесь вам не редакция газеты.

— Опять эти нотки в голосе!

Парень поднимается, я получаю оплеуху — еще более серьезную, чем в прошлый раз, — и мой собеседник как ни в чем не бывало садится обратно на стул.

— Больно, — жалуюсь я.

— Благодарю за комплимент. — Парень смотрит на свою руку: она вся в крови, грязи и соплях. — Неважно выглядишь, Эд.

— Угу.

— Да что с тобой такое?

— Я пирога хочу!

Могу поклясться — уверен, вы со мной согласитесь, так как уже слышаны о моем прошлом, — иногда я веду себя как ребенок. Такой капризуля-переросток. В этом мы с Марвом два сапога пара.

Тот, что дал мне по морде, передразнивает меня детским голоском:

— Я хочу пирога-а-а... — и вздыхает, как разочарованный родитель. — Не стыдно тебе? Пора уже повзрослеть, что ли.

— Угу.

— В общем, считай это первым шагом на пути к взрослению.

— Огромное спасибо.

— Однако мы отвлеклись от дела.

Тут мы все дружно задумываемся.
В кухне стоит тишина.
Приходит Швейцар, весь такой грустный и с виноватым видом.
«Кофейку бы... Но я, похоже, не вовремя?» — деликатно интересуется он.

Бесстыжая морда.
Я отвечаю ему гневным взглядом. Швейцар разворачивается и уходит.
Он умный пес и знает: не стоит попадать хозяину под горячую руку.

Мы, все трое, наблюдаем, как он покидает помещение.
— Воняет от него, однако, прямо за километр, — замечает один из моих собеседников.

— Ага, несет нереально.
Поедатель пирога встает и — с ума сойти! — начинает перемывать в раковине тарелки.

— Не беспокойтесь, я сам, — вежливо говорю я.
— Не-не-не! Я же сказал, мы люди цивилизованные!
— Угу.
Парень отряхивает руки и поворачивается:
— У меня, случайно, соуса нет на маске?
— Да вроде нет, — отвечает напарник. — А у меня?
Тот наклоняется и присматривается:
— Не, все чисто.
— Отлично.
Пирогоед морщится и кривится под маской, потом ворчит:
— Чертова хрень. Колется, как не знаю что.
— Кейт, опять ты за свое?
— А что, твоя не колется?
— Конечно колется! — Дэрил явно возмущен, что эта тема вдруг всплыла в беседе. — Но я ведь не жалуясь каждые пять минут!
— Мы уже час здесь сидим.
— Ну и что! Забыл! Это трудности, которые мы должны стойко переносить ради блага всего...

Тут он принимается щелкать пальцами, требуя, чтобы я подсказал ему слово.

— Человечества.
— Именно. Спасибо, Эд. Ты молодец. Хорошая память.
— Всегда пожалуйста.
Еще чуть-чуть, и мы станем лучшими друзьями. Я прямо чувствую, как разряжается обстановка.

— Слушай, мне кажется, пора сворачиваться. Давай заканчивать, мне смерть как хочется снять с лица эту шерстяную штуку. А, Дэрил?

— Кейт, помни о дисциплине. Мы наемные убийцы или кто? Наемных убийц отличает совершенная дисциплинированность!

— Наемных убийц?.. — спрашиваю я тихо.

Дэрил пожимает плечами:

— Ну, так вообще-то наша профессия называется.

— Звучит неплохо, — соглашаюсь я.

— Да, ничего.

По лицу видно, что в мозгах у него идет серьезный мыслительный процесс.

Парень думает. А потом говорит:

— Ладно, Кейт. Ты прав. Надо валить отсюда. Пистолет у тебя?

— Пистолет? А, да, он в ящике был.

— Отлично.

Дэрил встает и вытаскивает из кармана куртки конверт. На нем ясно прочитывается: «Эд Кеннеди».

— В общем, нам поручено отдать тебе это. Встань, пожалуйста.

Я встаю.

— Извини, парень, — обосновывает Дэрил свои грядущие действия, — но мне дали четкие инструкции. Значит, так. Я должен передать тебе, что ты неплохо справляешься с заданиями. — Тут он понижает голос: — И строго между нами — хотя меня прибудут, если узнают, что я тебе сказал, — мы в курсе, ты не убил того мужика.

Тут он снова извиняется и бьет меня под дых.

Меня скрючивает от удара.

Пол на кухне, оказывается, очень грязный.

Кругом валяется собачья шерсть.

Потом я получаю кулаком по шее.

И падаю лицом вниз.

Зубы мои с клацаньем встречаются с грязным линолеумом.

Затем на спину осторожно ложится конверт.

Откуда-то издалека доносится голос Дэрила:

— Извини, Эд, что так вышло. Удачи тебе.

В пустом доме гулко отдаются их шаги, я слышу, как Кейт говорит:

— Ну что, а сейчас-то можно маску снять или нет?

— Да, но не здесь, — грозно отвечает Дэрил.

В глазах темнеет, и я снова проваливаюсь в забытие.

Не хочу жаловаться, но, увы, не могу скрыть от вас печальную правду: толку от Швейцара никакого. Пес отказался протянуть лапу помощи. Нет, конечно, он пару раз подошел и вылизал мне лицо. Но поднимался я на ноги самостоятельно.

В общем, я встал. В глаза немедленно ударил яркий свет. А вверх по телу стрельнула боль.

Меня тут же зашатало. Я стою и смотрю, как Швейцар кренился туда-сюда вместе с кухней.

— На помощь, дружище! — прошу я.

А он стоит и смотрит, совершенно ничего не предпринимая.

Что-то лежит на полу, и я присматриваюсь внимательнее.

Ах да, помню-помню.

Конверт.

Он съехал с моей спины под стулья. И теперь лежит на полу среди собачьей шерсти.

Наклонившись, я поднимаю конверт, но держу двумя пальцами, как ребенок, брезгливо несущий в мусор использованный бумажный платок.

Я перебираюсь в гостиную, — Швейцар, естественно, плетется следом, — и со вздохом облегчения падаю на диван. Конверт покачивается в моих пальцах, словно насмехаясь над собственной аурой опасности: «Да брось, Эд, я только бумажка. Листочек, на котором нацарапаны всякие слова». Конверт заговаривает мне зубы, забывая сказать, что в нем вполне могут быть новые задания, одно страшнее и кровавее другого. Убийства. Изнасилования. Бог знает что еще.

«А может, Софи или Милла», — справедливости ради напоминаю я себе.

Так или иначе, но мы сидим.

Швейцар и я.

«Ну? Будешь открывать или нет?» — спрашивает пес, положив морду на лапы.

«Угу».

Делать нечего. Надо посмотреть внутрь чертова конверта.

Я вскрываю его, оттуда вываливаются трефовый туз и записка.

Дорогой Эд!

Если ты это читаешь, значит, все идет по плану. Выражаю искреннюю надежду на то, что твоей голове не нанесли слишком серьезных повреждений. Не сомневаюсь, что Кейт и Дэрил передали нашу радость от того, как продвигаются дела. Интуиция подсказывает — а она никогда не обманывает, — что ребята наверняка проговорились: нам известно, что человек с Эдгар-стрит жив. Ну что ж, неплохо. Ты вышел из положения наилучшим способом и не оставил следов. Мои поздравления.

На случай, если тебя это интересует: мужчина с Эдгар-стрит не так давно сел на поезд, следующий в какой-то богом забытый шахтерский городишко. Уверен, эта новость снимет камень с твоей души.

Ну а теперь снова за дело!

Крести — масть серьезная. Помни, сынок, что кресты и на кладбище ставят.

Остается один вопрос. Ты готов к новым приключениям?

Впрочем, это риторический вопрос. К бубновому тузу ты готов не был.

И тем не менее неплохо справился!

Итак, удачи, и смотри, не подведи нас. Уверен, ты уже понял: твоя жизнь напрямую зависит от успеха в этом деле.

Счастливого оставаться.

Отлично.

Просто замечательно.

Меня всего трясет от страха: какие ужасы готовит трефовый туз? Разум строго предупреждает: ни в коем случае не бери эту карту! С перепугу мне в голову приходит бредовая идея скормить туз Швейцару.

Но проблема в том, что я физически ощущаю присутствие карты. Она лежит на полу, и большой палец ноги ее чувствует. Меня пригибает вниз. К полу. К карте. Словно на спине тяжеленный крест.

Я поднимаю этот прямоугольный кусок картона.

Все, я уже держу его в руках.

И смотрю на него.

И читаю то, что на нем написано.

С вами бывает так: вы что-то сделали и лишь через некоторое время поняли: «Блин, что я наделал-то?» Вот именно это со мной и произошло. В результате я прочел написанное на треновом тузе. Думал, что увижу новый список адресов.

И ошибся.

Разбежался, однако. Решил, все будет так же легко. Как же. В этот раз — никаких адресов! С чего я взял, что послания будут всегда одинаковыми. Предсказуемость — не наш девиз. Испытание должно следовать за испытанием, и при этом сопровождаться сюрпризами — вот наш девиз.

Так что в этот раз на карте записаны не адреса, а фраза.

Одна только строчка.

Вот такая:

Помолись у камней дома твоего

И вот теперь у меня к вам вопрос. Кто-нибудь может мне объяснить, что все это значит?! С адресами, по крайней мере, было понятно. А что такое «камни дома твоего»?! Это может быть что угодно, где угодно и даже кто угодно. И как мне идти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что?

Однако фраза что-то шепчет.

Карта мягко говорит на ухо: стоит сделать усилие, и нужное воспоминание тут же всплывет.

Время идет, но ничего так и не всплыло.

И вот я сижу, смотрю на карту, а у моих ног мирно похрапывает глупый старый пес.

Я просыпаюсь на диване скрюченный, все затекло. Затылок, похоже, кровоточил. На подушках — следы крови, ржавого цвета короста покрывает шею. Плюс все тело болит, хотя боль уже не острая, атакующая приступами, а тупая и ноющая. Постоянная.

Карта лежит на журнальном столике. На поверхности много пыли, но треновый туз смотрится вполне естественно, словно всегда там лежал.

Снаружи темно.

Из кухни льется оглушающе яркий свет.

Шея и спина — все в подсохшей крови — чешутся. Я говорю себе, что надо выпить. Выключаю свет и на ощупь пробираюсь к холодильнику. На нижней полке нахожу пиво и иду с ним обратно в гостиную, приговаривая: «Так давайте же пить и веселиться!» То есть, в моем случае, все, что

удовно, только не смотреть в сторону карты. Я поглаживаю Швейцара ногой и думаю: «Который, интересно, час? И какое число? И вообще, что показывают по телевизору?» Хотя, чтобы включить телик, нужно же встать... На полу лежат и смотрят на меня книги. Не буду я их читать.

Что-то теплое стекает по шее.

Похоже, затылок опять кровотоцит.

— Еще одну прислали?

— Да.

— Какая масть?

— Трефы.

— А ты так и не выяснил, кто их посылает?

Тут Одри замечает подтеки пива у меня на куртке и подсыхающую кровь на шее.

— О боже правый, что случилось?

— Все в порядке, не волнуйся.

По правде говоря, я чувствую себя жалким придурком. Ибо с первым лучом солнца выскочил из дома и побежал — куда? Правильно, к Одри. За помощью. И только обменявшись с ней парой реплик, я понимаю, что весь дрожу. Солнышко пригревает, но кожа отчаянно пытается оторваться от плоти.

«А почему она держит меня на пороге?» — вяло удивляюсь я, и ответ вырисовывается сам, после нескольких мгновений неловкого молчания: это парень с работы.

— Кто там? — спрашивает он.

— А, это... — начинает мяться Одри.

Она неловко себя чувствует, это видно.

А потом небрежным тоном роняет:

— Просто Эд зашел.

Вот так. Просто Эд.

— Ладно, до скорого тогда.

И я начинаю пятиться, ожидая...

Чего ожидая?

Да того, что она пойдет за мной.

Но Одри не идет.

Только выходит на крыльцо. И спрашивает:

— Ну ты же будешь дома позже?

— Не знаю, Одри, — продолжаю пятиться я.

И это правда. Я и впрямь не знаю, буду ли дома. Джинсы кажутся невообразимо старыми, они оплетают мне ноги, как побеги вьюна. Рубашка обжигает холодом. Куртка царапает руки, волосы растрепаны, а глаза, судя по ощущениям, красные от недосыпа. А еще я так и не узнал, какое сегодня число.

«Надо же, просто Эд», — думаю я. И поворачиваюсь.

Просто Эд уходит.

Просто Эд уходит быстро.

Ускоряет шаг, пытаюсь перейти на бег.

Но спотыкается.

Загребает ногой землю и снова идет медленно. Из-за спины слышится голос Одри, она зовет, громче и громче:

— Эд? Эд?!

Просто Эд оборачивается.

— Я потом найду, ладно? — спрашивает она.

Просто Эд смиренно вздыхает — ладно.

— Хорошо, — говорит он вслух. — Пока.

И идет прочь. Внутреннему зрению предстает образ Одри, как она стоит в дверях. На ней болтается футболка, — Одри в ней спит. Немного взъерошенные после сна, красивые волосы. Округлые бедра. Стройные, золотистые от загара ноги. Сухие, еще пухлые со сна губы. Следы поцелуев на шее.

Она пахнет близостью, пахнет сексом.

Я корчусь в безмолвной муке: «О, как бы я хотел, чтобы такой запах шел и от меня».

Но от меня разит запекшейся кровью и пролитой на куртку выпивкой.

Погода стоит прекрасная.

На небе ни облачка.

«Кстати, Эд, для информации, — напоминаю я себе, поедая хлопья с молоком. — Сегодня вторник. Ты работаешь».

Поэтому трефовый туз отправляется в тот же ящик комода — в компанию к бубновому. На мгновение мне представляется полный набор тузов, разложенных веером, как при игре в карты. Вот уж никогда бы не подумал, что мысль о четырех тузах в руке будет мне отвратительна. Играя в карты, ничего лучше и желать нельзя. Но жизнь — не карты, увы.

Вскоре Марв непременно на меня насядет, требуя, чтобы мы делали по

утрам пробежки. Все-таки на носу «Ежегодный беспредел». Я даже хихикаю, представляя, как это будет выглядеть: мы с Марвом босиком трусим по сонным лужайкам перед домами, разбрызгивая росу и пугая крапиву. Когда играешь босиком, нет смысла тренироваться в кроссовках.

Одри заявляется ближе к десяти. Умытая и свежая после душа. Она пахнет чистотой. Волосы забраны в тугий хвостик, и лишь несколько роскошных прядей падают на глаза. На ней джинсы, коричневые ботинки и голубая рубашка с нашивкой на кармане: «Свободное такси».

— Привет.

— Привет.

Мы садимся на крыльце, свесив ноги. На небо выползли первые облака.

— Что написано на новой карте?

Прочистив горло, я спокойно сообщаю:

— «Помолись у камней дома твоего».

Одри отвечает растерянным молчанием.

— Что бы это могло значить? — наконец спрашивает она.

И смотрит на меня. Я чувствую ее взгляд. Он мягкий и добрый.

— Понятия не имею.

— А что случилось с головой и... — Сейчас во взгляде Одри беспокойство соседствует с явным неудовольствием. — ...В общем, со всем остальным, — наконец находится она. — Эд, ты выглядишь ужасно.

— Знаю. — Слова падают мне на ноги и соскальзывают на траву.

— А что ты делал по адресам, которые были на первой карте?

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

Я начинаю говорить, и перед глазами как живые встают люди из моего рассказа.

— Ну, мне нужно было почитать книжку одной пожилой леди, доказать девушке, что она победит, бегая только босиком — даже со сбитыми в кровь ногами. И... — Тут мой голос становится очень, очень спокойным: — Я должен был убить человека, который насиловал свою жену каждую ночь.

Солнце выходит из-за облака.

— Ты это серьезно?

— А зачем мне выдумывать?

Вообще-то в моем голосе должна была прозвучать неприкрытая враждебность. Но с ней не заладилось. Наверное, не осталось сил.

Теперь Одри не глядит на меня: боится по выражению лица понять,

что я не вру.

— И ты... сделал это?

На меня вдруг наваливается чувство вины: ну зачем я грузил ее этим рассказом? Чем она мне поможет? Ничем. К тому же ей не понять. Откуда ей знать, как это — чувствовать руки ребенка, этой девочки, Анжелины, на своей шее? Или видеть, как сдерживает слезы женщина, наклоняясь к полке с продуктами в супермаркете? Откуда ей знать, насколько холодна рукоять пистолета? Или как глубоко отчаяние вдовы, которой непременно нужно было услышать: «Да, Милла. Ты меня берегла. Как зеницу ока».

Одри никогда не поймет. Она не говорила со смущенной, глядящей в землю Софи. И не сидела с ней на скамейке — молча, просто наслаждаясь ее красотой.

Поэтому несколько секунд я просто собираюсь с мыслями.

Точнее, это мысли собираются во мне.

Мысли — и все те люди.

Выбравшись из толпы воспоминаний, я обнаруживаю, что сижу рядом с Одри и она все еще ждет ответа на свой вопрос.

— Нет, я его не убил. Но...

— Но что?

Я качаю головой и чувствую, как к глазам предательски подступают слезы. «А ну назад», — команду я им.

— Эд?.. Что ты с ним сделал, с этим человеком?

Медленно-медленно я подбираю слова. Очень медленно.

Очень-очень.

— Я отвел этого человека к Собору. Приставил к его затылку пистолет. И выстрелил... Но не в него. Я целился в солнце.

Похоже, так я Одри еще больше запутаю.

— В общем, мужик уехал отсюда — далеко и надолго. Не думаю, что он вообще вернется.

— Он это заслужил?

— Господи боже мой, Одри! Ты только послушай себя! Заслужил, не заслужил, при чем тут это? Не мне решать, как ты не понимаешь!

— Ладно-ладно, — дотрагивается она до меня нежно, пытаясь успокоить. — Не кричи так.

— Ах, не кричи? — огрызаюсь я. — Не кричи? Да что ты понимаешь! Пока ты трахалась с этим парнем, Марв доставал всех с идиотским футболом, а Ричи занимался фигней, которой он обычно занимается в свободное от карт время, а я за кого-то делал грязную работу!

— Ты избран.

— Утешила, называется.

— Ну а та пожилая женщина? И девушка? Разве это была грязная работа?

Я не сразу нахожусь с ответом:

— Ну-у-у... ну да. Но...

— Разве история с мужчиной не стоила шанса познакомиться с этими людьми?

Черт.

Ненавижу.

Потому что она права.

— Слушай, я просто хочу, чтобы это было... полегче, что ли. Полегче для меня. Понимаешь? — Я специально не смотрю на Одри. — Ведь могли бы выбрать кого-то другого. Умнее. Сообразительнее. И зачем я только кинулся за этим грабителем? Лежал бы себе спокойно на полу, и ничего бы этого со мной не случилось. — Слова выплескиваются из меня, как молоко из опрокинутого пакета, их не остановить. — А еще я хочу, чтобы ты была со мной, а не с тем парнем. Чтобы моя кожа касалась твоей...

Ну вот, приехали.

Какой же я debil.

— Ой, Эд.

Одри смущенно отворачивается.

— Я даже и не знала...

Наши ноги болтаются в воздухе.

Я рассматриваю их и джинсы Одри.

И вот мы сидим.

Одри и я.

И чувство неловкости.

Втиснулось между нами и тоже сидит.

— Эд, ты мой лучший друг, — помолчав, говорит Одри.

— Угу.

Вот такими словами женщина может убить мужчину.

Ни пистолета не надо, ни пули.

Лишь несколько слов. И женщина.

Мы сидим на крыльце еще некоторое время. Я разглядываю ноги и колени Одри, не в силах поднять глаза. Больше всего мне хочется свернуться калачиком и уснуть. Еще ничего не сделано, а уже нет сил ни на что.

Однако пора принимать какое-то решение.

Нужно собраться и начать действовать.

Темнеет, и я еду в город. Далеко впереди небоскребы заслоняют закат. Вечер спокоен и тих — в самый раз, чтобы подумать о том о сем.

Самый интересный пассажир сегодня — женщина, похожая на проститутку. Она усаживается на переднее сиденье. У нее мускулистое, крепкое тело. Волосы призывно завиваются, губы прекрасны, хотя зубы не то чтобы очень. И говорит она, как и подобает белокурой красавице, — очень мило. Женщина то и дело вставляет нежные словечки:

— Тебе что-то не нравится, зайка?

Или:

— Ой, я по этой дороге, лапа моя, никогда и не ездила.

Против всех ожиданий, макияж у нее неброский и очень стильный. И жвачку она не жует. На ней черные ботфорты, белая облегающая водолазка, которая, кстати, ей очень идет, и темный жилет.

«Эд, смотрел бы ты лучше на дорогу», — думаю я.

— Зая?

Я поворачиваюсь к ней.

— Милый, ты помнишь, куда мы едем?

Я прочищаю горло и отвечаю:

— Куэй-Гранд?

— Да, правильно. Я там должна быть к десяти, ты же меня не подведешь, да, лапуль?

— Нет, что вы.

Я приветливо ей улыбаюсь. Мне нравятся такие клиенты.

Мы доезжаем до места, счетчик показывает одиннадцать шестьдесят пять, но она дает мне пятнадцать долларов и говорит, что сдачи не надо. Потом наклоняется к окну:

— Ты очень милый мальчик.

— Спасибо, — улыбаюсь я.

— За чаевые или за комплимент?

— И то и другое.

— Меня зовут Элис, — говорит она и протягивает мне руку.

Яжимаю ее кисть.

— Люди... понимаешь... обычно называют меня Шиба, но ты, лапуль, можешь звать меня Элис.

— Хорошо.

— А тебя как зовут?

— Меня... — Я неохотно отпускаю ее руку. Наверное, она не заметила карточку моего водительского удостоверения на приборной панели. — Меня зовут Эд. Эд Кеннеди.

Женщина одаривает последней ласковой фразой:

— Что ж, спасибо, что подвез, Эд. Все у тебя будет хорошо, лапуль, поверь мне. Не грусти, хорошо?

— Ага, спасибо.

Она уходит, но мне хочется, чтобы женщина обернулась и сказала:

— Эд, а ты не мог бы меня завтра отсюда забрать?

Но она не оборачивается.

И скрывается из виду.

Элис здесь больше не живет.

Провожая ее взглядом до самых дверей гостиницы, я сижу и не трогаюсь с места.

Сзади слышится гудок — длинный и злой, из машины высовывается человек и орет:

— Чего стал, таксист! Двигай отсюда!

Он прав. Хватит таращиться.

Я еду через ночь и представляю, как Элис превращается в Шибу. Как звучит ее голос, пахнет тело. Свет в гостиничном номере приглушен, окна смотрят на сиднейскую бухту.

— Ты не против, если я?..

— О-о-о, милый, конечно...

— О да, да, вот так, быстрее, быстрее, да, да...

Я представляю ее сверху. На мне.

Как мы занимаемся любовью.

Я чувствую ее движения.

И свои в ней.

Ласкаю ее и пьянею, как от шампанского.

Целую в губы — и не замечаю некрасивых зубов.

Закрываю глаза и наслаждаюсь ее телом.

Дотрагиваюсь до обнаженной кожи.

Водолазка лежит на полу.
Сброшенный жилет — рядом, на кровати.
Сапоги распластались, скрестив длинные голенища.
Я двигаюсь в ней.
— О-о-о, — постанывает Элис, — Эд, о Эд...
Я растворяюсь в ее дыхании.
— О-о-о, Эд...
— Красный! — орет мне пассажир с заднего сиденья.
Я резко даю по тормозам.
— Да что с тобой такое, черт побери?!
— Извините...
Я делаю глубокий вдох.
Ффу-у-ух... А хорошо позабыть — хотя бы на время — о бубновом тузе. И об Одри. Однако вот она, реальность, добро пожаловать обратно. Голос пассажира возвращает меня к болезненным воспоминаниям.
— Дружище, а теперь зеленый.
— Спасибо.
Ну что ж, поехали дальше...

Вот я и дома, въезжаю обратно в пригород. Солнце уже показалось над краем горизонта. Дороги пусты. Оставив машину на стоянке «Свободного такси», как всегда, плетусь в свою хибарку.

Швейцар радуется моему приходу.

Мы пьем кофе — а как же без него. Я вынимаю карту из ящика комода. И смотрю на нее внимательно: а вдруг зазевается и что-то такое в ней промелькнет — нечто, проливающее свет на хранимую тузом треф тайну.

Эта ночная смена почему-то придала мне решимости. Неважно, сколько я заработал и как себя чувствую. Принято твердое решение — все, хватит увиливать, надо браться за дело. Сорвать с лица и выкинуть дурацкое, вечно жалующееся и бормочущее оправдания ротовое отверстие. И приступить к работе. Я зажал себя в угол гостиной, которую постепенно наполняет дневной свет.

«Эд, не вини окружающий мир в своих бедах. Прими его таким, какой он есть», — говорю я себе.

После этого я выхожу на крыльцо и оглядываю доступную моему зрению часть обитаемого мира. И надо же, он мне симпатичен! Впервые я готов принять его! В конце концов, пережил ведь я предыдущие задания. Вот, стою на пороге, здоровый и невредимый. Нет, конечно, крыльцо — убогое, и дом — развалина, и кто я такой, чтобы утверждать: «Моя деятельность изменила этот мир»? Но истина в том, что мир изменил меня. Бог свидетель — я сделал все, что мог. Вот, Швейцар, к примеру, сидит и смотрит на меня, ожидая команды, — ну или просто симулирует преданность и внимание. Во всяком случае, на морде у него написано, что он без меня не может и готов слушаться и все такое. А я смотрю на него и говорю: «Время пришло».

В конце концов, разве многим выпадает подобный шанс?

А из этих немногих сколько человек решают этим шансом воспользоваться?

Я сажусь на корточки и кладу руку на плечо Швейцару (наверное, у

собаки плеч как таковых нет, но на что-то же я руку положил?). А потом мы встаем и идем. Вперед, на поиски камней дома.

Но, не дойдя и до середины улицы, останавливаемся.

Потому что есть одна маленькая проблема.

Мы совершенно не знаем, где эти камни искать.

Неделя пролетает быстро, дни до отказа заполнены игрой в карты, работой и прогулками со Швейцаром. С Марвом, опять же, нужно было погонять мяч в четверг вечером, а потом наблюдать, как после тренировки он напивается у себя дома.

— До игры всего ничего — месяц, — выговаривает он, потягивая пиво, которое стащил у отца.

Марв никогда не покупает выпивку на свои деньги. Никогда.

Да, мой друг до сих пор живет с родителями. И надо сказать, что внутри дом выглядит очень прилично. Деревянные полы. Чистые окна. Естественно, всю эту красоту поддерживают мама и Марисса. Сам-то Марв — да и его папаша — пальцем о палец не ударят. Да уж, друг мой — настоящий ленивый засранец, задницу от дивана не оторвет. Марв вносит в семейный бюджет небольшую сумму, типа на еду, а остальное кладет на счет в банке. Иногда я даже удивляюсь, на что ему такая прорва денег. Марв недавно обмолвился, что в банке уже под тридцать тысяч лежит.

— Эд, а ты на какой позиции хочешь играть?

— Да мне все равно, вообще-то.

— А я бы хотел центральным полузащитником. Но ведь опять на край поставят, как пить дать. Тебя, кстати, полузащитником определяют без вопросов. Хоть ты и заморыш.

— Огромное спасибо за комплимент.

— А что, не так, что ли? — (Да уж, тут Марв меня уел.) — Но ты, если выкладываешься, ничего так играешь, — снисходительно бросает он.

Тут я должен ответить любезностью на любезность и сказать, что Марв вообще игрок хоть куда. Но я молчу.

— Эд?

А я все молчу.

И думаю о треном тузе и камнях дома моего. Что это? И где?

— Э-эд?.. — хлопает Марв в ладоши перед моим носом. — Очнись!

На краткий миг меня искушает желание спросить друга про камни дома. Мало ли, может, он о таких слышал. Но я пересиливаю себя. Марву не понять. Да и весь прошлый опыт доказывает: посланник всегда одинок. Никто не может ему помочь.

— А? Да все в порядке, Марв, — отвечаю я. — Просто задумался.

— Думать — дело опасное, — предупреждает он. — Никогда не знаешь, куда заведет. Лучше не думать вообще.

«Это точно», — соглашаюсь я в ответ.

Жаль, что у меня так не выходит. А что? Живешь себе припеваючи, и плевать на всех. И ведь такие люди счастливы, хотя их радость убогая и недоделанная. Прямо как у нашего друга Ричи: тебе все пофиг, и всем пофиг на тебя.

— Ты за меня, Марв, не волнуйся, — отрезаю я. — Как-нибудь справлюсь, не маленький.

А друга моего явно пробило на разговоры. Ибо он тут же задает вопрос:

— Слушай, а ты помнишь, я с девушкой встречался?

— Сьюзен, что ли?

Марв выговаривает — словно выписывает — ее полное имя:

— Сьюзен Бойд. — И тут же пожимает плечами: — Они же съехали. И Сьюзен мне вообще ничего не сказала. Не предупредила даже. Три года назад пропала. С концами... Я все думал об этом, думал. Чуть с ума не сошел.

Тут Марв говорит, словно мои мысли подслушал:

— Ричи бы вообще не морочился. Обозвал бы девку шлюхой, выпил пива и пошел, как всегда, к букмекеру. — Марв грустно улыбается и смотрит в пол. — И типа все дела.

Мне хочется поговорить с ним. Ну, про все. Расспросить о девушке. Любил ли он ее. Скучает ли по ней до сих пор.

Но мой язык остается за зубами. Я молчу. Насколько хорошо мы позволяем друг другу узнать себя?

Молчание затягивается, и я наконец беру на себя смелость его нарушить. Ломаю тишину — с хрустом, как ломают хлеб и раздают нуждающимся. Вот так и я выдаю другу вопрос.

— Марв? — спрашиваю.

— Что? — впивается он в меня глазами.

— Как ты поступишь, если тебе, вот прямо сейчас, нужно оказаться в одном месте, а ты не знаешь, где это находится?

Марв надолго задумывается. Похоже, он все еще размышлял о девушке, когда я огорошил его своим вопросом.

— Ну... типа как если бы нужно было попасть на «Ежегодный беспредел»? — выдает Марв.

Что ж, сделаем скидку на возможности воображения моего друга.

— Ну, типа того.

— Хм... — Марв задумывается не на шутку и долго трет белесую щетину загрубевшей ладонью. Сразу видно, футбол для него крайне важен. — Я бы мозги вывихнул, представляя себе, как проходит матч без меня. И зная, что не могу ничего изменить. Потому что меня-то там нет!

— Короче, ты бы чувствовал разочарование.

— О! Точно.

Я перелопатил все городские планы. Перерыл старые, принадлежавшие еще отцу книги. Перечитал всякие местные истории. И ничего не нашел. Ни одной подсказки, где могли бы находиться пресловутые камни дома моего.

Дни и ночи распадаются. Ржавчина разъедает сутки по швам между тьмой и светом. Каждая минута стучит в голову напоминанием: что-то происходит. То неведомое, что я должен изменить или поправить. Или вообще остановить.

Мы продолжаем играть в карты.

Я ходил на Эдгар-стрит — все по-прежнему. Мужик так и не вернулся. Похоже, он навсегда забыл дорогу.

Мать с дочерью выглядят счастливыми. Во всяком случае, когда попадают мне на глаза. Ну и слава богу.

Однажды вечером я прихожу к Милле — почитать.

Она в восторге, и, должен вам сказать, я не против снова побыть Джимми. Мы пьем чай, и на прощание я целую Миллу в морщинистую щеку.

В субботу иду на стадион — посмотреть, как там Софи. Она снова приходит второй, но, верная своему обычаю, бежит босиком. Софи замечает меня в толпе зрителей и кивает. Просто кивает — ей не до слов, она бежит, причем последний круг. Я стою за оградой, напротив финишной прямой — там-то она меня и замечает. Софи узнает меня, я узнаю ее — что ж, этого достаточно.

«Я скучаю по тебе, Эд», — сказала она тогда вечером в парке. А сегодня она бежит мимо, я смотрю на ее лицо, и на нем написано: «Я рада, что ты пришел».

Я тоже рад. Но как только забег кончается, я ухожу.

Это случается ночью, во время работы.

Я нахожу камни моего дома.

Точнее, все происходит строго наоборот.

Камни моего дома находят меня.

Приезжая в город, я всегда надеюсь снова встретить Элис. Особенно внимательно разглядываю людей у «Квэй»^[5] и «Кросса».^[6] Но она как сквозь землю провалилась — обидно даже. Да, время от времени ко мне садятся знакомые клиенты, но это пожилые дядьки, которые всегда лучше знают, как ехать, или молодые бизнесмены с мобильниками, вечно поглядывающие на часы.

Уже поздно, где-то в четыре утра, по дороге к пригороду ко мне садится молодой человек. Он поднимает руку, и я торможу. Парень уверенно стоит на ногах и блевать вроде не собирается. Я, знаете ли, этого не люблю, тем более под конец смены. Стошнит такого придурка — и все, подтирай потом за ним целое утро.

Итак, я останавливаюсь, и он садится.

— Куда едем? — спрашиваю.

— Прямо. — А надо сказать, голос его звучит угрожающе с первых слов. — Отвези меня домой, понял?

Я, конечно, занервничал, но все равно спросил:

— Домой — это куда?

Тут он поворачивается и смотрит на меня. Многообещающе так и неприятно.

— А туда, где ты живешь.

Глаза у парня желтые, как у кошки. Волосы короткие и черные. И одет он в черное.

Парень роняет еще два слова:

— Поехали, Эд.

Как вы понимаете, это предложение, от которого я не могу отказаться.

Он знает мое имя, а я знаю, что он везет меня туда, куда нужно тревовому тузу.

Некоторое время мы едем молча. Мимо пролетают огни, бледнеющие в свете утра. Парень сидит рядом, и я все хочу рассмотреть его — но ничего не получается. Каждый раз я физически ощущаю его взгляд. Эти желтые глаза готовы меня расцарапать.

Пробую разговорить странного пассажира:

— Ну...

М-да, хорошее начало разговора. Я бы сказал — безнадежное.

— Чего «ну»?

Так, попробуем зайти с другой стороны. Авось получится.

— Ты знаешь Кейта и Дэрила?

— Кого?!

Он выплевывает это с такой насмешкой, что мне не становится неловко, а сразу делается страшно. Но сдаваться не в моих правилах.

— Ну как — кого? Дэрила и...

— Я не глухой, между прочим, — отвечает он жестко. — Будешь еще трепаться и именами сыпать, не доедешь до дому. Понял?

«Почему, черт побери, мне все время попадаются либо бандиты, либо спорщики, — думаю я, — либо бандиты и спорщики в одном лице? Что угодно могу делать, но кончается все одинаково — бандиты и спорщики, спорщики и бандиты. Либо в дом ко мне припрутся, либо в такси сядут».

По ряду очевидных причин я молчу до самого конца. Знай себе рулю и пытаюсь рассмотреть клиента, все так же безуспешно.

— Вниз до упора, — командует он, когда мы выезжаем на Мэйн-стрит.

— Это где речка?

— Не умничай. Дуй вперед.

И мы едем.

Мимо моего дома.

Мимо дома Одри.

К реке.

— Вот здесь.

Я останавливаю машину.

— Ага, спасибо.

— С тебя двадцать семь пятьдесят.

— Чего?!

Открыть рот и повторить не так-то просто, потому что страшно. Парень смотрит, словно еще чуть-чуть — и он меня убьет. Но я повторяю:

— Двадцать семь пятьдесят с тебя.

— Платить не буду.

И знаете, я ему верю.

Потому что он просто сидит и смотрит на меня своими здоровенными желтыми глазами с расширившимися черными зрачками. Этот парень платить не будет. Спор бесполезен. Любая попытка дискуссии тщетна. Но я ее предпринимаю:

— А почему, интересно, не будешь?

— У меня нет денег.

— Тогда я твою куртку заберу!

Парень придвигается ближе, в голосе неожиданно звучат дружеские нотки:

— Слушай, а ведь они правду сказали — ты упрямый сукин сын!

— Кто это «они»?

Ответа я так и не получаю.

Желтые глазищи хищно вспыхивают, парень распахивает дверь и кошкой выпрыгивает из такси.

На секунду я замираю.

Застываю внутри этого мгновения, без движения. А потом выпрыгиваю из машины и бегу следом. Прямо к реке.

Под ногами мокрая трава.

— А ну стой! — ору я.

В голове вертятся странные мысли: «А ну стой! Так ты кричишь? „А ну стой“ — какая банальность. Так орут все таксисты, когда сбегает клиент. Ты бы что-нибудь посвежее придумал, что ли. Странно, что ты обошелся без традиционного „говнюк“ в его адрес...»

Ноги деревенеют.

Воздух пролетает мимо рта и совершенно не желает попадать внутрь.

Но я все равно бегу!

Бегу и понимаю, что это чувство мне очень знакомо. Отвратительное чувство, надо сказать.

Оно возникало всякий раз, когда я гнался за Томми, младшим братом. Ну, вы помните, он живет в городе, у него перспективная работа, и в журнальных столиках Томми разбирается лучше моего. Так вот, даже тогда, в детстве, он во всем был первым. Даже бегал быстрее. Я этого, конечно, стеснялся. Стыдно, когда младший брат быстрее, сильнее, умнее и вообще лучше тебя. Во всем. И ведь это чистая правда. Неприятная и горькая, но тут уж ничего не попишешь.

Мы рыбачили на берегу реки, чуть выше по течению. И бегали наперегонки: кто первый окажется на месте. Я ни разу не выиграл. И естественно, успокаивал себя мурой из серии: «Стоит мне захотеть, как я...», ну и так далее.

И вот однажды я захотел.

Не на шутку.

И проиграл.

У Томми в тот день прямо второе дыхание открылось, и он обогнал меня на пять ярдов минимум.

Мне было одиннадцать.

А ему десять.

И вот прошло десять лет, но ничего не изменилось: я по-прежнему безуспешно пытаюсь догнать кого-то, кто быстрее, сильнее и лучше меня.

Мы пробежали уже около километра, и мое дыхание сбилось

окончательно.

Парень оборачивается.

Ноги мои подгибаются.

И я останавливаюсь.

Все, отбегался.

Метрах в двадцати слышно, как парень смеется:

— Эх ты...

Отворачивается и исчезает.

Я стою и бессильно наблюдаю, как мелькают и растворяются в темноте его кроссовки. И безуспешно роюсь в памяти.

Ночной ветер перебирает ветви деревьев.

По небу нервно бегут облака. Черные на синем.

Удары сердца отдаются в моих ушах аплодисментами — сначала бурными, как у ревушей толпы, потом публика расходится, рукоплескания становятся все реже, реже, и под конец лишь мое сердце с издевательской иронией продолжает хлопать в ладоши.

Хлоп. Хлоп.

Хлоп.

«Отлично, Эд. Молодец, ничего не скажешь. Поздравляю с проигрышем».

А я стою в высокой траве и впервые за ночь вслушиваюсь в шум реки. Она журчит, словно кто-то пьет. В темной воде отражаются звезды. Они будто нарисованы на ее поверхности.

«Машина! — спохватываюсь я. — Она же открыта!»

Более того, ключи остались в замке зажигания. Каждый таксист знает: забыть ключи в зажигании — грех незамолимый! За клиентом гоняйся, а ключи вынимай! И запри машину! Обязательно запри машину! Все нормальные люди делают это! Но то нормальные, а то — я.

Я живо представляю брошенную машину.

Одну-единешеньку на дороге.

С распахнутыми дверями.

«Нужно возвращаться», — шепчу я себе. Но не двигаюсь с места.

И остаюсь на берегу реки до рассвета. Занимается утро, и мы с братом снова бежим наперегонки.

Я отстаю.

А потом мы ловим рыбу — сначала с берега, а затем идем вверх по течению, все выше и выше, туда, где нет домов. Там уже нужно карабкаться — мы удим, сидя на скалах.

На скалах.

Гладких таких.

Похожих на...

Постойте-ка.

Я медленно, а потом все быстрее и быстрее иду вверх по течению.

Забираюсь высоко, как мы с братом в детстве.

Вода журчит, разбиваясь о камни, а я цепляюсь руками и ногами и лезу дальше. Светает, мир наливается красками и обретает форму. Его словно прорисовывают вокруг меня.

Ноги зудят.

И наливаются теплом.

Теперь я вижу это место.

И нас — с удочками.

«Вот они, — показываю я. — Вон те скалы. Огромные камни».

И мы на них — закидываем леску, пересмеиваемся, смотрим на поплавки. Это был наш секрет, мы поклялись никому не рассказывать об этом месте.

Я уже почти дошел до скал.

Где-то далеко стоит сиротливо, с распахнутыми дверями, моя машина.

Солнце уже вылезло из-за горизонта — оранжевый шар, нарисованный на театральном заднике в виде неба.

Я взбираюсь на самый верх и опускаюсь на колени.

Ощупываю холодный камень.

Выдыхаю с облегчением.

Вслушиваюсь в шум реки, смотрю вверх и понимаю: а ведь я на месте. Я стою на коленях у камней дома моего.

На скале вырезаны три имени.

Они не сразу попадают мне на глаза. Я их увидел, лишь снова поглядев вверх.

Подойдя поближе, читаю:

Томас О'Райли
Энджи Каруссо
Гейвин Роуз

[7]

Некоторое время я слышу только шум реки в ушах. Подмышки мокрые от пота. Он стекает со стороны сердца, по ребрам вниз, и верхняя часть брюк становится влажной.

Напрасно я шарю в карманах в поисках ручки и бумаги. Понятно, что их нет, но я как тот человек, что выдает заведомо неправильный ответ и глупо надеется на чудо: а вдруг угадал!

Поиски, естественно, ничего не дают, ручки с собой нет, так что я записываю имена в уме. Сначала начерно, карандашом, потом мысленно обвожу чернилами. Наконец процарапываю в памяти — так надежнее.

Томас О'Райли.

Энджи Каруссо.

Гейвин Роуз.

Ни одного знакомого имени — оно и к лучшему. Не знаю, мне кажется, если б я кого-то знал, было бы еще труднее.

Окинув камни прощальным взглядом, иду обратно, распевая вслух имена, чтобы точно не забыть их.

До машины я шел почти сорок пять минут.

Однако.

Двери закрыты, но не заперты. А вот ключей в зажигании нет. Я сажусь за руль, некоторое время смотрю сквозь лобовое стекло, потом опускаю шторку от солнца, и ключи падают мне на колени.

«О’Райли, О’Райли...»

Я листаю страницы телефонного справочника. Время к полудню. Я выспался и полон сил.

Нахожу двоих О’Райли. Один в хорошем районе. Другой — в плохом.

«Вот он, мой Томас, — думаю я. — Из плохого района».

Можно даже не сомневаться.

На всякий случай отправляюсь по первому адресу. Вижу красиво оштукатуренный дом с широкой подъездной дорожкой. Стучусь.

— Кто там?

Открывает высокий мужчина. Сквозь сетчатую дверь хорошо видно, он в шортах, рубашке и шлепках.

— Извините за беспокойство, — начинаю я, — но...

— Коммивояжер?

— Нет.

— Свидетель Иеговы?

— Нет.

Он явно удивлен.

— Тогда заходи.

Приглашение произносится совсем другим, гораздо более любезным тоном. Да и глаза потеплели. Я даже захотел войти в дом, но в последний момент передумал.

Мы смотрим друг на друга через сетчатую дверь. Я все никак не могу подобрать нужные слова и в конце концов решаю, что лучше сразу перейти к делу:

— Сэр, вас зовут Томас О’Райли?

Он делает шаг вперед и после паузы отвечает:

— Нет. Меня зовут Тони. А Томас — мой брат. Он живет в какой-то развалюхе на Генри-стрит.

— Понятно, извините за беспокойство, — поворачиваюсь я, чтобы уйти. — Спасибо, что уделили мне время.

— Эй, постой.

Он открывает дверь и выходит на крыльцо.

— А что тебе надо от моего брата?

Тут замолкаю я.

Потом отвечаю:

— Пока не знаю.

— Ну, раз ты все равно туда едешь, — говорит человек, — не мог бы оказать мне услугу?

Я пожимаю плечами:

— Да без проблем, сэр.

— Не мог бы ты передать ему, что сребролюбие пока не поглотило мою душу?

Эта фраза хлопается между нами на землю подобно сдувшемуся мячу.

— Д-да. Хорошо, я передам.

Уже дойдя до калитки, я слышу, что Тони О'Райли окликает меня снова. Оглядываюсь.

— Знаешь, думаю, нужно тебя предупредить, — делает он шаг вперед. — Мой брат священник.

Мы оба застываем на несколько мгновений, пока я перевариваю услышанное.

— Ага, спасибо, — говорю и наконец-то ретируюсь со двора.

А про себя думаю: «Ну, это все-таки лучше, чем муж, который бьет и насилует жену».

— ...Сколько раз тебе повторять! Это не я!

— Правда?

— Эд, это не я. Если б это было моих рук дело, я бы уже все рассказал.

Данный содержательный телефонный разговор имеет место между мной и моим братом Томми. После случая на реке и нахождения «камней дома моего» я задумался: а не братец ли устроил все это? Ведь, кроме него, никто не знал про то место. Мы никому не рассказывали, потому что прятались там, забираясь высоко по течению. Хотя, возможно, кто-то нас видел, но ничего не сказал. Мы же там купались и все такое.

Я рассказал Томми про карты в почтовом ящике, и он заметил:

— Вечно ты влипнешь черт знает во что. То в дурацкую историю, то еще в какую-нибудь хрень. Ты прямо какой-то магнит для хрени, честное слово.

Мы посмеялись.

Но я задумался.

Таксист. Неудачник местного масштаба. Эталон посредственности. Никудышный любовник. Невезучий игрок в карты. Теперь еще и магнит для хрени.

Офигительное резюме.

Что ни строчка — загляденье.

— Ну а вообще как дела, Томми?

— Да нормально. А у тебя?

— И у меня неплохо.

На этом наш разговор подходит к концу.

Да, это сделал не Томми.

В последнее время с игрой в карты не складывается, и Марв берется за организацию званого вечера. Площадку для мероприятия предоставляет Ричи. У него родители уехали в отпуск.

Но перед тем как отправиться к Ричи, я иду на Генри-стрит. Надо же посмотреть на Томаса О'Райли. Чем ближе я подхожу, тем ближе к пяткам сердце. Руки сами заползают в карманы и боятся высунуться. Улица полностью оправдывает свою репутацию и производит жуткое впечатление. Повсюду разбитая черепица, разбитые стекла, разбитые жизни. Дом святого отца тоже не в лучшем состоянии. Еще издали видно.

Крыша вся изъедена ржавчиной настолько, что непонятно, какого она была цвета.

Стены обшиты старыми, грязными асбестоцементными плитами.

Краска давно облупилась и висит клочьями.

Забор вокруг дома еле стоит и вот-вот завалится.

Перекошенная калитка тоже дышит на ладан.

Я подхожу к дому и понимаю: ну все, конец экскурсии.

Из темного проулка выходят три здоровенных мужика и подкатывают ко мне. Нет, они не угрожают и не нарываются на драку, но само их присутствие вызывает острое желание оказаться как можно дальше отсюда — и от этой неприятной ситуации «трое на одного».

— Эй, парень! Сорока центов не найдется? — спрашивает один.

— А сигареткой не угостишь? — интересуется другой.

— Слушай, отдай куртку, у тебя ж наверняка еще одна есть?

— Эй, эй, парень, куда ты! Что, даже одной сигареты не дашь? У тебя ж есть, я знаю. Поделись куревом, небось от одного раза не убудет?..

На мгновение я замираю, а потом поворачиваюсь и иду прочь.

Очень, блин, быстро иду.

Да уж.

Ощущения от прогулки оказались настолько острыми, что даже у Ричи я не могу прийти в себя. Между тем остальная компания бодро сдает карты и разговаривает.

— Ричи, а куда твои родители поехали? — интересуется Одри.

Повисает длинная пауза — наш друг обдумывает ответ. Всесторонне.

— Вообще-то, я не знаю.

— Шутишь, что ли?

— Да нет... Не, они, наверное, мне сказали, но я забыл.

Одри качает головой, Марв хихикает, вовсю дымя своей сигарой.

А я все думаю про Генри-стрит.

Этим вечером я, для разнообразия, выигрываю.

В паре заходов мне не везет, но в итоге как-то получается выиграть на круг больше партий.

Марв, весь такой довольный, рассуждает о «Ежегодном беспределе».

— Слышали? — пыхает он сигарой на нас с Ричи. — За «Соколов» новый парень играет. Говорят, в нем полтора, ^[8] не меньше.

— Полтора чего? Центала, что ли? — удивляется Ричи.

Последние несколько лет он был крайним полузащитником в одной команде со мной и Марвом, но играл без особого энтузиазма. Ну, чтоб вы лучше себе представляли: если на поле вдруг становится скучно, Ричи идет пить пиво с болельщиками.

— Именно, Ричи, — важно кивает Марв, всем видом показывая: дело серьезное. — Полтора того самого.

— Эд, а ты будешь играть?

Этот вопрос поступает от Одри. Конечно, она знает, что я в команде, но спрашивает для поддержания разговора. Ну и подлизывается немного. После того случая на крыльце («Здравствуйте, это Эд, просто Эд») Одри чувствует себя немного не в своей тарелке. Мы переглядываемся через стол, и я улыбаюсь уголком рта. Это наш с ней условный знак — мол, все в порядке, без обид.

— Да, — говорю я вслух. — Конечно буду.

Она улыбается в ответ: «Ну и замечательно». То есть хорошо, что все в порядке и никаких обид. Вообще-то, Одри плевать на «Ежегодный беспредел». Она футбол терпеть не может.

После игры в карты Одри заходит ко мне в гости, и мы выпиваем на кухне.

— Как новый парень? Нормально все? — спрашиваю я, стоя к ней

спиной.

В руках у меня тостер, я вытряхиваю крошки в раковину. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть Одри в лицо, и замечаю на полу багровые пятна. Засохшая кровь с моего многострадального затылка и собачья шерсть. Куда ни глянь, все напоминает о миссии.

— Да, спасибо, неплохо, — отвечает она.

Мне хочется сказать: «Извини, что приперся к тебе тогда ни свет ни заря». Но я молчу. Раз уж все в порядке и мы не поссорились, незачем мусолить эту тему. Все равно ничего не изменишь. Я пытаюсь заговорить об этом несколько раз, но не получается. Ну и к лучшему.

Водворяя тостер на привычное место, я краем глаза ловлю в нем свое отражение — оно немного размытое из-за грязи, но растерянность в глазах видна четко. Болезненная растерянность, я бы даже сказал. В этот миг меня пронзает осознание: насколько жалка и неприглядна моя жизнь. Сажу с девушкой, но она встречается с другим. Получаю послания и не могу их доставить... Тут в глазах вспыхивает решимость. В тостере просматривается будущая версия Эда Кеннеди! Я снова пойду к Томасу О'Райли на Генри-стрит. Надену старую грязную куртку, не возьму денег и сигарет, как тогда. И на сей раз я дойду до входной двери — и постучусь.

«Так надо», — думаю я. И говорю Одри:

— А я теперь знаю, куда идти.

Она прихлебывает грейпфрутовую газировку и спрашивает:

— Ну и куда?

— Еще к троим людям.

Выцарапанные на камне имена живо всплывают в моей памяти, но Одри я о них не рассказываю. Зачем?

А она просто сгорает от нетерпения — так ей хочется узнать, как зовут моих новых подопечных.

Я это вижу по ее лицу.

Но Одри молчит — и должен заметить, это ее положительная черта. Одри никогда не давит и не занудствует, ибо прекрасно знает, что в таком случае не вытянет из меня ни слова.

И я рассказываю, как нашел эти имена.

— В общем, сел ко мне парень, а потом решил сбежать, не заплатив, ну а я за ним...

Одри потрясенно качает головой:

— Слушай, эти люди, похоже, серьезно заморочились... подстроить такое...

— Да, ребята неплохо осведомлены о моей жизни, едва ли не лучше

меня самого...

— Вот именно, — прищуривается Одри. — Эд, а кто знает тебя настолько хорошо?

В том-то все и дело.

— Никто, — честно отвечаю я.

«Что, и я не знаю?» — удивляется Швейцар.

Я оборачиваюсь и отвечаю: «А ты как думал? Типа, пару раз со мной кофе пил — и уже в курсе всей моей подноготной?»

Вообще-то мне иногда кажется, что я сам себя толком не знаю.

Отражение в тостере пристально смотрит мне в глаза.

«Зато теперь ты знаешь, что делать», — говорит оно.

«Это точно», — думаю я в ответ.

На Генри-стрит я оказываюсь следующим вечером после работы. Как и планировалось, дохожу до входной двери. Стучусь.

Надо сказать, что дом отца О'Райли при ближайшем рассмотрении оказывается не просто развалюхой, а чудовищной развалюхой. Чудовищной от слова «чудище».

Выслушав, кто я, священник без дальних мыслей приглашает меня в дом.

Оглядевшись в прихожей, я неожиданно выдаю:

— Господи, вы что, здесь никогда не убираетесь?

«Ой! Я сказал это вслух?!»

Поволноваться как следует не выходит, потому что святой отец моментально отвечает:

— Ты бы на себя посмотрел, сын мой. Ты что, куртку вообще не стираешь?

— Один — один, — киваю я.

Молодец отче, за словом в карман не лезет.

Святой отец, кстати, лысоватый мужчина примерно сорока пяти лет. Пониже, чем брат, с темно-зелеными глазами и сильно оттопыренными ушами. Отец Томас облачен в сутану — даже странно, что он живет здесь, а не в церкви. Мне всегда казалось, что священники живут прямо в церкви: на случай, если прихожанину срочно понадобятся совет или помощь.

Мы проходим на кухню и садимся за стол.

— Чай или кофе?

Вопрос задан так, что у меня нет возможности отказаться от всего, надо обязательно выбрать что-то.

— Кофе, — отвечаю я.
— С молоком и сахаром?
— Да, спасибо.
— Сколько ложек сахара?
— Четыре, — отвечаю я с некоторым смущением.
— Четыре?! Ничего себе! Ты прямо как Дэвид Хелфготт!
— Это кто такой, черт подери?
— Ну как же! Это пианист! Сумасшедший, но гениальный! — поражен моим невежеством отец Томас. — Он в день выпивал по десять кружек кофе с десятью ложками сахара.
— И что, хорошо играл?
— Да, — кивает он и ставит чайник. — Ненормальный, но пианист хороший.

Теперь в его зеленых, бутылочного цвета глазах светится доброта. Огромная, как вселенная.

— А что, Эд Кеннеди, ты тоже сумасшедший, но хороший?
— Не знаю, — пожимаю плечами я, а священник хохочет над собственной шуткой.

Кофе готов, отец Томас ставит его на стол и садится сам. Прежде чем сделать глоток из чашки, он спрашивает:

— У тебя, случайно, не пытались стрелять сигареты или мелочь? Ну, там? — показывает он кивком на улицу.

— Ага, пытались. А один парень все выпрашивает у меня куртку!
— Да ты что? — Святой отец осуждающе качает головой. — С чего бы это? Похоже, у бедняги совсем нет вкуса.

И прихлебывает кофе.
Я придирчиво оглядываю рукава:
— Что, прямо кошмар?
— Да нет, — очень серьезно отвечает отец Томас. — Я просто подначиваю тебя, сын мой.

Повторный осмотр рукавов и молнии дает плачевные результаты: замша действительно прилично вытерлась в этих местах.

Между нами повисает неловкое молчание. Похоже, пора переходить к делу. Возможно, отец Томас тоже так считает: его лицо выражает любопытство, но какое-то терпеливое.

Я уже было раскрыл рот, чтобы все рассказать, но в соседнем доме начинается громкий скандал.

С грохотом бьется посуда.
Из-за забора несутся громкие вопли.

Люди, похоже, ссорятся не на шутку: орут и хлопают дверями.

Отец Томас замечает мое беспокойство и говорит:

— Извини, Эд, я на секунду.

Потом подходит к окну и открывает его шире.

— Так! Эй, вы! Не могли бы вы оказать мне услугу и прекратить это безобразие? — орет он.

Все затихает.

Отец Томас требовательно окликает соседа:

— Клем? Эй, Клем?

К окну подкрадывается нерешительное бурчание, прорывающееся виноватым голосом:

— Да, святой отец?

— Что происходит?

— Это все она, святой отец! Опять меня из себя вывела! — тут же заявляет голос.

— То, что она вывела тебя из себя, очевидно, но в чем, собственно...

Тут раздается другой голос, женский:

— Святой отец! Он опять ходил в паб! Напился и проигрался!

Голос священника мгновенно преображается. Именно так должен говорить его преподобие — твердым, вызывающим мгновенное уважение тоном:

— Это правда, Клем?

— Ну, это, ну, да, но...

— Никаких «но», Клем. Сегодня вечером ты никуда не идешь. Сядете рядом, возьметесь за руки и будете смотреть телевизор. Это понятно?

Голос номер один:

— Да, святой отец.

Голос номер два:

— Спасибо, святой отец.

Томас О'Райли садится обратно за стол и качает головой.

— Знакомься, это Паркинсоны, — вздыхает он. — Чертовы придурки.

Последнее замечание ввергает меня в глубокий шок. Разве священники ругаются? На самом деле я до этого ни с одним не беседовал, но мне кажется, что в большинстве они не такие...

— И часто они так? — спрашиваю.

— Пару раз в неделю. Минимум.

— Как же вы здесь живете?

В ответ он просто поднимает руки, взглядом указывая на сутану:

— А зачем же мне здесь жить, как не для этого?

В общем, мы разговорились.

Я рассказал ему, как вожу такси.

А он мне, как служит в церкви.

Церковь у него старая и стоит на окраине. Теперь-то я понимаю, почему он решил поселиться в этом районе. Церковь слишком далеко — из нее никому не поможешь. Поэтому он живет там, где он нужен. А здесь каждый первый нуждается, в каждом первом доме, по каждой улице. Поэтому он с ними, а не в пыльной отдаленной церкви.

Пока мы говорим, я не устаю удивляться его манере объяснять, а он многое объясняет, в том числе и то, как устроено его служение. Да, признает отец Томас, храм расположен неудачно. Будь на его месте магазин или ресторан, давно бы закрылся.

— Короче, дела не ахти идут... — киваю я.

— Честно? — Зеленое стекло в его глазах бьется и больно колет меня. — Дела идут хреновее некуда.

Тут я не выдерживаю и спрашиваю:

— Слушайте, а что, священнику можно ругаться? Ну, типа вы же святой отец и все такое...

— Что? Святой, говоришь... — Он допивает кофе. — Конечно можно. Бог умеет отделять важное от мелочей.

Приятно, что отец Томас не бросается развивать дальше тему божественного: типа Бог все про всех знает и так далее из воскресной проповеди. Он, кстати, говорил совсем не по-церковному. А когда закончил, то посмотрел на меня, очень твердо, и сказал:

— Но давай не будем отвлекаться на религию, Эд. Поговорим о важном. — Его голос становится чуть более официальным. — К примеру, о том, зачем ты сюда пришел.

Мы смотрим друг на друга через стол.

Некоторое время.

Просто глядим друг другу в глаза.

А после продолжительного молчания я рассказываю отцу Томасу все как на духу. Что я до сих пор не понимаю, почему я здесь. Нет, о других поручениях и о том, что еще предстоит выполнить, я не рассказываю. Только говорю, что мой приход сюда имеет свою цель. А вот какую — покажет время.

Отец Томас слушает очень внимательно: локти на столе, подбородок лежит на сплетенных пальцах.

Спустя время он понимает, что я толком-то ничего больше сказать не

могу. Тогда священник очень спокойным и четким голосом произносит:

— Не волнуйся. Очень скоро ты поймешь, в чем твое предназначение. У меня есть ощущение, что в прошлом с тобой это уже случалось.

— Случалось, — подтверждаю я.

— Единственное, я хочу, чтобы ты помнил об одной важной вещи, — говорит он. И я вижу, что отец Томас не хочет выглядеть как проповедник на высокой кафедре. — Главное, Эд, чтобы у тебя была вера.

Я пытаюсь отыскать веру на дне кофейной кружки, но ее там почему-то нет.

Отец Томас провожает меня до конца улицы. По дороге нам встречается знакомая троица жаждущих сигарет, денег и чужих курток балбесов. Священник подзывает их поближе и наставительно сообщает:

— Так, ребята. Я хочу вас познакомить с Эдом Кеннеди. Эд, это Джо, Грэм и Джошуа.

Мы обмениваемся рукопожатиями.

— А это, парни, Эд Кеннеди.

— Приятно познакомиться, Эд.

— Привет, Эд.

— Как дела, Эд?

— А теперь, ребята, вы должны запомнить одну важную вещь. — Голос отца Томаса становится очень строгим. — Эд — мой близкий друг. Поэтому вы не должны стрелять у него деньги и сигареты. Куртку тоже не пытайтесь отнять. — Тут священник подмигивает мне: — Нет, и вправду, Джо, зачем она тебе? Ты только посмотри, это же черт знает что, а не куртка.

Джо активно трясет головой, соглашаясь:

— Точно, святой отец. Черт знает что.

— Отлично. Ну что, теперь у нас полное взаимопонимание?

Парни всем видом демонстрируют, что да, полнейшее.

— Ну и прекрасно.

И мы с отцом Томасом важно шествуем к перекрестку.

Дойдя до угла, пожимаем друг другу руки и прощаемся. Священник уже почти скрылся из виду, как я вспоминаю про его брата. И бегу обратно с криком:

— Эй, святой отец!

Он слышит и резко оборачивается.

— Чуть не забыл!

Я не добегаю до него метров пятнадцати.

— Ваш брат!

Отец Томас прислушивается.

— Он попросил передать, что сребролюбие еще не поглотило его душу.

В глазах священника вспыхивает радость, — но к ней примешивается капля сожаления.

— Да, Тони... — произносит он тихо и стеснительно. Его слова подкрадываются ко мне как-то бочком. — Давненько мы с ним не виделись. Как он, кстати?

— Да нормально, — отвечаю я с непонятной уверенностью.

Однако интуиция подсказывает: «Эд, это единственно правильный ответ».

Мы так и стоим друг против друга и неловко переминаемся с ноги на ногу посреди замусоренной улицы.

— Я вас не очень расстроил, святой отец? — на всякий случай интересуюсь я.

— Да нет, Эд, — отвечает отец Томас. — Все в порядке. Спасибо, что передал привет.

Он поворачивается и идет прочь, а я, в первый раз за все время, вижу в нем не священника.

Даже не мужчину определенного возраста.

В этот миг я вижу обычного смертного, который плетется домой по Генри-стрит.

А теперь полный контраст.

Мы сидим у Марва дома, по телику идут «Спасатели Малибу». Звук выключен — все равно нам плевать на сюжет и реплики героев.

Играет любимая группа Марва — «Ramones».

— А можно я что-нибудь другое поставлю? — интересуется Ричи.

— Валяй, Прайора можешь поставить, например, — лениво отвечает Марв.

До чего мы дошли — даже Джими Хендрикса называем Ричардом Прайором.

Начинается «Purple Haze», и Марв вдруг вспоминает:

— А Одри-то где?

— Да здесь я, — отвечает ее голос.

Одри заходит в комнату.

— Слушайте, а чем так воняет? — вдруг спрашивает Ричи и морщится. — Знакомое амбре, кстати...

Марву вонища тоже что-то живо напоминает, и он обвиняюще тычет пальцем в меня:

— Ты что, Швейцара сюда привел?

— Ну, он такой расстроенный был, когда я собрался уходить, я и...

— Что «и»? На фига мне сдалась твоя псина?

Швейцар сидит у открытой двери и внимательно наблюдает за разговором.

Воспользовавшись паузой в диалоге, он принимается облаивать Марва. Кстати, больше Швейцар ни на кого не гавкает. Только на него.

— Видишь — я ему не нравлюсь, — недовольно замечает мой друг.

— Гав! Гав! Гав! — выражает свое отношение пес.

— А все потому, что ты на него косо смотришь и всякие гадости говоришь! Между прочим, он все понимает!

Мы бы спорили еще долго, но Одри уже раздала карты.

— Господа? — вежливо кашлянув, приглашает она к игре.

Все садятся, я беру свои карты.

На третьем круге мне сдают трефового туза.

«Отец О'Райли», — думаю я.

— Марв, что ты в воскресенье делаешь?

— В смысле, что я делаю в воскресенье?

— А как ты думаешь, в каком смысле я спрашиваю?

— Ты что, совсем больной? Эд спрашивает, занят ты или нет, — вмешивается Ричи.

Теперь Марв обиженно тычет пальцем в Ричи. Присутствие Швейцара явно провоцирует в нем агрессию.

— А ты, Прайор, не встревай. — Марв переводит перст указующий на Одри: — И ты тоже!

Одри в полном шоке:

— А я-то, черт побери, что тебе сделала?

Я снова влезаю в разговор.

— В общем, я не только Марва хотел спросить. Вы мне все трое нужны, — многозначительно говорю я, положив карты рубашкой вверх и оглядывая компанию. — Хочу попросить вас помочь в одном деле.

— Это в каком же? — интересуется Марв.

Мои друзья настораживаются.

Ждут объяснений.

— В общем, я тут подумал... А не пойти ли нам всем вместе, — начинаю частить я, — в церковь.

— Что?!

— А что такого? — оказываю я мужественное сопротивление.

Марв явно не может оправиться от потрясения:

— На фига нам идти в церковь?

— Ну, короче, есть тут один священник...

— Он что, из Честера?^[9]

— Нет...

— А что за Честер? — спрашивает Ричи, но ответа, конечно, не получает.

В принципе, ему тоже не особо интересно, так что вопрос снимается сам собой.

Наконец слово берет Одри. Она, как всегда, высказывается очень здраво:

— И все-таки, с какой целью мы туда пойдем?

Думаю, Одри сообразила, что тут не обошлось без трефового туза.

— Ну, этот священник... он нормальный дядька такой. И я подумал, отчего бы не сходить. Просто развеемся...

— А он? Тоже пойдет в церковь? — Марв снова тычет в Швейцара.

— Естественно, нет!

Спасение приходит от Ричи. Он, конечно, законченный бездельник, целыми днями пропадает в букмекерской конторе, да и татуировка у него, скажем прямо, кривовато сделана. Но у Ричи есть одно положительное качество: что ни предложишь — он со всем соглашается. И Ричи, как всегда, очень приветливо и по-дружески говорит:

— Да никаких проблем. Я пойду с тобой в церковь. — И добавляет: — Но чисто просто так? Только посмотреть, развеяться?

— Ага, — подтверждаю я.

— Ладно, и я пойду, — подает голос Одри.

Дело за Марвом. Он, бедняга, оказался в крайне щекотливом положении. Идти в церковь Марв, конечно, не хочет. Но понимает, что отказаться тоже нельзя — некрасиво. Поерзав, он наконец вздыхает и цедит:

— Боже, я в это поверить не могу. Церковь, блин... Ну ладно, ладно, пойду. — И сердито хмыкает: — Подумать только: в воскресенье — в церковь! — И осуждающе качает головой: — Что в мире творится?.. Господи ты боже мой...

Я поднимаю со стола свои карты:

— Именно, Марв. Господи ты боже мой.

Поздно вечером звонит телефон. Но теперь меня так просто не

запугаешь!

— Алло?

— Привет, Эд.

Ф-фух, это мама. Я с облегчением выдыхаю и внутренне готовлюсь к неминуемому артобстрелу. Давненько она не звонила, — сейчас выплеснет на меня двухнедельный, а то и месячный запас желчи.

— Как дела, мам?

— Ты Кэт уже звонил? У нее сегодня день рождения, между прочим.

На всякий случай напоминаю: Кэт — это моя сестра.

— Черт, мам, забыл.

— Да, черт тебя задери, ты, естественно, забыл. Жопу оторви от стула и брякни сестричке, чертов поганец.

— Хорошо, я вот только...

Она бросает трубку.

Безжизненные механические гудки на линии.

Очередной убитый мамой телефонный разговор.

Я промахнулся, не спросив номер телефона Кэт, — на случай, если у себя не найду. Нехорошее предчувствие подсказывает, что я его потерял. И действительно: в ящиках на бумажках его нет, в щелку на кухне не завалился, в телефонной книге отсутствует.

«Только не это!»

Увы. Да, вы правильно поняли.

Мне придется звонить моей Грозной Маме.

Набираю номер.

— Алло?

— Мам, это я.

— Ну а сейчас-то чего? — красноречиво вздыхает она: мол, как же ты меня достал.

— А какой у Кэт номер?

В общем, вы поняли. У моей мамы предсказуемая реакция.

Воскресенье наступает быстрее, чем я думал.

Мы садимся в церкви на задних скамьях.

Ричи, похоже, нравится, Одри тоже. У Марва похмелье, отцовского пива перепил. А я нервничаю — хотя почему, не могу понять.

В церкви не очень-толюдно — помимо нас, не более дюжины человек. Пустота зала угнетает. Ковер дырявый, скамьи угрюмые, прихожане старые и скрюченные — ни дать ни взять мученики перед смертью. Только

витражные окна выглядят как положено — свято и очень возвышенно.

Отец О'Райли выходит, оглядывает зал и привычно говорит:

— Благодарю за то, что пришли сюда.

Вид у него несчастный. Потом он замечает нашу компанию в конце зала:

— Мы также очень рады видеть наших уважаемых таксистов!

Луч света из витражного окна отражается на его тонзуре.

Отец Томас кивает мне — спасибо, что пришел.

Я хихикаю, один во всем зале.

Ричи, Марв и Одри поворачиваются и с недоумением смотрят. У Марва глаза красные, как у кролика.

— Перепил с вечера?

— Не то слово.

Отец Томас собирается с мыслями и разглядывает прихожан. Я чувствую: ему нелегко. Трудно говорить с пустым залом. Но священник — человек мужественный. Он собирается с силами и начинает проповедь.

После службы мы некоторое время сидим перед церковью.

— Что за хрень он нес про пастыря и все такое? — мрачно спрашивает Марв.

Наш друг обессиленно лежит в траве. Даже по голосу чувствуется, какое мучительное у него похмелье.

Мы сидим под большой плакучей ивой, ее ветви стекают вниз, укрывая нас, как шатром. В конце службы по рядам пустили поднос для пожертвований. Я положил пять долларов, у Ричи не было денег, Одри вытащила из бумажника пару долларов, а Марв порылся в карманах и бросил двадцать центов и колпачок от ручки.

Я смерил его взглядом.

— Чего?

— Да ничего, Марв.

— Ну и все!

И вот мы сидим под деревом. Одри что-то напевает, Ричи привалился к ступеньке, Марв вообще уснул. А я жду.

Вскоре чувствую — кто-то подошел. Даже не оборачиваясь, понимаю: это он. Отец О'Райли. Священник даже говорить не начал, а впечатление о нем: спокойный, веселый, компанейский человек.

— Спасибо, что нашел время прийти, Эд, — говорит отец Томас. Потом смотрит на Марва: — Да, Эд, выглядишь ты не лучшим образом. Но этому парню, как я погляжу, совсем хреново! — На лице святого отца образуется некое подобие зловердной улыбки: — Бедняга, прости Господи

его грешную душу...

Все хохочут — кроме Марва, конечно. Он как раз изволит продрать глаза.

— Чего вы... — Он чешет руку. — Здравсьте, святой отец. Спасибо за проповедь и все такое.

— Вам спасибо. — Отец Томас снова оглядывает нашу компанию: — Благодарю, что пришли. Как насчет следующего воскресенья? Посетите меня?

— Ну, может быть, — отвечаю я.

— Только без меня! — решительно заявляет Марв.

К счастью, отец Томас не обижается.

Возможно, я ошибаюсь и священнику нужно что-то совсем другое, но это уже неважно. У меня есть план. Дома на диване, в компании Швейцара я листаю книгу, разглядываю фотографию на телевизоре и размышляю.

Нужно заполнить церковь людьми.

Вопрос лишь — как это сделать.

Прошло несколько дней, а я все еще не придумал, как завлечь людей в церковь. Первая мысль была попросить Одри, Марва и Ричи привести своих друзей и домашних. Но, во-первых, на них нельзя особо рассчитывать (я-то знаю), а во-вторых, не факт, что они сами пойдут в церковь еще раз, не говоря об их родителях.

В начале недели у меня плотный график, я кручу баранку и все думаю, думаю...

Блестящая идея приходит в голову, когда я везу в аэропорт клиента. Мы почти доехали, и вдруг он говорит:

— Слушай, у меня до рейса еще время есть, останови-ка вон у того паба.

Я смотрю в зеркало заднего вида — и бац! идея!

— Точно! — восклицаю я.

— Если уж пить пиво, так в настоящем пабе, — говорит клиент. — Терпеть не могу забегаловки в аэропортах.

Я останавливаю машину, и он выходит.

— А ты не хочешь пивка пропустить? Я заплачу.

— Нет, спасибо, — отвечаю я. — Мне тут нужно быстро кое-что сделать, неподалеку. Но если хотите, я заеду за вами через полчаса.

— Отлично, — радуется он, чрезвычайно довольный тем, как все обернулось.

Честно говоря, я тоже рад, как не знаю кто. Почему?

Да я только что понял одну важную вещь.

Здесь, в Австралии, существует лишь один способ куда-то заманить толпу народа. Какой?

Пиво.

Бесплатное пиво.

Я мчу к отцу Томасу и чуть не сношу ему входную дверь, с порога начиная рассказывать о своих грандиозных планах на следующее

воскресенье. Про осенившую меня мысль тоже говорю:

— Бесплатное пиво, всякие штуки для детей, ну и еда. Я про бесплатное пиво уже говорил?

— Да, Эд, говорил.

— Ну? Что скажете, святой отец?

Он садится за стол и некоторое время раздумывает. Отец Томас спокоен, а я весь как на иголках.

— Идея-то хорошая. Но, боюсь, ты забыл одну важную вещь.

Однако мой пыл не так-то легко охладить:

— Какую?

— Нам понадобятся деньги. Чтобы все это купить.

— Слушайте, вы хотите сказать, что у католической церкви туго с деньгами? А как же все эти соборы? Они же набиты золотом и всякой прочей хренью!

— Эдвард, окстись! Ты в моей церкви был? Был. Много золота видел, Эдвард? — смеется священник.

Это еще что такое! Ладно, отцу Томасу позволительно. Но вообще-то я записан Эдом даже в свидетельстве о рождении.

Однако продолжим:

— В общем, как я понял, немереных запасов денег у вас нет.

— Увы, нет. Никаких. Все немереные запасы я потратил на помощь молодым матерям-одиночкам, алкоголикам, бездомным и наркоманам. Ну и на поездку в роскошный отель на Фиджи.

Насчет Фиджи, я полагаю, отец Томас пошутил.

— Так, понятно, — говорю. — Ладно, деньги соберу я сам. У меня кое-что есть. Готов вложить пять сотен.

— Пять сотен?! Эд, побойся Бога, это огромная сумма. К тому же очень сомневаюсь, что у тебя куча свободных денег...

Я быстро-быстро пячусь через входную дверь обратно на улицу.

— Вы не волнуйтесь, святой отец! — И как тут не пошутить: — В таких делах главное, чтобы у вас была вера.

Короче, что я хочу сказать.

Иногда совсем неплохо, что твои друзья — личности незрелые, хоть и совершеннолетние. Им сразу приходят в голову правильные мысли. Как распространить информацию среди населения нашего пригорода — причем как можно быстрее? Не плакаты же расклеивать. И не объявление в местную газету давать. Ну, вы поняли? Распространить новости о событии, да так, чтобы никто мимо не прошел и обязательно все увидел. Ну?

Есть только один правильный ответ.
Баллончики с краской.

Марв неожиданно изменил свое мнение насчет воскресенья, — теперь ему хочется пойти в церковь! Я посвятил его в свои планы и с уверенностью могу на него рассчитывать. Ибо предложил Марву дело, в котором он эксперт и профи. Инфантильные подростковые выходки — его радость, отдушина и специализация в свободное от основной работы время.

Итак, что мы делаем. Для начала утаскиваем гриль — у моей мамы и у Ричи. Я звоню и бронирую на воскресенье большой детский батут. Теперь дело за караоке, его мы получаем от одного Марвова друга, который работает в пабе. Пара бочонков пива, скидка у мясника на большую партию сосисок — и мы готовы к воскресной вечеринке.

Ну что, пора брать в руки краску!

Мы покупаем баллончики в местном хозяйственном, в четверг вечером. Налет на город запланирован на три утра пятницы. Марв кое-как дотрюхивает на своем рыдване до моего дома, который должен стать штабом операции.

В начале и в конце Мэйн-стрит мы пишем на асфальте гигантскими буквами:

Все на День Священника,
10 утра, это воскресенье.
У церкви Михаила Архангела!
Барбекю, песни, танцы
И БЕСПЛАТНОЕ ПИВО!!!

Приходите, не пожалеете!
Чертовски классная вечеринка!

Не знаю, как Марв, а я понял, что такое «чувство локтя». Вот мы стоим на коленях и расписываем асфальт. Я даже моложе себя ощутил — граффити и все такое. Смотрю, как трудится друг. Марв-спорщик. Марв-скупердй. Марв, Которого Бросила Девушка.

Дело сделано, он смачно хлопает меня по плечу, и мы смываемся, как настоящие воришки. Бежим и смеемся. Вокруг нас такое густое ощущение счастья, что в него можно броситься и поплыть, как в соленой воде.

Этой ночью мы много смеемся.

На пустой улице гулко отдаются наши шаги, и я не хочу, чтобы они затихали. Я хочу бежать, и хохотать, и быть счастливым еще долго-долго. Хочу остановить это мгновение, миг счастья — и пребывать в нем вечно, будто в капсуле, далеко-далеко от мест, где я беспомощен и бессилен.

Но не будем о будущем. Сейчас мы просто бежим.

Мы бежим сквозь ночь и наполняем ее своим смехом.

На следующий день о грядущей вечеринке говорят все. Абсолютно все.

К отцу Томасу даже приезжали полицейские — интересовались, в курсе ли он, что происходит. Святой отец честно отвечает, что, конечно, знает о запланированном мероприятии. А вот про то, что кто-то из паствы взял да и расписал весь пригород граффити, он первый раз слышит.

В пятницу вечером я к нему заезжаю, и он рассказывает, как это было.

— Ну сами-то подумайте, — сказал он полицейским, — какие ко мне люди ходят. Церковь для бедных, откуда у них краски!

Они, конечно, все приняли за чистую монету. Разве можно не поверить отцу Томасу?

— Ладно, святой отец, все понятно. Но обязательно свяжитесь с нами, если что-то узнаете об этом деле.

— Да-да, конечно, — заверяет он полицейских.

И уже в дверях интересуется:

— Ребята, вы-то в воскресенье придете?

Полицейские, как вы понимаете, тоже люди.

— Бесплатное пиво? — улыбаются они. — Кто ж от такого откажется!

Я же говорил — блестящая, блестящая идея.

Итак, все готово. Придут многие. Отцы и матери семейств с детьми и домочадцами. Пьяницы. Уроды. Атеисты. Сатанисты. Местные эмо и готы. Все, все придут. Бесплатное пиво! Это не может не сработать! Это ж ясно, как божий день.

В пятницу ночью я работаю, но суббота у меня выходная.

В субботу, кстати, случаются два события.

Сначала ко мне в дом приходит отец О'Райли. Я приглашаю его пообедать — у меня как раз суп. Мы сидим, едим, и вдруг священник застывает, — лицо у него прямо светится.

Он роняет ложку и говорит:

— Эд, я должен обязательно сказать тебе это!

Я тоже замираю с ложкой в руке:

— Да, святой отец?

— Я много раз слышал, что среди людей ходит бесчисленное множество святых. Они не в ограде церкви и почти ничего не знают о Боге. Но Бог — в них, хотя они об этом и не догадываются.

Сначала в меня проникают его слова, а потом взгляд.

— Ты — один из этих людей, Эд. Для меня большая честь познакомиться с тобой.

От этого заявления я прямо обалдеваю.

Меня, конечно, по-всякому называли и разные вещи говорили, — но никто и никогда не сказал: «Для меня честь познакомиться с тобой, Эд».

Внезапно я вспоминаю, как Софи спросила, не святой ли я. А я ответил, нет, не святой. Обычный глупый смертный.

Но в этот раз я не стану отнекиваться.

— Спасибо, святой отец.

— Тебе спасибо.

А второе событие такое: я отправляюсь с визитами. Захожу к Софи — ненадолго. Только спрашиваю, сможет ли она прийти в воскресенье. Она отвечает: «Конечно».

— И домашних приводи, — советую я.

— Обязательно.

Потом я иду к Милле и справляюсь, не будет ли она против, если я в воскресенье провожу ее в церковь.

— Это просто замечательно, Джимми!

Одним словом, она в полном восторге.

Ну что ж.

Остается последний визит.

Я стучусь в дверь дома Тони О'Райли — и не особо верю в успех.

— О, — говорит он. — Это опять ты.

Но, похоже, ему приятно увидеть меня снова.

— Ну что, передал братцу мои слова?

— Да, — отвечаю, — передал. Меня зовут Эд, если что.

Я немного стесняюсь — как обычно, когда нужно кого-то о чем-то попросить. Но делаю над собой усилие, поднимаю на Тони О'Райли глаза и говорю:

— В общем, я...

Остальные слова не желают выходить, и фраза повисает в воздухе.

— Что?

Ладно, эту подачу будем считать упущенной. Зайдем с другой

стороны:

— В общем, я думаю, Тони, ты знаешь, о чем я.

— Да, — легко соглашается он. — Я видел граффити.

Я опускаю глаза, а потом снова смотрю ему в лицо:

— Ну так что?

Он открывает сетчатую дверь, и на мгновение кажется, что он сейчас меня приберет. Но Тони всего лишь приглашает войти. Мы садимся в гостиную. На нем надето то же самое, что и в прошлый раз. Шорты, майка, шлепки. Внешность у него вроде обычная, но для меня такой наряд — что униформа. Мафиози именно так и одеваются: шорты, майки, шлепки.

Не спрашивая, хочу ли я выпить, он приносит кувшин с чем-то холодным.

— Апельсиновый лимонад будешь?

— Да, спасибо.

В кувшине плавает ледяная крошка — не иначе, у него один из этих современных холодильников, которые умеют все, даже лед колоть.

С заднего двора доносятся детские крики, и вскоре в окне начинают мелькать лица отпрысков Тони — они прыгают на батуте.

— Маленькие засранцы, — смущенно хихикает хозяин дома.

У них с братом похожее чувство юмора.

Некоторое время мы углубленно созерцаем специальный репортаж о перетягивании каната, который показывают по какому-то спортивному кабельному. Но вот программу прерывает реклама, и Тони переводит взгляд со своего крутого широкоэкранный телевизора на меня:

— Эд, я вот что хотел спросить. Думаю, ты заметил, мы с братом... ну, не в самых лучших отношениях.

Я не вижу смысла скрывать это:

— Да, Тони, заметил.

— Хочешь, расскажу, что случилось?

Я смотрю на него.

Честными-честными глазами.

И отрицательно качаю головой:

— Нет, не хочу. Не мое это дело.

Тони выпускает вздох облегчения и прихлебывает из стакана. Слышно, как ледяная крошка хрустит у него на зубах. Похоже, сам того не зная, я правильно ответил на его вопрос.

В гостиную вбегают плачущий ребенок:

— Пап, а Райан меня...

— Так, хватит скулить! Вали отсюда! — гаркает Тони.

На лице у мальчишки отображается борьба мысли: плакать или не плакать, канючить или не канючить. Побеждает здравомыслие — личико разглаживается и парнишка быстро утирает слезы:

— Пап, это разве вкусно?

— Да.

Сначала я думаю, что мальчик таким образом спрашивает, можно ли разговаривать в подобном тоне, только вместо «хорошо» говорит «вкусно». Затем соображаю, что речь о лимонаде.

— А можно мне такое?

— А волшебное слово?

— Пожалуйста, пап!

— Именно! А теперь скажи все с самого начала как положено.

— Можно мне, пожалуйста, лимонаду?

— Можно, Джордж. А теперь вали на кухню и намешай себе там чего хочешь.

Глаза мальчишки вспыхивают благодарностью:

— Спасибо, пап!

— Черт, ну и дети пошли, — смеется ему вслед Тони. — Невоспитанные засранцы...

— Точно, — улыбаюсь я в ответ.

Теперь мы смеемся вместе, а потом Тони говорит:

— Знаешь, Эд, у меня такое ощущение, что завтра ты сможешь меня увидеть — конечно, если сильно приглядишься к толпе.

Внутри меня все поет от радости, но я этого не показываю.

Все складывается замечательно.

— Спасибо, Тони.

— Па-па-а-а! — орет с кухни Джордж. — Я все пролил!

— Блин, я так и знал! — Тони встает с дивана и качает головой: — Слушай, извини, не могу проводить. Пойду подтирать за этим засранцем.

— Да без проблем.

Я покидаю большой дом и большой телевизор со вздохом облегчения.

Мне все-таки удалось добиться своего.

В ночь на воскресенье я сплю как сурок и просыпаюсь ни свет ни заря. Помню, как читал замечательную, ни на что не похожую книгу — «Таблица всего сущего». Пытаюсь отыскать ее и понимаю: книжка провалилась в щель между кроватью и стенкой. Все еще пробуя нашарить ее на полу, вспоминаю — сегодня же праздник! Все на День Священника! Приходится оставить поиски и встать с постели.

Одри, Марв и Ричи приходят ровно в восемь, и мы отправляемся в церковь. Отец Томас уже на месте, он нервно ходит из угла в угол и бормочет. Видимо, репетирует проповедь.

Прибывает народ.

Друг Марва с бочонками пива и караоке.

Рабочие, устанавливающие надувные горки и батут.

Мы расставляем грили и поручаем Ричи с друзьями стеречь пиво, пока не закончится проповедь.

В начале десятого начинают подтягиваться прихожане, и я понимаю, что забыл про Миллу:

— Слушай, Марв. Поверить не могу, что делаю это. Не мог бы ты одолжить мне машину минут на десять?

— Что?! — По его тону понятно, просто так ключи я не получу. — Эд Кеннеди желает одолжить вечно обсираемый им рыдван?

У меня нет времени на дискуссии:

— Да, Марв, я был не прав. У тебя отличная тачка.

— И?

«Что „и“, черт тебя подери?» — думаю я.

Тут меня осеняет:

— Клянусь больше не говорить про нее гадости.

Марв расплывается в торжествующей улыбке и бросает мне ключи:

— Поосторожней с моим «фордом», понял?

Так, это уже слишком. Марв прекрасно знает, какого труда стоит мне сдерживаться. Но он смотрит и молчит, говнюк. Ждет, не скажу ли чего. Но я храню благоразумное молчание.

— Молодец, все правильно понимаешь, — ехидно говорит он, и я уезжаю.

Милла вся сгорает от нетерпения. Дверь открывается, она выходит, — я даже не успеваю подняться по ступенькам и постучать.

— Привет, Джимми, — улыбается она.

— Привет, Милла.

Я придерживаю дверь, она садится в машину, и мы едем в церковь. В разбитое окно залетает приятный ветерок.

Приезжаем мы без пяти десять, и что же я вижу? Церковь забита людьми под завязку. Даже моя мама пришла — вон, в зеленом платье. Она-то, конечно, здесь не из-за пива. Просто хочет быть в курсе последних событий.

Я с трудом нахожу свободное место и усаживаю Миллу на скамью.

— Джимми, а как же ты? — начинает беспокоиться она. — Где же ты сядешь?

— Не волнуйся, — успокаиваю я пожилую даму. — Где-нибудь да сяду.

Однако это не так-то просто сделать. В результате я присоединяюсь к тем, кому не хватило места, — мы стоим плотной толпой в конце зала.

Все ждут, когда выйдет отец О'Райли.

Часы бьют десять, и колокола заливаются звоном, призывая паству к молитве. Все, абсолютно все — дети, напудренные дамы с сумочками, пьяницы, подростки, прихожане-захожане, неделями не появляющиеся на службе, — благоговейно замолкают.

Отец Томас выходит.

Он выходит, и все ждут, что же он скажет.

Сначала он внимательно оглядывает толпу. А потом приветствует нас своей простецкой, доброй улыбкой и говорит:

— Ну что, здравствуйте всем!

И толпа взрывается криками — и аплодисментами. Все хлопают и радостно вопят, а отец Томас просто сияет — таким я его еще не видел. И это еще не все — оказалось, у священника есть пара тузов в рукаве!

Кстати, он пока еще ничего не сказал.

Даже молитву не произнес.

Он ждет, когда восстановится тишина, а потом вынимает из кармана сутаны губную гармонику. И начинает играть что-то проникновенное. Через некоторое время из зала к нему выходят трое — сущие бродяги по виду, но в костюмах. Один стучит, как в барабан, в мусорное ведро, другой играет на скрипке, а третий — на губной гармонике. Здоровой такой. Музыка разносится по церкви, проникает в каждый уголок. И всеми присутствующими — мной в том числе — завладевает странное чувство. Необычное. Не испытанное дотоле.

Звуки музыки стихают, и толпа снова взрывается аплодисментами. Отец Томас ждет, когда станет тихо.

— Эта мелодия предназначалась Богу. Она пришла от Него — и Ему мы ее посвятили. Аминь, — говорит он.

— Аминь, — откликается толпа.

Отец Томас говорит еще много чего, и мне нравятся его слова и то, как он их произносит. Он совершенно не похож на священников, которые сидят по роскошным церквям, толкают лицемерные речи и грозят всем адскими муками. Отец О'Райли говорит с завораживающей искренностью. Не о

Боге, а о людях, о нас, живущих в этом пригороде, что нам нужно держаться вместе. Действовать сообща. Помогать друг другу. Ну и вообще собираться почаще.

— Приходите сюда, в эту церковь, каждое воскресенье, и мы будем вместе, — говорит отец Томас.

Он просит ту самую троицу — Джо, Грэма и Джошуа — почитать из Евангелия. Бедняги мямлят и сбиваются, но им аплодируют как героям, и на их лицах читается неподдельная гордость. Даже не верится, что эти парни пытались стрелять у меня мелочь и сигареты.

Я уже некоторое время пытаюсь найти в толпе Тони. Разглядывая сидящих на скамьях людей, встречаюсь глазами с Софи. Она машет мне — привет, мол, — и снова поворачивается к алтарю слушать. А вот Тони я почему-то не вижу...

Под конец службы отец Томас заводит старую, еще со школы знакомую и любимую песню — «He's Got the Whole World in His Hands». Все подпевают и хлопают в такт, и... ближе к концу мелодии я наконец-то вижу Тони.

Он проталкивается сквозь толпу и становится рядом со мной.

— Привет!

В каждой руке у него по ребенку.

— Лимонад-то будет? Чтоб детям дать?

— Непременно.

Минут через пять отец Томас замечает нас с Тони, как мы стоим сзади, за скамьями.

Песня заканчивается, а молитвы так и не было. И вот Томас О'Райли приступает к самому важному.

— Внимание! Сейчас я буду молиться — вслух. А потом про себя. Все присутствующие вольны молиться так, как пожелают, — говорит он.

Потом он склоняет голову и произносит:

— Благодарю Тебя, Господи. Благодарю за этот момент — и за всех этих чудесных людей. Также возношу Тебе хвалу за бесплатное пиво...

Зал хохочет.

— ...А также за музыку и слова, что Ты дал нам сегодня, дабы мы могли восхвалить Тебя. А более всего, Господи, я благодарю Тебя, что сегодня брат мой пришел сюда. И что Ты послал мне некоего человека в ужасной куртке... Аминь.

— Аминь, — повторяет зал.

— Аминь, — говорю и я через некоторое время.

И — как многие из присутствующих — в первый раз за долгие годы

молюсь.

Я говорю: «Господи, пусть у Одри все будет в порядке, а еще у Марва, у мамы и Ричи — и у всех моих близких. Пожалуйста, возьми к Себе на небо папу, и прошу Тебя, помоги мне с миссиями. Помоги сделать все правильно, Господи...»

А через пару минут отец Томас завершает службу словами:

— Спасибо всем! А теперь — вечеринка!

И толпа снова ревет от восторга.

Ричи с Марвом занимаются грилем. А мы с Одри раздаем пиво. Отец О'Райли присматривает за едой и напитками для детей. И у всех отлично получается.

Наконец все съедено и выпито, и мы вытаскиваем караоке. Один за другим подходят люди и поют, поют. Я стою рядом с Миллой — пожилая леди отыскивала девочек (во всяком случае, так она их назвала), с которыми ходила в школу. Они рядком сидят на скамейке, и у одной дамы ножки не достают до земли. Она сидит, скрестив щиколотки, и болтает ногами в воздухе. Честно говоря, я не видел ничего прекраснее.

У меня даже выходит уговорить Одри спеть дуэтом битловское «Eight Days a Week». Естественно, Марв и Ричи срывают овации, проорав в микрофон «You Give Love a Bad Name» группы «Bon Jovi». Оказывается, не только мы с Одри любим древние хиты!

Я танцую.

С Одри, Миллой, Софи. И мне очень нравится кружить их и слушать, как они хохочут.

И вот вечеринка заканчивается. Я отвожу Миллу домой и возвращаюсь, чтобы помочь с уборкой.

А уходя, оглядываюсь и вижу: отец Томас и Тони О'Райли сидят рядышком на ступеньках церкви и курят. Понятно, что они все равно не будут видаться часто. Дай бог, чтоб через пару лет снова встретились. Но и то хорошо. Большого мне и не нужно.

Кстати, я до этого не знал, что отец Томас курит.

Этим вечером ко мне домой приходят сначала отец О'Райли, а потом полиция.

Священник стучится в дверь и стоит на пороге молча.

— Что-то случилось? — спрашиваю.

Но он не отвечает. Просто смотрит на меня. Отец Томас хочет понять, как же у нас получилось повернуть сегодняшнее дело, и пытается найти ответы во мне. В конце концов святой отец осознает, что словами всего не выразишь. Тогда он просто делает шаг вперед, кладет ладони мне на плечи и очень серьезно смотрит в глаза. И я вижу, как то, что у него внутри, меняет его лицо. Оно становится умиротворенным — как у святых.

Мне кажется, дело вот в чем. Отцу Томасу до этого не приходилось говорить никому «спасибо». Обычно люди благодарят его. Он же священник. Вот поэтому у него такое замешательство на лице. И слова никак не выходят — непривычные же.

— Да все в порядке, — улыбаюсь я.

И мы некоторое время стоим вот так, спокойные и счастливые.

Потом отец Томас поворачивается и уходит, а я долго смотрю ему вслед.

Полицейские заявляются ближе к половине одиннадцатого. В руках у них щетки и бутылка с каким-то раствором.

— Краску с асфальта оттирать, — поясняют они.

— Огромное спасибо, — говорю я.

— Да не за что.

Три часа ночи. Я снова на Мэйн-стрит — только теперь оттираю краску.

— Ну почему всегда я? — вопрошаю я Бога.

Бог, конечно, молчит.

Тогда я смеюсь, а звезды смотрят на меня сверху.

Жизнь — хороша.

На следующий день у меня зверски болят руки и плечи, но оно того стоило.

Кстати, нашлась Энджи Каруссо. В телефонном справочнике немного людей с такой фамилией, и методом исключения я ее обнаруживаю.

У Энджи трое детей, и, похоже, она типичная молодая мать-одиночка. У нее двое мальчиков и девочка, и Энджи работает в аптеке. Такая шатенка с короткой стрижкой, очень симпатичная — рабочая форма ей к лицу. Знаете, это белые халатики до колена — все фармацевты в них ходят. Вот мне такие очень нравятся.

Каждое утро она собирает и отводит детей в школу. Три дня в неделю ходит на работу. В остальные два возвращается из школы прямиком домой.

Наблюдая за Энджи, отмечаю, что, похоже, зарплату ей дают по четвергам. Тогда она берет детей и ведет их в тот же парк, где мы со Швейцаром сидели, когда к нам подошла Софи.

Энджи покупает каждому ребенку по мороженому, и они с дикой скоростью его заглатывают. А потом требуют еще.

— Правило! Вы помните правило? Одно мороженое в неделю!

— Мама-а-а, пожалуйста-а-а...

— Пожалуйста, мама-а-а...

Один закатывает истерику, и меня разбирает желание подойти и прекратить это безобразие. К счастью, мальчишка быстро переключается и убегает кататься с горки.

Энджи сидит и смотрит, как они играют, а потом ей становится скучно, и она увлакивает их домой.

Я знаю, что делать.

Да, знаю.

«Здесь все просто», — думаю я.

Просто, как дважды два.

Я наблюдаю, как они идут, и мне ее жалко. В особенности из-за

походки. Энджи еле волочит ноги — хотя, конечно, может идти гораздо быстрее. Да, она любит своих детей. Но они висят на ней, и она еле идет. Энджи перекосилась на одну сторону, чтобы держать за руку маленькую дочку.

— Мам, а что на ужин? — спрашивает один из мальчишек.

— Еще не знаю...

Легким движением она откидывает с лица темную прядку волос и идет вперед, слушая, как дочка рассказывает о противном мальчике, который дразнится.

А я все смотрю, как она еле переставляет ноги — шажок за шажком, медленно-медленно.

И сердце мое наполняется печалью.

Последнее время я работаю в дневную смену, так что времени для вечерних прогулок предостаточно. Для начала я зашел на Эдгар-стрит. В окнах горит свет, мама с дочкой ужинают. Тут до меня доходит: а вдруг у них нет денег? Муж-то исчез! С другой стороны, он, наверное, все пропивал. А кроме того, женщина явно выиграла, променяв достаток на отсутствие насильника...

Еще я захожу к Милле, а потом и к отцу О'Райли — у него продолжается полоса везения после вечеринки в День Священника. Конечно, народу в следующее воскресенье пришло поменьше, но церковь уже не пустует, как прежде.

А потом я иду по адресам — проверяю всех с фамилией Роуз. Их восемь, и нужного мне человека я нахожу с пятой попытки.

Итак, Гейвин Роуз.

Ему не больше четырнадцати, ходит в обносках и с хитрой глумливой мордой. Волосы, естественно, длинные, фланелевые рубашки, как одна, напоминают нищенские лохмотья.

В общем, со спины у него свисают космы и тряпки, и в таком виде он ходит в школу.

Курит, дерется.

Глаза голубые — как вода в унитазе после очистителя. И веснушки по всему лицу.

Ах да, чуть не забыл.

Парнишка — говнюк, каких мало.

Ему, к примеру, нравится ходить по мелким магазинчикам и издеваться над хозяевами — обычно у тех плохо с английским. Еще он ворует — из этих же лавок — все, что плохо лежит, и прячет под рубашку или в штаны.

Детей поменьше он толкает и притесняет при любой возможности.

Наблюдая за Гейвином, я всячески прячусь от Софи. Не хватало, чтобы она снова меня увидела и не то подумала. «В самом деле, что это он ходит вокруг да около школы и подсматривает за детишками».

Поэтому в основном я наблюдаю за Гейвином Роузом, когда он дома.

Живет мальчик с матерью и старшим братом.

Мамаша — типичная оторва, не вылезающая из затрепанных углов: пьет и курит одну за другой. Братец такой же засранец, как Гейвин, если не хуже. На самом деле тут реальная дилемма — решить, кто из младших Роузов больший говнюк.

Они живут на самой окраине, недалеко от грязного ручья, впадающего в речку. И да, самое главное. Братья Роуз постоянно ссорятся. Прихожу утром — они ругаются. Заглядываю вечером — дерутся. А если не то и не другое, они просто орут друг на друга.

В общем, с воспитанием сыновей мама не справляется.

Чтобы как-то выжить среди постоянных воплей и драк, она пьет.

Вечерами мамаша Роузов засыпает на диване перед телевизором; с экрана стекает очередная серия мыльной оперы.

Я наблюдал за мальчишками неделю. За семь дней они умудрились подраться раз десять, не меньше. И вот сегодня, во вторник, у них случается натуральное побоище. Братцы выкатываются из дверей дома и мутузятся во дворе. Старший, Дэниэл, от души лупасит Гейвина. Наконец Гейвин падает, а Дэниэл поднимает его за шкирку.

И объясняет, в чем тот не прав, мерно встряхивая в такт речи:

— Я — тебе — говорил — что? Не трогать, мать твою, мои вещи!

А потом отбрасывает, как щенка, на землю и с деловым видом идет обратно в дом.

Гейвин лежит, затем кое-как встает на четвереньки. Я наблюдаю за ним с другой стороны улицы.

Потрогав распухшее лицо и утерев кровь, он отпускает длинное ругательство и, пошатываясь, плетется вниз по улице. И все бормочет про то, как ненавидит своего брата и вообще когда-нибудь его убьет. Наконец останавливается и садится в канаве, забиваясь под свисающие ветви кустов.

Что ж, самое время вмешаться в ситуацию.

Я подхожу и останавливаюсь прямо перед ним. И, сказать по правде, немного жмусь и нервничаю: парнишка не так-то прост и столковаться с ним будет очень нелегко.

За нами внимательно наблюдает глаз уличного фонаря.

Ветерок обдувает вспотевшее лицо, и моя тень медленно подкрадывается к Гейвину Роузу.

Он поднимает голову.

— Тебе чего, дядя?

Лицо его горит, по щекам текут горячие слезы, в глазах — ярость.

Я лишь качаю головой:

— Да ничего, в принципе...

— Ну и вали отсюда, козел сраный! Вали, кому сказал, а то убью на хрен!

«Ему всего четырнадцать, — думаю я. — Помнишь Эдгар-стрит?» По сравнению с тем амбалом он просто младенец.

— Ну тогда давай, вылезай. Потому что я никуда отсюда уходить не собираюсь, — говорю я.

Моя тень накрывает пацана с головой, но он не двигается с места. Как я и думал, дальше слов у него дело не пошло. Он принимается выдирать траву и бросать на дорогу. Рвет стебли, будто это чьи-то волосы, — хищно и злобно.

Постояв, я сажусь в канаву в паре метров от него. Между нами висит пустота нереализованной угрозы. Мои слова разбивают ее.

— Что случилось-то? — спрашиваю я, не глядя в его сторону.

Если не смотреть, он точно разговорится.

Как я и думал, Гейвин выдает исчерпывающий ответ:

— Мой брат — злобный засранец. Я убью его!

— Звучит очень грозно...

— Издеваешься? — вспыхивает он.

Я качаю головой, все так же глядя перед собой:

— Да нет, зачем мне...

А сам думаю: «Какой же ты засранец...»

— Я убью его. Убью. Убью. Я — его — убью. Убью! — твердит он. Растрепанные космы мотаются, лицо перекошено ненавистью. Веснушки ярко вспыхивают в свете фонаря.

А я смотрю на мальчишку и обдумываю дальнейшие действия.

Интересно, братцы Роуз хоть раз в жизни попадали в серьезный переплет?

Думаю, им вскоре представится такая возможность.

Ж

Цвет ее губ

В четверг вечером все как обычно.

Энджи Каруссо идет на работу, а потом забирает детей из школы. Далее по плану парк, по дороге они долго обсуждают, какое кому мороженое купят. Один пытается схитрить и выбрать дешевое, а за это получить два рожка. Ребенок озвучивает свою стратегию Энджи, но та непоколебима: мороженое одно, и точка. Детка тут же отказывается от дешевой опции и выбирает шарик подороже.

Семейство Каруссо заходит в магазинчик. А я сижу на дальней скамье и жду, когда они выйдут. Наконец они вываливаются наружу, и теперь за мороженым иду я. И думаю: «Интересно, какое выбрать для Энджи?»

«Быстрее соображай, — подгоняю сам себя. — А то они далеко уйдут, не догонишь».

В конце концов я останавливаюсь на двух разных шариках: мятный с шоколадной крошкой и маракуйя, в вафельном рожке.

Выхожу и вижу: дети все еще лопают. Сидят рядом на скамеечке и радостно поедают свое мороженое.

Я подхожу.

Язык у меня заплетается — даже странно, что выходит выговорить все разом:

— Простите...

Они все разом оборачиваются. Энджи Каруссо вблизи оказывается еще красивее — и она жутко застенчива.

— Просто я пару раз видел вас здесь и заметил, что вы никогда не покупаете мороженого себе.

Энджи смотрит на меня как на сумасшедшего.

— Вот я и подумал: может, вам тоже хочется.

И вручаю ей рожок — крайне неуклюже, естественно. По вафле уже текут зеленые и желтые струйки.

А Энджи очень охотно протягивает руку, берет мороженое и смотрит на него — с удивлением и грустью. Долго так смотрит, несколько секунд.

Потом слизывает сладкие струйки на вафле.

Закончив с рожком, она некоторое время примеривается собственно к мороженому — как к запретному плоду: «Вкушать? Не вкушать?» Бросает на меня осторожный взгляд — и откусывает от мятного шарика. Ее губы сразу становятся зелеными и сладкими, а дети уже пулей мчатся к горке. Только девочка остается рядом и замечает:

— Мамочка, смотри, сегодня и ты мороженое кушаешь!

Энджи треплет ее по волосам и отбрасывает с глаз челку:

— Точно, Кейзи, и я кушаю. А теперь, — улыбается она дочке, — поиграй с братиками.

Кейзи убегает, мы с Энджи остаемся на скамейке вдвоем.

Вечер выдался теплым и влажным.

Женщина ест мороженое, а я не знаю, куда девать руки. Энджи неторопливо, тщательно облизывает то мятный шарик, то маракуйевый. Языком проталкивает их в вафлю — чтобы не вывалились и в рожке не было пусто. Очень заметно — она не хочет, чтобы рожок пустел. Энджи старается продлить удовольствие.

Поедая мороженое, Энджи наблюдает за детьми. Я их не особо интересую, а маму они окликают постоянно: в данный момент спор идет о том, кто выше подлетает на качелях.

— Они у меня молодцы, — сообщает Энджи вафельному рожку. — Не всегда, конечно, но обычно хорошо себя ведут.

Покачивая головой, она продолжает:

— Я раньше была... знаете ли... девушкой без комплексов. А теперь — что ж. У меня трое детей, и я совсем одна.

Она смотрит на качели, и по лицу видно: Энджи представляет себе детскую площадку без детей. Ею тут же овладевает чувство стыда. Похоже, она постоянно себя винит. За сожаления. Ей грустно, хотя детей она очень любит, это видно.

Я понимаю: жизнь больше ей не принадлежит. Она целиком отдана детям.

Энджи смотрит на них и плачет. По крайней мере, она может позволить себе эту маленькую слабость. На губах у нее мороженое, а по щекам текут слезы.

Да, теперь все иначе. И даже мороженое не такое вкусное.

Тем не менее, поднимаясь со скамейки, Энджи благодарит меня. Спрашивает мое имя, а я отвечаю, мол, неважно.

— Ну, неправда, — возражает она. — Я хочу знать.

Приходится сдаться:

— Эд. Меня зовут Эд.

— Вот и прекрасно, — говорит она. — Теперь я знаю, кому сказать спасибо. Спасибо, Эд.

Она продолжает благодарить, но самые прекрасные слова я слышу, уже собираясь уходить. Подбегает Кейзи. Дочка повисает на руке у мамы и говорит:

— Мамочка, мамочка, в следующий раз я дам тебе откусить от моего мороженого!

Почему-то я себя чувствую грустным и опустошенным. С другой стороны, я сделал все, что мог. Мороженое для мамы. Для Энджи Каруссо.

Никогда не забуду «мятный цвет» на ее губах.

Q

Кровь и ярость

Пришло время разобраться с братцами Роуз. Как я уже говорил, ребята, похоже, ни разу не попадали в серьезный переплет. Не оказывались в ситуации, когда нужно защищаться от внешнего врага. Драться между собой — сколько угодно. А что они будут делать, когда в лоб братцу даст кто-то чужой?

У меня есть их адрес.

И телефон.

В общем, я готов к спецоперации.

На следующей неделе мне опять выпадают сплошные дневные смены, так что вечерами я свободен — и хожу к их дому как на работу. Мальчишки только ругаются — не дерутся. Приходится возвращаться домой несолоно хлебавши.

На обратном пути я отмечаю про себя, где находится ближайшая телефонная будка — недалеко.

Следующие два вечера у меня рабочие, и это совсем неплохо. Братцы буквально только что не на шутку подрались, и для следующей серьезной битвы им нужно подкопить сил и злости. Я же хочу, чтобы Гейвин снова выбежал на улицу. Тогда-то я и сделаю свою неприятную, но нужную работу.

Драка случается в воскресенье вечером.

Два часа ожидания — и это наконец-то происходит. Дом вздрагивает от ударов и криков, и всхлипывающий Гейвин выкатывается наружу.

Он идет на то же место — в канаву.

Я за ним.

Моя тень подкрадывается к его ногам, мальчишка ворчит:

— Снова ты...

Я не даю ему шанса продолжить.

Мои руки протягиваются к воротнику и вздергивают Гейвина вверх.

Такое впечатление, что я стою рядом и наблюдаю за собой со стороны.

Смотрю, как заволакиваю Гейвина Роуза в кусты, валю на землю и метелю среди грязи и сухих опавших веток.

Пару раз впечатываю кулаком по скуле, безжалостно бью в солнечное сплетение.

Мальчишка плачет и скулит, моля о пощаде:

— Не убивайте меня, не убивайте, пожалуйста...

Я вижу его глаза, но избегаю встречать взгляд. Бью кулаком прямо в нос — так надежнее, теперь он не будет смотреть на меня. Гейвину больно, очень больно, но я продолжаю месить его кулаками. Мне нужно, чтобы к моему уходу он не мог сдвинуться с места.

Он боится.

И прямо-таки источает запах страха.

Запах поднимается и забивает мне ноздри.

Я прекрасно понимаю, что возмездие не за горами, но у меня нет другого выхода.

Пожалуй, сейчас самое время кое-что объяснить. Дело в том, что до случая с Эдгар-стрит я в жизни человека пальцем не тронул — во всяком случае, никогда никого не бил так, как сейчас. Мне очень неприятно делать это — и вдвойне противно, что приходится бить мальчишку гораздо слабее и младше себя. Тем не менее долг есть долг. И я продолжаю метелить Гейвина Роуза словно одержимый. Смеркается, крепчающий ветер шелестит ветвями кустов.

Парню не от кого ждать помощи.

Только от меня.

А что я могу сделать?

Гейвин получает от меня последний пинок. Теперь он точно не сможет двигаться ближайшие пять или десять минут.

Я подымаюсь, тяжело дыша.

А Гейвин Роуз — нет.

На моих руках кровь. Быстрым шагом я уйду по улице подальше от кустов. В доме Роузов включен телевизор, его хорошо слышно.

Завернув за угол, я направляюсь к телефонной будке и обнаруживаю, что все не так просто. Там кто-то стоит и треплется.

— Да мне плевать, что она говорит! — кричит в трубку здоровенная малолетка с кольцом в пупке. — Я-то тут при чем?

Ну и что теперь делать?

Я стою и мрачно думаю: «Вали, вали отсюда, дура!»

Девушка раздражается новой тирадой.

«Так, даю ей одну минуту, — решаю я. — И я захожу в будку».

Она меня прекрасно видит, но ей пофиг. Демонстративно поворачивается ко мне спиной и продолжает трещать как ни в чем не бывало.

«Все. Пора», — говорю я себе и стучу по стеклу.

Она резко разворачивается и выпаливает:

— Чего тебе?

Слово и впрямь звучит как выстрел.

Я пытаюсь быть вежливым:

— Прошу прощения, но мне нужно сделать срочный звонок!

— Да пошел ты в жопу!

Похоже, девушка... э-э-э... не в настроении покидать телефонную будку.

— Слушайте! — поднимаю я руки и показываю перепачканные в крови ладони. — У меня друг в аварию попал, мне «скорую» нужно вызвать!

Она бросает в трубку:

— Кел? Ты меня слушаешь? Да, в общем, я тебе буквально через минуту перезвоню. Хорошо?

Слова про «буквально минуту» она издевательски выговаривает мне в лицо.

Девушка вешает трубку и неспешно выпихивается наружу. Будка пропахла ее потом и дезодорантом. Противно, но я привычный — с вонью Швейцара все равно не сравнить.

Захлопываю за собой дверь и набираю номер.

Примерно через три гудка трубку берет Дэниэл Роуз:

— Алё!

Я тихим, вкрадчивым шепотом сообщаю:

— Слушай меня внимательно. Там у вас в конце улицы кусты растут. Пойдешь туда — увидишь братишку. Похоже, его серьезно отделали. Так что давай по-быстрому, парень!

— Кто вы такой?

Я вешаю трубку.

— Большое спасибо, — говорю я девушке.

— Надеюсь, трубка в крови не перепачкана?

Милая, добрая девушка.

Заворачиваю на улицу, где живут Роузы, как раз вовремя: Дэниэл осторожно ведет брата домой. Я стою далеко, но хорошо вижу: парень

поддерживает Гейвина за плечо. Теперь они действительно выглядят как братья.

Я даже представляю себе, что Дэниэл говорит: «Держись, Гейв, еще чуть-чуть осталось. Главное, дойти до дома, держись...»

Мои руки в крови. Там, в конце улицы, на траве тоже осталась кровь. Я надеюсь, эти двое наконец поймут, что им нужно делать и что — на самом деле — доказывать окружающим.

Я бы хотел все сказать открытым текстом, но не могу — нельзя. Моя задача — доставить послание. Не расшифровать его. Не объяснить. Просто доставить. Понять послание — их задача.

Мне очень хочется верить, что они поймут. Я плетусь домой — к Швейцару. Еще я очень хочу вымыться.

К

Боевое крещение

Ну что ж, могу честно сказать: я собой доволен. На том большом камне были выцарапаны три имени. Уверен: я сделал все, что должен был, для каждого из этих людей.

Мы со Швейцаром выходим на прогулку — к реке, а потом вверх по течению. Туда, где выбиты на камне имена. Швейцар плетется все медленнее и медленнее — устал. Я смотрю на него с упреком: «Ну и чего ты потащился за мной? Я же предупреждал — путь длинный. А ты? Пропустил все мимо ушей, как обычно».

«Я тогда здесь подожду, хорошо?» — спрашивает он.

И ложится на траву. Потрепав его за ушами, я продолжаю путь.

Лезу на скалу. Меня переполняет гордость. Здорово вот так почувствовать разницу: в первый раз я сюда карабкался без всякой уверенности в победе. А сейчас я кто? Правильно, триумфатор.

Дело к вечеру, но не жарко. Я даже вспотеть не успел.

А вот и имена.

Тут же я замечаю: что-то не так. Да, имена все те же, но рядом выцарапаны галочки. Похоже, каждая появлялась здесь в свое время — по мере того, как я справлялся с заданиями.

Первое имя вызывает во мне очень приятные воспоминания.

Томас О'Райли. Здоровенная галочка напротив.

Потом Энджи Каруссо. Еще одна галочка.

А потом...

Это что еще такое?!

Я ошеломленно таращусь на камень. Имя Гейвина Роуза никакие отмечено! Пустое место напротив — там, где у двух других уже стоят галочки, — прямо-таки бросается в глаза!

Я стою над этой загадкой и растерянно почесываю спину.

— Что же мне еще нужно сделать? — вопрошаю я воздух. — Нет-нет-нет, послание для Гейвина Роуза доставлено, в этом не может быть никаких сомнений!

Что ж, похоже, мне скоро предстоит узнать ответ на этот вопрос...

Проходит несколько дней, близится конец ноября. До матча «Ежегодный беспредел» тоже осталось совсем ничего. Марв беспрерывно мне названивает — мое равнодушие к матчу, похоже, выводит его из себя.

Наступает декабрь, до игры два дня, а я все еще нервничаю по поводу Гейвина Роуза и так и не материализовавшейся на камне галочки. Да, напротив его имени так ничего и не появилось, — я специально ходил проверять. Надежда, что кто-то просто опоздал со знаком, покинула меня. Столько дней уже прошло, — нет, тут что-то другое. Уверен: тот, кто спланировал всю эту затею, ни за что не допустил бы опоздания.

В результате я плохо сплю.

Срываюсь на Швейцара.

И, проворочавшись всю ночь с четверга на пятницу, решаю, что пора идти в аптеку за снотворным. На Мэйн-стрит есть круглосуточная, пусть продадут мне что-нибудь. И вообще, не нужно было вываливать в ту фляжку с водкой все таблетки, мужику с Эдгар-стрит и так бы хватило.

В общем, иду я себе и вдруг вижу: на другой стороне улицы собралась стайка мальчишек.

Дом уже близко, но я чувствую, они идут за мной. И вот мы все стоим у пешеходного перехода, ждем, когда зажжется зеленый, и тут до меня доносится голос Дэниэла Роуза:

— Это он, Гейв?

Попытка отбиться оказалась тщетной — их слишком много. Шестеро как минимум. Они сволакивают меня в проулок и метелят — так же, как я Гейвина. Они месят меня кулаками как тесто, не давая подняться. Бьют по очереди, сменяя друг друга со свежими силами. По лицу течет кровь, все тело в синяках — на ребрах, на ногах и на животе не осталось живого места.

Ребята мутузят меня в полном самозабвении.

— Будешь знать, как лезть к моему брату!

Ага, это Дэниэл Роуз решил со мной побеседовать.

Брат Гейвина с размаху бьет меня под дых. Так вот ты какая, цена братской любви, черт, как больно.

— Давай, Гейв, наподдай ему напоследок!

Гейв с удовольствием идет брату навстречу.

С размаху бьет ботинком в живот, потом кулаком по лицу.

Они убегают, и их топот постепенно замирает в ночной тишине улиц.

Я пытаюсь подняться, но снова растягиваюсь на асфальте.

Кое-как ковыляя к дому, думаю: «Круг замкнулся». Я получил туз крестей — меня побили. Все трефовые задания выполнены — и меня опять отметили.

Дома Швейцар смотрит испуганно. Можно сказать, обеспокоенно. Приходится заверить его, что все в порядке, — я пытаюсь изобразить улыбку, но она получается какой-то кривой. Одно утешает: пока я тут плелся домой, хватаясь за стены, кто-то выцарапывал напротив имени Гейвина Роуза здоровенную галочку.

Похоже, теперь я действительно сделал все, что мог.

Потом я иду в ванну и разглядываю отражение.

Оба глаза подбиты.

Челюсть распухла.

Изо рта на шею течет кровь.

Я смотрю на себя в зеркало и изо всех сил пытаюсь улыбнуться.

«Эд, ты молодец», — говорю я отражению и несколько секунд созерцаю свое разбитое, залитое кровью лицо.

Туз крестей, говорите?

Ну что ж, похоже, я сегодня получил настоящее боевое крещение.

Часть 3

ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ ЭДА КЕННЕДИ

А

Игра

Над ухом зудит комар, но я благодарен — хоть кто-то составил мне компанию. Даже хочется позудеть с ним дуэтом.

Ночь, темно. На лице — кровяца. Комар может не трудиться, вонзая жало и все такое. Можно просто сесть и кружками пить кровь с правой щеки и губ.

Я встаю с постели. Пол приятно холодит ноги. Простыни слиплись от пота, и я опираюсь спиной о стену в коридоре. Капля пота стекает к щиколотке. Потом к самой пятке, и я чувствую, как она щекочет стопу.

Но в принципе, не так уж мне и плохо.

Я хихикаю в темноте. Потом смотрю на часы и иду в ванную. Надо бы принять холодный душ.

Ледяная вода обрушивается на меня, все ссадины и синяки вспыхивают свежей болью. Но все равно я себя отлично чувствую. Время ближе к четырем утра, и я больше ничего не боюсь. Надев старые джинсы, иду полуголый в спальню. Мне хочется снова посмотреть на карты, изменившие мою жизнь. Я выдвигаю ящик комода и осторожно, кончиками пальцев, вынимаю оба туза. Через плечо заглядывает желтый комнатный свет. А мне легко и приятно. Я смотрю на карты и вижу за ними истории. Комок подкатывает к горлу, когда перед глазами проходят Милла и семья с Эдгар-стрит. Мне очень хочется верить, что у Софи все будет просто замечательно. Я улыбаюсь, вспоминая отца О'Райли — Генри-стрит и незабвенную вечеринку «Все на День Священника». Потом перед глазами встает Энджи Каруссо. Если бы я мог сделать для нее что-то еще... Ну и конечно, вспоминаю о братцах-засранцах Роуз.

«Интересно, какой масти будет следующая карта?» — мелькает у меня в голове.

Надеюсь, что черви.

Я жду.

Рассвета и новой карты.

Мне почему-то хочется, чтобы ее прислали как можно скорее.

Нет, я хочу, чтобы она оказалась передо мной немедленно! Не желаю мучиться ожиданием. Загадки тоже разгадывать не желаю! Дайте мне адреса. Или имена людей, к которым нужно пойти. Адрес или имя — все, что нужно.

Однако прошлый опыт свидетельствует: стоило захотеть, чтобы все обернулось по-моему, как оно выворачивалось так, что оставалось только за голову взяться и думать, что с этим делать. Мне прямо-таки снова хочется увидеть Кейта и Дэрила. Чтоб они зашли и все-все объяснили. И принесли новую карту. Опять же, зажали при виде Швейцара носы и пожаловались, что у него блохи. Я и дверь оставил открытой: пусть зайдут, как они любят, словно цивилизованные люди.

Но они, конечно, не придут. Я это знаю сам, просто помечтать хочу.

Ну что ж, теперь можно и книгу почитать. Я сажусь на диван в гостиной. Карты держу в руке, другой переворачиваю страницы.

Проснувшись, обнаруживаю себя на полу. Обе карты зажаты в левой руке. Время ближе к десяти, но уже очень жарко. И кто-то отчаянно колотит в дверь.

«Это они», — думаю я.

— Кейт? — ору я, вставая на колени. — Дэрил? Это вы, что ли?

— Кейт? Кто такой, на хрен, Кейт?!

Смотрю вверх и вижу нависшего надо мной Марва. Усиленно тру глаза, пытаюсь проснуться окончательно.

— Ты чего здесь делаешь? — резко интересуюсь я.

— А повежливее нельзя?

Тут он видит мое художественно разукрашенное синяками лицо и фиолетово-желтые ребра. «Ни фиги себе», — читаю у него в глазах, но вслух Марв не говорит ничего. Он отвечает на вопрос, — но не на тот, который я задал. Вот так с ним всегда. Все через задницу. Вместо того чтобы сказать, зачем он здесь, Марв объясняет, как сюда попал.

— Дверь была открыта, а Швейцар меня спокойно пропустил внутрь.

— Вот видишь? А ты его боялся.

Тут я встаю и направляюсь на кухню. Марв идет следом и интересуется, как я себя чувствую. Вот в такой форме:

— Эд, как же ты дошел до такой жизни?

Я ставлю чайник.

— Кофе?

«С удовольствием».

Ага, а вот и Швейцар подтянулся.

— Спасибо, — отвечает Марв.

Мы пьем кофе, и я рассказываю ему, как было дело.

— Да какая-то мелюзга. Чего-то я им не глянулся, и они набросились со спины.

— Ты хоть кому-то успел морду расквасить?

— Нет.

— Что так?

— Марв, их шестеро было.

— Господи, куда катится этот мир? — качает головой Марв. И решает сменить тему беседы. Поговорить о чем-нибудь менее болезненном. — Слушай, ну ты как, вечером играть-то сможешь?

Ах да. Как я мог забыть.

«Ежегодный беспредел».

Сегодня же матч.

— Да, Марв. — Я стараюсь сформулировать свой ответ предельно ясно. — Смогу.

Неожиданно во мне пробуждается прямо-таки лютое желание поучаствовать в сегодняшней игре. Да, мне намяли бока, но я в отличной форме. Кроме того, перспектива получить еще пару тычков под ребра меня не пугает, а радует. Не спрашивайте почему. Я сам себя не понимаю.

— Ну и отлично. — Марв встает и направляется к двери. — Пойдем, я угощу тебя завтраком.

— Да ты что?!

На Марва это совсем не похоже!

Мы выходим, и я требую от него честного ответа:

— А ты бы повел меня завтракать, если бы я сказал: «Извини, не могу сегодня играть»?

Марв открывает машину и садится:

— Конечно нет.

По крайней мере, это честно.

Машина не заводится.

— Молчи, ничего не говори, — окидывает меня грозным взглядом Марв.

Мы оба хихикаем.

Отличное начало хорошего дня. У меня самые радужные предчувствия насчет сегодня.

Мы заходим в убогую кафешку в самом конце Мэйн-стрит. В меню

яичница, колбаса и какой-то плоский хлеб. К нам подходит официантка — здоровенная бабища с большим ртом. Через руку у нее перекинута полотенце. Мне почему-то кажется, ее должны звать Маргарет.

— Что будем заказывать, малыши?

Мы прямо обалдеваем от такого обращения.

— Малыши?

На лице официантки проступает угрожающее выражение — ей не до детских капризов и дурацких вопросов.

— Вы ж оба малыши? Или скажете, шо вы девочки?

И тут я понимаю: не малыши. Мальчики.

— Марв, — тихо говорю я другу. — Мальчики. Просто она выговорить не может.

— Чего?

— Маль-чи-ки.

Марв погружается в изучение меню.

Маргарет многозначительно кашляет — мол, поторапливайтесь.

Пытаясь избежать конфликта, я быстро заказываю:

— Мне банановый молочный коктейль!

Официантка хмуро бросает:

— У нас молоко закончилось.

— Закончилось молоко?! Это же кафе! Как у вас может молоко кончиться?

— Ну хватит уже. Не я ж молоко покупаю! Я вообще к нему отношения не имею. Я просто знаю, что молока нет. И все. И вообще, здесь обычно еду заказывают!

Сразу видно — человек любит свою работу. И клиентов обожает.

— Ну а хлеб у вас есть? — спрашиваю я.

— Будем выпендриваться или заказ делать?

Я принимаюсь осматриваться, — хоть увижу, что остальные едят.

— Тогда мне вот то, что ест тот парень в углу!

Мы, все трое, смотрим на жующего клиента.

— Ты уверен? — ежится Марв от нехорошего предчувствия. — По-моему, там что-то между хреновиной и фиговинной.

— По крайней мере, эта хреновина у них есть! В отличие от молока!

Маргарет начинает на глазах мрачнеть.

— Значит, так, молодые люди, — решительно заявляет она. И яростно чешет ручкой в волосах. Если она поковыряется ручкой в ушах, я не больно-то удивлюсь. — Не нравится — валите отсюда и ищите другое заведение!

Какая раздражительная, однако, попалась женщина.

— Хорошо, хорошо, — поднимаю я руку в знак примирения. — Принесите мне, пожалуйста, то, что ест тот парень, и просто банан, ладно?

— Правильно, — одобряет мой выбор Марв. — В банане много калия! Перед игрой нужно есть богатую витаминами пищу.

Калий? О чем он, прости господи?

Что-то мне не кажется, что витамины сегодня вечером очень помогут...

— Ну а ты что будешь? — переключает внимание Маргарет на моего друга.

Поерзав на стуле, он выдает:

— А мне, пожалуйста, вот эту вашу фирменную лепешку и ассорти лучших итальянских колбас!

Ну конечно. Марва хлебом не корми — дай постебаться. Обязательно нужно позлить и без того злобную бабищу.

Но Маргарет на кривой козе не объедешь. Она таких выпендрежников в гробу видала.

— Щас сам колбаской отсюда покатишься, умник, — предупреждает она важно.

Мы с Марвом не выдерживаем и начинаем смеяться — типа, ее шутке. Но сердце Маргарет не так-то просто растопить.

— Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо.

— Тогда с вас двадцать два пятьдесят.

— Сколько-сколько?!

Вот это номер!

— Ничего не могу поделать — у нас центровое место, ребята. Дорогое кафе, знаете ли!

— Оно и видно. И обслуживание потрясающее, ага...

И вот мы сидим на террасе, потя под палящим солнцем, и ждем. Маргарет отрывается по полной: носит мимо нас еду клиентам, пришедшим гораздо позже. Так и подмывает спросить, что случилось с нашим заказом, но приходится сдерживаться, иначе она промурыжит нас еще дольше. В общем, люди уже обедают, когда Маргарет все-таки выносит наш завтрак. И хлопает тарелки на стол, словно это комбикорм какой-то.

— Ну, ты прямо себя превзошла. Идешь на рекорд, — пытается поддеть официантку Марв. — Дольше не пробовала яичницу нести?

Но Маргарет демонстративно высмаркивается — мол, плевать я на тебя хотела, — и уплывает прочь.

— Ну как, нравится? — интересуется Марв спустя некоторое время. — Точнее говоря, что это вообще такое?

— Омлет с сыром и еще чем-то.

— Слушай, а тебе разве яйца нравятся?

— Нет.

— Так зачем ты омлет заказал?

— Когда тот парень это ел, оно было на омлет не похоже!

— Точно. Хочешь у меня попробовать?

Я с радостью принимаю его предложение и откусываю от лепешки. Она оказывается вполне съедобной. Тут мне приходит в голову все-таки спросить Марва, почему он именно сегодня решил угостить меня завтраком. Раньше такого не случалось. По правде говоря, до этого я вообще никогда в кафе не завтракал. Это раз, а два — Марв ни за что, ни за какие коврижки не стал бы за меня платить. Этого просто не могло случиться, ни при каких обстоятельствах. А если б случилось, то Марв, наверное, просто умер бы от разрыва сердца.

— Марв, — спрашиваю я, глядя прямо ему в глаза. — Почему мы здесь?

Он качает головой:

— Я...

— Ты что, меня таким образом на игру заманиваешь? Отрезаешь пути отступления и все такое?

Марв не может лгать в ответ на такой прямой вопрос и кивает:

— Ну, примерно так оно и есть.

— Обещаю — приду, — говорю я. — Ровно в четыре жди меня на поле.

— Отлично.

Остаток дня проходит гладко. К счастью, после завтрака Марв оставляет меня в покое, и я иду домой спать.

Время выходить, и мы со Швейцаромдвигаем к стадиону. Пес, похоже, заразился моим хорошим настроением, — хотя выгляжу я по-прежнему неважно.

По дороге мы заходим к Одри.

Ее нет дома.

Возможно, она уже на футбольном поле. Одри, конечно, ненавидит футбол, но эту игру она ни разу не пропустила.

На часах уже без пятнадцати четыре, и мы спускаемся в долинку, в которой вытянулся стадион. Сразу вспоминается Софи — как она бежала, а

я смотрел. Наш матч, естественно, не выдерживает с этим никакого эстетического сравнения. Тем не менее вокруг стадиона уже толпа, а беговые дорожки пусты. Несколько минут я благодарно созерцаю призрак босоногой девушки, летящей над землей.

А потом со вздохом отворачиваюсь и мысленно готовлюсь к совершенно другому зрелищу.

Чем ближе я подхожу к футбольному полю, тем крепче шибает в нос запахом пива. На улице жарко, не меньше тридцати двух градусов.

Команды развели по разным углам поля, вокруг уже собралось несколько сотен зрителей, и толпа все растет. Для нашего пригорода «Ежегодный беспредел» — вполне себе событие. Игра проводится в первую субботу декабря, уже пять лет. Ну а я третий год подряд выхожу на поле.

Швейцара я посадил под деревом — в тенок. Парни из команды с интересом косятся на мое разбитое лицо, но недолго. Синяки, ссадины, кровяца — привычное для них зрелище.

Мне выдают голубую футболку с красными и желтыми полосками. И номером 12. Джинсы долой, вместо них я натягиваю черные спортивные трусы. Носков и бутсов нам не положено. Таковы правила — никакой обуви, никаких щитков. Футболка, труселя и длинный злой язык, чтобы изругать в пух и прах противников, — вот все, что нужно настоящему игроку во время матча «Ежегодный беспредел»!

Наша команда называется «Кольты». Противники — «Соколы». На них зеленые с белым футболки и такие же трусы. У нас форменных труселей нет, но кому какое дело. Хорошо, что футболками удалось обзавестись, — обычно их покупают по дешевке у настоящих местных футбольных команд. Или даже бесплатно получают, если форма все равно идет на выброс.

У нас в команде есть мужики за сорок. Здоровенные, страшные на морду пожарники. Или шахтеры. Плюс несколько парней, которые более-менее прилично играют в футбол. Еще есть молодежь, вроде нас с Марвом и Ричи. Ну и пара реально хороших игроков.

Ричи, как всегда, приходит самым последним.

— Вы только гляньте, кого ветром надуло! — заявляет один из наших игроков — толстяк, каких мало.

Приятель терпеливо объясняет, что ветром надуло — это совсем про другое, а говорить надо «нелегкая принесла». Но жиртресту пофиг, он

слишком туп для словесной эквилибристики. Усы у него, кстати, как у Мерва Хьюса.^[10] На случай, если вы не в курсе, кто такой Мерв Хьюс и что это за усы, объясняю: они длинные, густые и на вид совершенно безобразные. А самое печальное, что этот толстый усастый тип — наш капитан. По-моему, его зовут Генри Диккенс. Нет, к Чарльзу Диккенсу это чудо природы не имеет никакого отношения.

Ричи бросает на землю сумку и ритуально спрашивает: «Как дела?» В действительности всем пофигу, как у кого дела, — в том числе и Ричи. Уже без пяти четыре. Все дуют пиво. Мне тоже бросают банку, но я приберегаю ее на потом.

Переминаясь с ноги на ногу, оглядываю все прибывающую толпу. Ричи подходит и внимательно осматривает меня с головы до ног. Потом изрекает:

— Хреново выглядишь. Ссадины какие-то. И синяки. И вообще.

— Благодарю за комментарий, Ричи. А то я не знал.

Он присматривается к моим фингалам и спрашивает:

— А что случилось-то?

— Да вот, толпа молодых людей решила культурно и безобидно развлечься.

Ричи глубокомысленно кивает и хлопает меня по спине — так, что ребрам больно:

— А-а-а! Ну, будет тебе наука!

— Наука чего?!

Ричи подмигивает и допивает пиво:

— Да хрен его знает.

Не подумайте, что я обиделся. Просто Ричи — такой, какой есть. Ему плевать на причинно-следственные связи и вообще на все. Он почувствовал, что обсуждать инцидент с фингалами я не намерен, и решил замять тему. Пошутил — и все, проехали.

Настоящие друзья так себя и ведут. Правда?

Все-таки любопытно, что никто, абсолютно никто даже не поинтересовался, вызвал ли я полицию. А все потому, что в нашем пригороде не принято беспокоить полицейских по таким пустякам. Ну, ограбили тебя на улице. Ну, морду набили. Подумаешь! Тут уж либо ты бьешь морду в ответ, либо ходишь с фонарем под глазом.

Я вот, к примеру, хожу с фонарями.

За растяжкой я не забываю посматривать в сторону наших

противников. Парни там будут помассивнее, это точно. Особенно выделяется один чувак — гора, а не человек. Видимо, это о нем Марв всю неделю распространялся. Честно говоря, впечатляют не столько размеры, сколько проблема определения пола — я так и не могу понять, это мужчина или женщина?.. Издалека амбальное существо выглядит точь-в-точь как Мими из «Шоу Дрю Кэри».

И тут я вижу это.

Номер на майке.

12. Тот же, что и у меня.

— Вот объект твоей персональной опеки, [\[11\]](#) — произносит голос за моей спиной.

Это Марв. Ричи тоже подходит поближе.

— Удачи, Эд, — старается не хихикнуть он.

А я выдаю нервный смешок:

— Ага... Да вы чего? Оно ж меня раздавит! В буквальном смысле!

— Слушай, а это точно мужик? — интересуется Марв.

Я наклоняюсь и берусь за большие пальцы ног — растягивая задние мышцы бедра.

— Попробую выяснить, когда оно на меня навалится...

Как ни странно, особого волнения я не испытываю.

Болельщики начинают нетерпеливо покрикивать.

— Пошли, ребята, — говорит Мерв.

Я не ошибся, если что, — Мерв, не Марв. Мервом я назвал усатого толстяка, — а вдруг его имя совсем не Генри? Так или иначе, но приятели к нему по-другому, чем как к Мерву, не обращаются — из-за усов, я думаю.

Мы подтягиваемся и становимся плечом к плечу, голова к голове — надо набраться командного духа. Дух у нас мощный — от покрытых трехдневной щетиной морд так и разит пивом и потом. Весело щерятся рты с выбитыми в драках зубами.

— Ну, парни, — говорит Мерв. — Мы выйдем на поле и сделаем — что?

Все молчат.

— Ну?

— А я не знаю... — отзывается кто-то неуверенно.

— Мы порвем всех на тряпки!!! — взрывает Мерв, и парни, наконец-то сообразившие, что к чему, согласно кивают и одобительно бурчат.

Ричи, впрочем, зевает. Несколько голосов подхватывают слова Мерва, но в оглушительный боевой клич наше фыркание и ругань так и не

перерастают. Хотя в угрозах недостатка нет, — парни обещают порвать, растерзать и вообще выпустить кишки «Соколам».

«И это взрослые люди, — вздыхаю я про себя. — Как малые дети, прости господи».

Звучит свисток. Судья у нас, как всегда, Регги Ла Мотта — весьма популярный в округе, второго такого пьяницу днем с огнем не сыщешь. Он и на судейство-то соглашается из-за двух бутылок спиртного — на них скидываются все игроки. Бутылка от команды — такой уговор.

— Ладно, мужики! Сейчас мы пойдем и уроем их! — Придя к этому во всех отношениях замечательному компромиссному решению, парни бегут на поле.

А я быстренько подскакиваю к дереву, под которым оставил Швейцара. Пес спит, а рядом сидит мальчик и гладит его.

— Ты присмотришь за моей собакой? — спрашиваю я.

— Хорошо, — соглашается детка. — Меня зовут Джей.

— А его — Швейцар, — представляю я пса и бегу на поле, где уже строятся команды.

— Значица, так, — начинает установочную речь Регги.

Голос у него заплетается. Игра еще не началась, а он уже пьян в стельку.

Впрочем, никто не возражает.

— Будете выпендриваться, как в прошлом году, я плюну, развернусь и уйду отсюда! Ищите себе тогда другого судью!

— А как же две бутылки, Рег? — несмело интересуется кто-то. — Ты ж их не получишь!

— Засуньте свои бутылки себе в задницу! — строго отвечает судья. — Все всё поняли?

Все, похоже, поняли.

— Да, Рег, спасибо, что согласился быть судьей.

— Да, да, все понятно...

Команды выходят навстречу друг другу и обмениваются рукопожатиями. Яжимаю руку своему противнику, — он возвышается, как осадная башня, его тень закрывает меня полностью. Я был прав. Это мужчина, но от Мими из «Дрю Керри» его не отличить.

— Удачи, — роняю я.

— Подожди чуток, — низким грудным голосом отвечает Мими.

Нет, правда, нарисовать его так же, голубыми тенями во все веко, — и получится точная копия.

— Я тебя в клочья порву! — с сексуальной хрипотцой обещает мне Мими.

Ну что ж, пора начинать наши маленькие веселые игры.

«Соколы» вводят мяч в игру, вскоре я получаю передачу. И теряю мяч. Потом снова получаю передачу.

И снова теряю мяч — огребая по полной программе от Мими, который вколачивает меня башкой в землю, нашептывая на ухо всякие нежности из серии: «Щас кишки выпущу». Ругань и оскорбления — это святое. Не зря матч называется «Ежегодный беспредел»! Болельщики тоже не отстают: орут, свистят, выкрикивают непристойности, острят и издеваются. Ну и конечно, пьют — пиво и вино, и едят — пироги и хот-доги. Еду и напитки продает каждый год один и тот же парень — выкатывает на стадион тележку, и все счастливы, в том числе и дети — для них припасены леденцы и газировка.

А «Соколы» тем временем забивают нам один за другим и уходят в серьезный отрыв.

— Да что вообще происходит?! — слышу я раздраженный голос, стоя у ворот после того, как в них влетел очередной мяч.

Это Мерв. Он исполняет долг капитана и пытается расшевелить команду.

— У нас тут футбол или балет?! Только один парень старается перехватить мяч! Эй, как там тебя?

Я вздрагиваю, понимая, что он показывает на меня.

И ошеломленно отвечаю:

— Эд. Эд Кеннеди!

— Вот! Только Эд бегают и пытаются отобрать мяч,^[12] остальные ползают! А ну шевелись!

Оправдывая характеристику, я бегаю как заведенный.

Мими гоняется за мной, выкрикивая оскорбления и угрозы. Интересно, когда ему дыхалка откажет? С таким весом и на такой жаре — как он вообще держится...

Звучит свисток, Регги объявляет перерыв. Меня в очередной раз сбили с ног, я лежу на земле. Все расходится отдохнуть и попить пивка. Когда перерыв закончится, каждому игроку будет нелегко убедить себя выйти обратно на поле.

Место для отдыха я выбрал в тенишке, рядом со Швейцаром и присматривающим за ним мальчишкой. Там-то к нам и подходит Одри —

наконец-то. Она не спрашивает, почему я весь в синяках, — видимо, понимает: издержки профессии, посланник есть посланник. Поскольку фонари под глазами и работа становятся для меня неразделимы, я даже не углубляюсь в тему.

— Как ты? Нормально? — спрашивает она.

Я счастливо вздыхаю и говорю:

— Лучше не бывает. Наслаждаюсь жизнью и все такое.

Во втором тайме мы берем реванш и свирепо сражаемся за победу.

Ричи посылает мяч в угол ворот, потом другой парень бьет, попадает прямехонько под перекладину — и мы сравниваем счет.

Марв в конце концов научился неплохо пасовать, и мы деремся как львы.

Мими подустала, и, когда я выползаю с поля, чтобы мне оказали всякую медпомощь,^[13] Марв подходит ко мне.

— Ну что? — произносит он с сарказмом — чтобы более поддеть. — Как там поживает большая тетя?^[14] Я смотрю, ты так и не сломал ей шею!

Мокрые светлые волосы свисают на глаза, взгляд решительный — герой, ни дать ни взять.

Я сурово отрицаю свою вину:

— Ты только посмотри на этого амбала, Марв! В нем мяса больше, чем в Маме Грейп!^[15]

— Что за, на хрен, мама такая?

— Ну как же! Из книжки! — М-да, молодец я, нашел с кем современную прозу обсуждать. — Фильм еще по ней сняли, с Джонни Деппом!

— Да плевать, Эд, на твоего Джонни Деппа с Мамой Грейп! Вставай! Вставай и дай им так, чтоб прорубило!

И я — встаю.

Кого-то еле держащегося на ногах уводят с поля, а я иду прямо к Мими.

И вот я подхожу, и мы смотрим друг другу в глаза.

— Получишь пас — беги ко мне, детка, — говорю я.

И гордо отхожу, внутри весь обсираясь со страха.

Потому что игра возобновляется и Мими в точности следует моему совету.

Вот он, с мячом, бежит прямо на меня. И я точно знаю — да, сейчас Эд

Кеннеди сделает это. Удар по мячу, я рядом, обгоняю Мими — и бух! Удар как об стену! И все трясется! Стадион орет в диком восторге, и вдруг становится понятно: я-то стою. А Мими лежит на земле беспомощной объемной горкой.

Ребята тут же окружают меня, жмут руки и все такое, а мне разом становится очень хреново. Что я наделал? Цифра 12 на широкой спине Мими глядит на меня в упор и не шевелится.

— Он хоть жив? — спрашивает кто-то.

— Какая, на хрен, разница? — отвечают ему.

Тут-то меня и вывернуло.

Медленно-медленно я ухожу с поля, а все рассуждают, как бы побыстрее уволочь тушу Мими с поля — надо же играть дальше!

— Носилки! Надо принести носилки! — слышу я.

— А где их взять? И потом, кто его потащит? Он же тонну весит, не меньше! Тут кран нужен!

— Не, экскаватор!

Народ изощряется в островах. Оскорбительно, не оскорбительно — им реально пофиг. Только попадись на язык — и все, пиши пропало. Вес, рост, запах — все твои характеристики обрисуют в подробностях, и плевать им, в гробу ты лежишь или на санитарных носилках.

Последним я слышу голос Мерва, который вещает:

— Ха, этот парень умеет поставить жирную точку в споре, ха-ха-ха!

Мерву весело, остальным тоже.

А мне — нет. Я чувствую себя ужасно. Меня гложет ощущение вины.

Не знаю, как для них, а для меня матч закончен.

И тут выясняется, что матч-то, может, и закончился, зато началось кое-что другое.

Я подхожу к дереву, под которым оставил Швейцара. И обнаруживаю, что собаки под ним нет.

Боже, как же мне становится страшно!

Двадцать долларов за собаку!

И вот я стою и тупо поворачиваюсь вокруг своей оси, пытаюсь высмотреть пса и того мальчишку.

За стадионом тянется небольшой овраг, и спасательно-поисковая экспедиция в моем лице направляется туда. Я бегу как можно быстрее — а в моем состоянии это совсем небыстро, увы, — позабыв про матч и вообще про все. А пока бегу, краем глаза замечаю девушку с соломенного цвета волосами — Одри.

— Швейцар! — ору я на бегу. — Пропал!

И понимаю, что жить не могу без этой псины.

Некоторое время она бежит рядом, потом меняет направление поиска.

В овражке никого.

Вылезаю и осматриваю огромный травяной лоскут стадиона.

Игра продолжается, болельщики надрывают глотку — где-то далеко-далеко, за тысячу миль от меня.

— Ну? — это снова Одри.

Она сбегала до самого конца оврага.

— Никого.

Мы останавливаемся.

Спокойствие, только спокойствие.

А что еще мне остается делать?!

Тут я оборачиваюсь к дереву, под которым оставлял Швейцара, и вижу: вон они! Псинка моя и мальчишечка спокойненько шествуют обратно! У мальчика в руках стакан с газировкой и здоровенный леденец. А сзади идет кто-то третий.

Этот кто-то смотрит на меня.

Женщина, хотя какая женщина — девчонка.

Завидев мои налитые кровью глаза, она быстро наклоняется и хватается детку за руку. Выдает ему что-то, шепчет на ушко и исчезает, моментально растворяясь в толпе.

— Это следующая карта! — ору я и припускаю в их сторону.

Так быстро мне никогда бегать не приходилось!

Добежав, понимаю — ага, точно. У мальчишки в руке игральная карта, но я не могу разглядеть, какой масти. Тогда я решаю догнать молодую женщину. Она растворилась в толпе, но ее надо найти, — ибо она-то уж точно знает, кто за всем этим стоит. Сто процентов!

Но женщина исчезла.

Как сквозь землю провалилась.

А я стою у боковой линии футбольного поля, пытаюсь отдышаться.

Можно, конечно, попытаться отыскать ее, — но смысл? Она исчезла, а мне нужно получить свою карту. Мальчишечка уже, наверное, порвал ее на мелкие кусочки — ребенок, что с него возьмешь...

Но, к счастью, когда я возвращаюсь к мальчику, карта еще цела. Детка держит ее — и очень цепко. И похоже, не собирается с ней расставаться.

Интуиция — в который раз — меня не подводит.

— Нет! — взвывает ребенок.

— Так. — Вот только этого не хватало! — Отдай мне карту, малыш!

— Ни за что! — Детка явно пытается зареветь, причем неостановимо.

— А что тебе сказала та тетя?

— Она сказала, — пищит дитя, вытирая крупные слезы, — что карта принадлежит хозяину этой собаки!

— Так это ж я!

— Не-е-е! — взывает мальчишечка. — Это я! Это моя собачка!

«Господи! Я согласен на Дэрила, Кейта и ежедневные драки с малолетками! — воссылаю я тщетные мольбы. — Но избавь меня от этого чудесного дитяти!»

Мальчишечка и не думает сдаваться.

— Хорошо, — решаю я пойти в обход. — Я дам тебе десять долларов за пса и за карту.

Ребенок оказывается не таким уж и глупым:

— Двадцать!

Сказать, что я расстроен, ничего не сказать. Приходится попросить у Одри займы. Я беру у нее двадцатку и говорю:

— Потом отдам.

— Не проблема.

Выдаю детке двадцать долларов и получаю Швейцара и карту.

— Очень приятно было с вами пообщаться. — Мальчик явно вне себя от счастья.

Я хочу его придушить, но приходится сдерживаться.

По правде говоря, я ожидал карту другой масти.

— Пики, — показываю туза Одри.

Она наклоняется. Волосы почти касаются моего лица. Швейцар смирно стоит рядом.

— А ты? — обвиняюще тычу я пальцем. — Куда тебя понесло?

«Ладно, ладно, больше не буду», — примирительно отвечает он и вдруг начинает отчаянно кашлять.

Ну конечно. Из пасти вылетает здоровенный кусок лакричной конфеты, а в глазах бегущей строкой отображается: «Прости меня, хозяин».

— Будешь знать, как жрать что попало, — зло отчитываю я Швейцара.

Он демонстративно отворачивается.

— Он подавился? С ним ничего не случится? — спрашивает Одри.

Мы идем рядом.

— Да нет, что с ним может случиться. Этот проглот еще меня переживет.

Я ворчу, конечно, но про себя облегченно улыбаюсь.

Похоже, победа осталась за нами. Во всяком случае, Мерв устраивает большую вечеринку у себя дома. Марв звонит и требует немедленно прийти: мол, парни сказали, что Эд Кеннеди — лучший игрок, такого бегемота с ног сбил. Это они про Мими, конечно.

— Эд, ты должен прийти. Должен, и все.

Ну что ж, я иду.

И снова я захожу к Одри — и опять ее нет дома. Видимо, пошла куда-то с бойфрендом. К Мерву идти мне расхотелось, но я собрался с силами и все-таки пошел.

Естественно, никто даже не смотрит в мою сторону.

Никто со мной не заговаривает.

Я и Марва не смог найти, он меня сам потом нашел — на крыльце.

— Ты молодчина! Как чувствуешь себя?

Я смотрю на него и отвечаю:

— Лучше всех.

За спиной шумят и горланят пьяные гости, а в спальне за окном кто-то занимается тем, чем обычно занимаются в спальнях.

А мы все сидим на крылечке. Марв рассказывает, что случилось после того, как я ушел с поля. Спрашивает, куда подевался. А я говорю, что мне плохо стало и ноги не держали, — пришлось выйти из игры. Потом мы долго говорим о моем героическом столкновении с бегемотным Мими.

— Ну это было прям ваще! — доверительно сообщает Марв.

— Да ладно тебе, ничего особенного, — говорю я, пытаюсь проглотить острое чувство вины, упрямо застревающее в горле.

На самом деле мне жалко Мими — кем бы он ни был. Или ни была. Короче, все равно жалко.

Побеседовав таким образом минут десять, я соображаю, что Марву, наверное, хочется пойти к остальным.

Пальцы нащупывают в кармане новую карту.

Пиковый туз.

Я всматриваюсь в темнеющую пустоту вечерней улицы — там может таиться все, что угодно. Будущее восхитительно неизвестно, и я счастлив.

— Что? Что ты скалишься, малыш?

Ага, «малыш», вспоминаю я жуткую официантку, и мы оба смеемся.

— Нет, правда, — упирается Марв. — Над чем смеялся, Эд?

— Пора. Мне пора идти, Марв, — поднимаюсь я и спускаюсь вниз по ступенькам. — Извини. Но мне надо идти. Чтобы не остаться при пиковом интересе. Пока, дружище.

Я чувствую себя неловко. Последние несколько дней Марв от меня только и слышит: «Извини, у меня дела, пока, до скорого». Впрочем, сегодня мой друг не в обиде. Мне кажется, до Марва наконец дошло: то, что важно для него, не обязательно важно и для меня.

— Пока, Эд, — говорит он, и по голосу моего друга я понимаю: он тоже счастлив.

Ночь темна, но прекрасна, и я иду домой. Под мигающим фонарем мне приходит в голову остановиться и снова посмотреть на пиковый туз. Я уже несколько раз вынимал и рассматривал его — у себя дома и на пороге дома Мерва, где была вечеринка. Выбор масти меня немного смутил, я-то ожидал, что выпадут черви. В конце концов, черви прекрасно укладывались в порядок черного и красного. Кроме того, мне казалось, что раз пики — самая мрачная и тревожная масть, их приберегут напоследок.

На карте написаны три имени.

Грэм Грин
Моррис Уэст
Сильвия Плат

Имена мне знакомы, правда непонятно откуда. Это явно не мои друзья, хотя я слышал об этих людях. Совершенно точно. Придя домой, я раскрываю телефонный справочник и нахожу пару Гринов и несколько Уэстов. Однако инициалы не совпадают. Но ведь по этим адресам могут проживать люди и с другими именами? Что ж, видимо, завтра мне придется походить от дома к дому...

Мы со Швейцаром сидим в гостиной. Я подрумянил картошку в духовке, и мы ее поедаем. Футбольный матч не прошел даром — все тело болит, жалуясь на новую порцию синяков и ссадин. Ближе к полуночи я не смог даже встать с дивана. Швейцар лежит у меня в ногах, а я сижу и жду,

когда же придет сон.

Голова моя бессильно запрокидывается.

Пиковый туз выскальзывает из руки и проваливается в щелку дивана.

Я засыпаю.

Ночь длинная, и все время я пытаюсь вырваться из странного мира, в котором явь неотличима от сновидения. Ближе к утру мне снится стадион, я пытаюсь догнать в толпе женщину и торгуюсь с мальчишкой за карту.

Потом вижу, как снова хожу в школу, — но почему-то я один, больше там никого нет. В классе на партах лежит желтая пыль. А я сижу среди разложенных книг и смотрю на исписанную какими-то словами доску. Почерк быстрый, текучий — и я не понимаю, что начеркано на доске.

Входит женщина.

Учительница. Длинные худые ноги, черная юбка, белая блузка, фиолетовая кофта. Ей под пятьдесят, но она все равно выглядит сексуально. Учительница вообще не смотрит в мою сторону, словно меня и нет в классе. Звенит звонок — громко, словно висит прямо за дверью. Вот тогда учительница впервые обращает на меня внимание.

— Ну что ж, пора начинать, Эд.

Я готов.

— Да, мэм?

— Прочитай, пожалуйста, слова, написанные на доске.

— Не могу, мэм.

— Да что с тобой такое? Ну-ка живо читай!

Я стараюсь изо всех сил, но все равно ничего не понимаю.

Она строго качает головой. Я не вижу, — глаза все еще приклеены к доске. Но я чувствую ее разочарование. Я тарашусь на неясные слова, и мне неприятно, что я так подвел бедную женщину.

Проходит несколько минут.

И тут я слышу это.

Легкий щелчок — а потом скрип.

Смотрю вверх и задыхаюсь от ужаса и изумления. Испуг выбивает воздух из легких. Учительница висит на веревке, прямо перед доской.

Она мертва.

Тело покачивается в воздухе.

Потолка не видно, веревка накрепко привязана к балке под крышей.

В ужасе я сижу и глотаю воздух, в котором катастрофически мало кислорода. Руки намертво прилипли к парте, я встаю, пытаюсь выбежать и позвать на помощь, но не могу оторвать их. Наконец правая рука каким-то

образом дотягивается до дверной ручки. Медленно-медленно я поворачиваюсь к свисающей с веревки женщине.

Медленно-медленно.

Черепашьим шагом.

Я подхожу к ней.

Смотрю и думаю, какое мирное и спокойное у нее лицо. И тут глаза ее распахиваются, и она говорит.

Придушенным, хриплым голосом.

— А теперь ты можешь прочитать написанное? — спрашивает учительница, а я стою столбом и таращусь на доску.

Теперь первую строчку ясно видно. Ее легко прочесть: «Бесплодная женщина».

Тело с грохотом падает на пол к моим ногам, и я просыпаюсь.

Рядом на полу сидит Швейцар, а желтый пыльный воздух наполняет гостиную — вместе с утренним светом.

Образы сна врываются в мой разум через несколько секунд после пробуждения, и я заново вижу все: женщину, исписанную доску, первую строчку. Слышу звук падения тела и ее голос: «Теперь ты можешь прочитать написанное?»

«Бесплодная женщина», — шепчу я.

Я точно где-то это слышал. Более того, я знаю, что читал стихотворение с таким названием. Еще в школе, потому что наша учительница английского страдала депрессией. Стихотворение ей очень нравилось, и в памяти до сих пор сохранились некоторые строчки. И всякие выражения — «легчайшие шаги», или «музей без статуй», или сравнение жизни с фонтаном, струя которого поднимается и опадает, не изливаясь никуда вовне.

«Бесплодная женщина».

«Бесплодная женщина».

Тут меня осеняет, и я вскакиваю с дивана. И едва не перекидываюсь через Швейцара, которому, кстати, абсолютно по барабану мои литературные изыскания. В его взгляде явственно читается: «А поосторожнее нельзя было? Я спал, вообще-то...»

«Бесплодная женщина», — поясняю я.

«И чего?!» — вопрошает Швейцар.

Повторив название стихотворения еще раз, я в полном восторге хватаю его за морду — ура! Ключ к разгадке пикового туза в моих руках!

По крайней мере, я понял, что к чему.

Стихотворение «Бесплодная женщина» написала поэтесса, которая покончила жизнь самоубийством. Точно, ее звали Сильвия Плат.

Пошарив по дивану, нахожу карту: вот оно, ее имя, третье в списке. «Это писатели, — понимаю я. — Все трое». Грэм Грин, Моррис Уэст, Сильвия Плат. Странно, правда, что я про первых двоих даже не слышал, — но ничего не поделаешь, всех не перечитаешь. Но вот про Сильвию я знаю наверняка. Мы с ней теперь прямо запросто, без церемоний и фамилий, можем друг к другу обращаться. Привет, Сильвия, я тебя знаю. С гордостью можно признать, что загадка отгадана.

Еще некоторое время я заседаю на диване, восторгаясь собственной сообразительностью. Словно мной открыта некая древняя тайна — вот такое ощущение. Ноги-руки не гнутся, ребра тоже чертовски болят, но я собираю все силы в кулак и поедаю завтрак: хлопья с каким-то явно просроченным молоком, — поэтому туда щедро набухан сахар.

И только где-то в семь-тридцать до меня доходит: загадка-то так и не отгадана! Адресов-то у меня нет! К кому идти? Какие послания доставлять?

«Ну что ж, надо пойти в библиотеку», — решаю я.

Но сегодня, как на грех, воскресенье. Нужно ждать, пока библиотека откроется.

Ко мне заходит Одри.

Мы смотрим кино, — она слышала про него хорошие отзывы.

Кино и впрямь неплохое.

Мне очень хочется узнать, где она была прошлым вечером, но я воздерживаюсь от расспросов.

Зато рассказываю про пиковый туз, имена и про то, что собираюсь идти в библиотеку. Мне почему-то кажется, что в воскресенье она открыта с двенадцати до четырех.

Одри пьет кофе, который я заварил. Губы у нее красные-красные, и я мечтаю просто вот так встать со стула, подойти и поцеловать их. Почувствовать, как они тепло и мягко прикасаются к моим. Хочу, чтобы мое дыхание попало в такт с ее, хочу вдохнуть и выдохнуть вместе с ней. Хочу нежно укусить ее за шею. И провести пальцами по спине. Запустить их в роскошные светлые густые волосы.

Очень-очень хочу.

Не знаю, что со мной этим утром.

И вдруг понимаю: я — наконец-то! — что-то заслужил! Разве мало сделано? Скольким людям я помог — хотя бы чуть-чуть! А тех, кого

следовало наказать, — наказал. Хотя причинение боли живому существу — вовсе не то дело, которым хочется гордиться.

«Ну разве я не заслужил хоть малюсенького, но поощрения? — думаю я. — Что, от Одри убудет, если она полюбит меня хотя бы на секунду?» Да нет, все понятно и очевидно: ничего не произойдет. Она меня не поцелует. Дотронется в лучшем случае. А я буду бегать по городу, получать по морде и под дых, на мне и дальше будут оттаптываться все кому не лень. И что мне за это будет? А, Эд Кеннеди? Какова твоя награда за усилия?

А я вам отвечу.

Нету ее, этой награды. Не предусмотрена.

Впрочем, я не совсем честен.

Это ложь, и будь я проклят, если продолжу врать самому себе. Нет, все. Хватит. Это мы уже проходили. Все осталось позади, ведь я выполнил задания туза крестей.

Хватит.

Хватит скулить.

И тогда я совершаю абсолютно дурацкий поступок.

Меня вдруг поднимает со стула, я подхожу к Одри и целую ее. Сбывается моя мечта: ее красные губы касаются моих, наше дыхание попадает в такт, глаза закрыты, но вся она — как на ладони: мысли, чувства. Они врываются в меня, обтекают со всех сторон, пролетают над головой — а меня бросает то в жар, то в холод, и ноги подгибаются, как у подстреленного.

Я убит — навывлет — поцелуем. А потом наши губы отрываются друг от друга. В образовавшуюся между мной и Одри пустоту осторожно прокрадывается тишина.

Во рту — вкус крови.

А потом я вижу кровь на губах у Одри — и удивление на ее лице.

О боже правый, у меня даже поцеловаться как следует не получилось! Я замазал ее кровью с разбитой губы!

Закрыть глаза.

Крепко-накрепко закрыть.

И тихо сказать:

— Одри, извини.

И отвернуться.

— Не знаю, что на меня нашло, я...

Слова иссякают. Очень предусмотрительно с их стороны. А мы с Одри стоим на кухне друг напротив друга.

У обоих на губах кровь.

Я принимаю ее решение, — она не хочет позволить себе любить меня. Но знает ли она, что никто и никогда не будет любить ее сильнее? Одри вытирает губы, я снова извиняюсь. А она вежливо улыбается, говорит, что ничего страшного. Просто не хочет портить сексом дружбу. Наверное, ей проще заниматься сексом, а не любовью. Не рискуя привязанностью. Что ж, если она не хочет, не желает любви — от кого бы то ни было, — я должен уважать ее выбор.

— Все в порядке, Эд, я не сержусь, — говорит Одри.

Она действительно не сердится.

Здорово все-таки, что мы с Одри всегда остаемся друзьями. Как-то оно так у нас хорошо получается — несмотря ни на что. Мы друзья — это факт. Однако мне кажется, это не навсегда. И надолго ли?

— Эд, улыбнись, — смеется она, собираясь уходить.

Разве можно ей отказать?

Я улыбаюсь.

— Удачи с пиками, — говорит Одри.

— Спасибо.

Дверь закрывается.

Время к двенадцати, пора идти в библиотеку. Я надеваю ботинки и выхожу из дому. И по-прежнему чувствую себя круглым дураком.

Теперь о книгах. Да, я много читал, но не брал книги в библиотеке, а покупал их — в основном у букинистов. В библиотеке я был последний раз довольно давно. Там еще стояли такие длинные ящики в каталоге. Даже во время учебы в школе, когда везде уже установили компьютеры, в библиотечном каталоге были ящики с карточками. Мне, кстати, нравилось выдвигать их, брать в руки карточки, читать под именем автора, какие книги он написал.

В общем, в библиотеке я ожидал увидеть пожилую тетеньку за стойкой, а вместо нее обнаружил молодого парня своего возраста — с длинными кудрявыми волосами. Нагловат, правда, но ничего.

— А где у вас карточки? — спрашиваю я.

— Какие именно? Кредитные? Дебетовые? Библиографические? — Парню явно нравится подначивать меня. — Что конкретно имеется в виду?

Понятно, что он пытается выставить меня неотесанным дураком — хотя, по большому счету, я совсем не нуждаюсь в его помощи.

— Ну как же, — объясняю, — карточки с именами авторов, названиями и всем прочим.

— Ах вот оно что! — начинает от души смеяться парень. — Давненько

ты не был в библиотеке, дружище!

— Да уж, — соглашаюсь я.

Ну что ж, один — ноль в пользу молодого человека за стойкой: теперь я действительно чувствую себя неотесанным дураком. Типа, могу ходить с плакатом на шее: «Я, Эд Кеннеди, полный дебил». Нужно что-то с этим делать. И я сообщаю:

— Зато я читал Джойса, Диккенса и Конрада.

— Это кто еще такие?

Ага! Один — один! Я раздуваюсь от гордости:

— Как? Ты не читал? Как у тебя получилось? Еще в библиотеке работаешь...

С кривой улыбочкой парень кивает: уел, мол — и говорит:

— Туше!

Туше!

Экие мы изысканные, ни слова в простоте.

Тем не менее библиотекарь резко потеплел ко мне, и от него наконец появился хоть какой-то толк.

— Нет больше карточек — все в компьютере, — говорит он. — Вот, смотри.

Мы идем к компьютерам, и он показывает:

— Давай, назови фамилию автора.

На меня нападает странное замешательство. Хоть убей, не хочу я ему называть фамилии с пикового туза! Они мои! Мои! Пусть Шекспира забьет в компьютер.

Он набирает Шекспира в поисковой строке, и все названия пьес выпадают списком. Он кликает в квадратике напротив «Макбета» и говорит:

— Вот так это работает. Понятно?

Я разглядываю экран и киваю:

— Ага, спасибо.

— Если что, позовешь.

— Ага.

Он уходит, а я остаюсь наедине с клавиатурой, моими авторами и экраном монитора.

Для начала забиваю в строку поиска Грэма Грина. Надо придерживаться того же порядка, в каком имена написаны на карте. Похлопав по карманам, пытаюсь обнаружить хоть какой-то клочок бумаги, но тщетно. Мятая салфетка — все, что у меня есть. Зато на столе имеется ручка на веревочке, и то хорошо. Итак, я набираю имя и нажимаю «Enter»,

и названия всех книг Грэма Грина выпадают списком на экран.

Некоторые мне очень даже нравятся.

Судите сами:

«Человеческий фактор».

«Брайтонский леденец».

«Суть дела».

«Сила и слава».

«Наш человек в Гаване».^[16]

Я их записываю, одно за другим, на салфетку. А к первому выписываю и библиотечный код.

Потом набираю «Моррис Уэст». Ух ты, тут тоже есть занятные:

«Виселица на песке».

«Башмаки рыбака».

«Дети солнца».

«Инспектор манежа».

«Божьи клоуны».

Ну что ж, теперь дело за Сильвией.

Надо сказать, что к ней я отношусь по-особому. В конце концов, именно ее вещь я читал. И именно о ней мне приснился сон. Если бы не она, разве сидел бы я здесь? Нет. Я бы до сих пор не знал, что мне делать и куда идти. И мне хочется, чтобы названия ее вещей были самыми лучшими. Наверное, я предвзят, но по мне так и есть:

«Зимний сейнер».

«Колосс».

«Ариэль».

«Шествуя по водам».

«Под стеклянным колпаком».

С исписанной салфеткой я иду к полкам — и беру все эти книги, по порядку. Любуюсь на них. Такие старинные, в твердой обложке — красной, синей или черной. Все-все книги я снимаю с полок и несу на стол. И сажусь над ними.

И вдруг понимаю.

Мне что же, всю эту чертову кучу бумаги нужно осилить за пару недель? Ладно, у Сильвии коротенькие стихотворения, но остальные-то двое понаписали здоровенных книжищ! Надеюсь, хороших, — а то я над ними как пить дать умру.

— Так, — говорит мне библиотекарь.

Я кладу на стойку огромную кипу книг.

— Нет, столько сразу не могу выдать. У нас ограничение по количеству! И вообще, у тебя билет есть?

— Какой билет? Проездной? На поезд? На самолет? О каком конкретно билете речь?

— Ладно-ладно, я все понял. Читательский. Читательский билет.

Нам обоим весело и совсем необидно. Парень лезет под стойку и выдает мне анкету:

— Заполни это, пожалуйста.

Став обладателем читательского билета, я пытаюсь его задобрить: мне ведь нужно утащить домой все эти книги, непременно.

— Спасибо. Я бы сам не разобрался.

Он с любопытством интересуется:

— Тебе точно нужны абсолютно все тома?

— Да. — Я выкладываю книги в аккуратную башню на стойке. — Да, абсолютно все.

Понятно, что так или иначе они окажутся у меня на руках. Я одного не понимаю — какие еще ограничения по количеству? Только нынешний нездоровый социум способен отказать индивидууму в утолении жажды знаний.

Тут я оглядываюсь на пустые ряды столов в читальном зале.

— Что-то не видно здесь наплыва народа. Сам-то подумай: кому эти книжки нужны, кроме меня?

Парень внимательно слушает, словно я адвокат на судебном процессе.

— Честно говоря, — отвечает он, — мне абсолютно пофиг, сколько книг кто берет. Но у нас такие правила. Если начальство узнает — сам понимаешь, что меня ждет.

— Что именно?

— Ну, не знаю... В общем, ничего хорошего!

Я продолжаю пристально смотреть ему в глаза — ни шагу назад! Эд Кеннеди не сдастся!

И в конце концов Эд Кеннеди побеждает.

— Ладно, — отмахивается парень. — Давай сюда свои книжки. Что-нибудь придумаю.

Он начинает проходиться по ним сканером:

— Начальство все равно ни в зуб ногой.

Когда парень завершает процесс, все восемнадцать томов переключиваются на мою сторону библиотечной стойки.

— Спасибо! — говорю я. — Причем большое!

И тут меня посещает запоздалая мысль: «А как же я все это домой

понесу?!»

Вызвать Марва, что ли? Какая-никакая, а все же машина...

Но в результате я добираюсь домой самостоятельно. Естественно, книги падали, пару раз мне приходилось присесть и отдохнуть — но в конце концов все восемнадцать томов добрались до места.

Руки у меня отваливаются.

Я и не знал, что слова могут быть такими тяжелыми...

Вечер проходит за чтением.

Один раз я все-таки уснул над книгой, — не подумайте об авторе ничего плохого. Просто на мне живого места нет после встречи с Роузами и футбольного матча.

Грэм Грин, кстати говоря, мне очень нравится. Ключи к разгадке пока не находятся, но мне почему-то кажется, что в книгах они не зашифрованы. Все должно быть проще. Во всяком случае, на это я надеюсь, оглядывая небольшие горные хребты, воздвигнутые из книг в гостиную. Их вид меня угнетает, по правде говоря. Как я отыщу ответ среди тысяч печатных страниц?

Будит меня холод, — подул южный ветер и стало прохладно, хотя вроде должно быть жарко. Начало декабря, а хочется надеть джемпер. Ну что ж, раз хочется, надо надеть. Проходя мимо входной двери, я обнаруживаю на ковре кусок бумаги.

Точнее, салфетку.

Беспокойство захлестывает меня. Я нагибаюсь, внимательно смотрю на белый исписанный клочок и поднимаю его. Выходит, за мной следили. Они видели, как я шел в библиотеку. Разбирался с книжками, нес их домой. Они знают, что названия книг я записал именно на салфетке.

На бумажке что-то написано.

Всего несколько слов, красными чернилами.

Дорогой Эд!

Ты постарался на славу, но не бойся — все проще, чем ты думаешь.

Вот так вот. Я иду обратно к дивану и сажусь за книги. Перечитываю много раз «Бесплодную женщину» — стихи уже намертво впечатались в память.

Швейцар просится на прогулку, и мы выходим. Бесцельно бродя по улицам, я пытаюсь угадать, какие адреса выпадут на этот раз.

— Что скажешь, приятель? Есть какие-нибудь идеи?

Швейцар не отвечает. Он слишком занят — нужно же все обнюхать, везде сунуть нос. Мало ли что интересное обнаружится.

А еще я понял, что ответы на вопросы висят у меня над головой — в виде указателей на каждом перекрестке и в начале каждой улицы. «А что, если послания зашифрованы в названиях книг?» Как это раньше не пришло мне в голову! Всего-то нужно сопоставить названия улиц и строчки библиографии каждого автора!

«Проще, чем ты думаешь», — вспоминаю я. Салфетка с названиями книг у меня в кармане — вместе с тузом пик. Вытащив карту и бумажку, я некоторое время стою и смотрю на них. Они смотрят на меня, а невидимые соглядатаи наверняка заметили, что меня посетило озарение. Я радостно сообщаю Швейцару:

— Пошли домой! Быстрее, быстрее!

Мы бежим — точнее, идем, ускоряя шаг. Приличной скорости Швейцару не развить, старенький уже. А я спешу — к книгам. Мне нужны указатели улиц — и немного времени.

Под конец мы все-таки переходим на бег.

Книги лежат и ждут, а я сижу со стареньким справочником, пытаюсь найти в нем слова из названий. Начинаем с Грэма Грина. Фактор-стрит отсутствует, с Гаваной и Брайтоном тоже не заладилось.

Но через минуту поиски увенчиваются успехом.

В руке у меня книга.

На черном корешке золотом вытеснено название: «Сила и слава». Я перелистываю справочник, и глаза мои расширяются от радости — вот оно! Улица Славы, Глори-роуд! Ура! Ура! Я взъерошиваю загривок Швейцара. Глори-роуд! Не отказался бы я жить на улице с таким названием!

Судя по карте, это где-то у самой окраины.

Так, теперь Моррис Уэст. Искомое находится практически сразу: «Божьи клоуны».

В верхней части пригорода обнаруживается Клоун-стрит.

И последняя — Сильвия. Ага, вот и Белл-стрит — из «Ариэля». Это маленький проулок рядом с главной улицей пригорода.

Теперь надо бы перепроверить — мало ли, вдруг еще что-нибудь подойдет?

Но нет, похоже, это единственные варианты.

Остается один вопрос. Улицы-то я нашел.

А номера домов?! Их у меня все еще нет!

Точно — остался я при пиковом интересе. Ни с чем.
Но ничего, прорвемся.

Все отгадки должны быть в книгах. Откладываем не вошедшие в список, сосредоточиваемся на трех финалистах. Отодвинутые в сторону тома мне жалко. Правда. Они похожи на толпу проигравших в последнем забеге — лежат на полу и смотрят на меня. Были бы они людьми — сидели бы, печально повесив головы.

Ну что ж, начнем с «Силы и славы». За книгой я засиживаюсь за полночь и только ближе к часу ночи поднимаю голову от страниц, чтобы узнать время. Никаких разгадок и отгадок не обнаружено. Ко мне медленно, но верно подбирается отчаяние. «А что, если я пропустил ключевой знак?» Такие мысли тоже посещают, но почему-то сохраняется уверенность, что, если б знак был, я бы его засек. Но вообще, странно. Домов на Глори-роуд не больше тридцати, так сколько еще мне нужно прочитать страниц? Однако продолжаю читать. Ибо чувствую — надо. Надо разбираться дальше. Брошу — потом сам пожалею.

В 3.46 (да уж, эти цифры на часах я запомнил!) ключ обнаруживается.
На сто сорок четвертой странице.

В самом низу, в левом углу, черной ручкой нарисованы пики. Прямо рядом со словами из диалога: «Отлично, Эд».

Я откидываюсь на спинку дивана и поздравляю себя с победой. Ну что ж, неплохо придумано. И мне нравится этот способ доставки — никакого скалолазания. И в дом никто не врывается, опять же. Все как у цивилизованных людей.

Ну-ка, ну-ка, займемся «Божьими клоунами». Я перелистываю страницы, выговаривая себе: «Эд, тупица, как это тебе в голову не пришло!» Надо было сразу так поступить! А не искать ключ к разгадке в каждом слове на каждой странице! «Проще, чем ты думаешь» — так ведь было сказано!

А вот и пики. На этот раз на двадцать третьей странице. В «Ариэле» — на тридцать девятой. У меня есть адреса и нет больше никаких сил — даже сидеть.

Я отправляюсь спать.

Во вторник вечером мы играем в карты у меня дома. У Ричи болит ключица: «Ежегодный беспредел» — это вам не шутки; Одри просто сидит и радуется жизни, а Марв выигрывает. И ведет себя безобразно — все как всегда, короче.

Я уже успел сходить на Глори-роуд. Посмотрел на дом номер сто четырнадцать. Там живет семья откуда-то из Полинезии. Муж — больше, чем тот амбал с Эдгар-стрит. Он работает на стройке. Жена для него — все. Королева. Богиня. В детях он тоже души не чает. Как придет с работы, тут же начинает с ними играть. Подбрасывает в воздух, они радостно хохочут и просят — еще, еще! Неудивительно, что они ждут не дождутся, когда папа придет домой.

Глори-роуд длинная и довольно пустынная улочка. Дома старые, еще с асбестоцементной облицовкой.

Пока непонятно, чем я могу помочь этой семье. Но есть уверенность, что ответ не заставит долго себя ждать.

— Смотрите-ка, а я снова выиграл! — злорадствует Марв.

Сидит, весь такой довольный, и попыхивает сигарой.

— Чтоб тебе провалиться! — цедит Ричи.

На самом деле он просто говорит вслух то, что думает каждый из нас.

Потом Марв принимается организовывать нашу встречу на Рождество.

В этот день по традиции мы тоже играем в карты.

— Ну и чья в этом году очередь? — спрашивает он.

Все прекрасно знают — Марва. Но он, естественно, пытается отвертеться. Наш друг и рождественский ужин — две вещи несовместные. Причем готовит Марв нормально. Просто он очень жадный. Марв физически не может разориться на индейку. Когда он повел меня завтракать в то утро перед матчем, я просто обалдел — настолько это непохоже на моего друга.

— Твоя очередь. — Палец Ричи упирается в Марва. — Твоя, дружище.

Прими это как данность.

— Подожди, мне кажется...

— Зря кажется. — Ричи непреклонен. — Твоя, твоя очередь, Марв.

— Слушайте, ну у меня же родители дома будут, сестра, опять же...

— Иди ты в задницу, Марв! Родители? Да мы обожаем твоих родителей!

Ричи в своем репертуаре. Все знают: ему абсолютно плевать, к кому мы все завалимся на Рождество. Просто он обожает подкалывать Марва.

— И сестра твоя нам очень нравится! Горячая, как огонь! Знойная женщина, короче!

— Знойная? Женщина? — переспрашивает Одри. — Ричи, ты вообще о чем?

— А я говорю — огонь, а не девка! — Ричи с грохотом бьет кулаком по столу.

Все покатываются со смеху, Марв морщится и ерзает.

— Нет, правда, — вступаю в беседу я. — В чем проблема? Денег у тебя завались! Сколько там, тридцать тысяч?

— Уже сорок, — сухо отвечает Марв.

Ремарка вызывает немедленную дискуссию — на что наш друг собирается потратить такую прорву денег? Марв шипит, что это не наше дело, и мы отстаем. В действительности его финансовые планы нас не очень-то интересуют. Нас вообще мало что волнует, признаться честно.

В результате я сдаюсь и говорю:

— Ладно, давайте устроим рождественскую вечеринку у меня. — И строго смотрю на Марва: — Но учти, Швейцар тоже будет присутствовать.

Судя по выражению лица, радости это моему другу не прибавляет. Но делать нечего, он соглашается.

А я все не унимаюсь:

— И вот еще что, Марв. Мы будем играть на Рождество в карты здесь, но только с одним условием.

— Каким?

— Ты принесешь Швейцару подарок.

Я не могу отказать себе в удовольствии воткнуть шпильку поглубже и даже провернуть ее в ране. Добившись от Марва уступки, нужно давить дальше, хотя результат уже превзошел все мои ожидания. Давненько я так не веселился!

— В общем, с тебя стейк — большой и сочный, заметь! И... — Ха-ха, старина Марв такого от меня не ожидал, это точно. — Ты должен будешь поцеловать мою псину. В морду!

Ричи щелкает пальцами:

— Отлично придумано!

Марв в шоке.

Он просто взбешен!

— Эд, это бесчестно! — взывает он к моей совести, но тщетно.

К тому же целоваться со Швейцаром все равно выгоднее, чем покупать индейку и заниматься готовкой. Так что Марв в конце концов соглашается.

— Ладно, уговорили. — И упирает в меня палец: — Но ты, Эд Кеннеди, натуральный извращенец.

— Премного благодарен за комплимент, дружище, — улыбаюсь я в ответ.

И понимаю, что — впервые за много лет! — радуюсь приближению рождественских праздников.

Я продолжаю наведываться на Глори-роуд в свободное от работы время. Да, живущая там семья еле сводит концы с концами, это понятно. Но что же требуется от меня? И вот однажды вечером, когда я, как всегда, стою на своем посту за кустами, ко мне выдвигается отец семейства. Он такой громадный, что может задушить меня одной левой. На лице у него явственно читается намерение так и поступить.

— Эй ты! — кричит он. — Ты там стоишь, а я все вижу! Очень хорошо тебя вижу!

Бежит он быстро, как носорог.

— Выходи из кустов быстро, ты, хитрое лицо!

Голос у него тихий и даже приятный — чувствуется, что парень не привык его повышать. Хотя с такими размерами ему и кричать-то не нужно — все разбегутся.

Но я не бегу. Стою на месте и успокаиваю себя: «Не волнуйся, Эд. Наверняка это часть задания».

Солнце садится за крышей дома, а мне приходится выйти из кустов. Я оказываюсь лицом к лицу с огромным, кудрявым, угрожающе выглядящим темнокожим мужчиной.

— Ты шпионишь за моими детьми?!

— Нет, сэр, — вскидываю я подбородок.

Нужно выглядеть уверенным в себе, честным малым.

«А в чем, собственно, дело? — поправляю я себя. — Где тут ложь?»
Хм, ну да, это не ложь, а почти правда, ага...

— Так чего ты тут околачиваешься?

Остается врать, честно глядя в глаза, и надеяться, что парень поверит.

— Видите ли, сэр. Когда-то давно моя семья жила в этом доме...

«Отлично, — думаю я про себя. — Растешь над собой, Эд Кеннеди, врешь людям, не моргнув глазом».

— В общем, мы жили здесь давным-давно, много лет назад, — а потом переехали. И я время от времени сюда прихожу вспомнить детские годы и все такое.

«Господи, — молю я про себя, — сделай так, чтобы эта семья переехала сюда недавно».

— Папа мой недавно умер, и я прихожу, чтобы вспомнить, как мы с ним играли на лужайке. Я смотрю на вас, сэр, как вы своих детишек подкидываете и на плечи сажаете, и вспоминаю папу...

Лицо моего собеседника смягчается.

Ну и слава богу...

Человек подходит ко мне поближе. Солнце опускается на четвереньки у него за спиной.

— Дом старый, плохой, совсем развалюха, — машет он рукой в сторону своего жилища. — Но денег на другой пока нет...

— А мне кажется, нормальный дом, — улыбаюсь я в ответ.

Так мы беседуем еще некоторое время, а потом мой собеседник делает кое-что неожиданное. Он отступает на шаг, на мгновение задумывается и огорошивает меня предложением:

— Слушай, а может, зайдешь? На ужин! Мы будем рады.

Внутри меня все кричит: «Эд, откажись! Провалишь легенду!» Но я принимаю приглашение. Почему? Доставляя послание, нельзя искать легких путей.

И мы идем к крыльцу и заходим в дом. Прежде чем переступить порог, человек оборачивается и говорит:

— Меня зовут Луа. Луа Татупу.

— А меня — Эд Кеннеди, — отвечаю я, и мыжимаем друг другу руки.

Точнее, огромная лапища Луа смыкается на моей ладони и не оставляет в ней ни одной целой кости.

— Мари? — зовет он. — Дети?

Луа оборачивается ко мне:

— Ну что, многое поменялось?

— А? — Тут я вспоминаю свою легенду. — Да нет, нет, все как прежде!

Тут из дверей вываливаются дети и начинают карабкаться по мне, как по дереву. Луа представляет меня жене и малышам. На ужин у них

картофельное пюре с сосисками.

Мы едим, а Луа рассказывает анекдоты. Дети хохочут, хотя Мари клянется, что все анекдоты бородатые и они слышали их уже тысячу раз. Жена Луа выглядит не очень — морщины под глазами, измученный вид. Ей нелегко: работа (продавщица в супермаркете), дети, готовка, уборка... Кожа у нее светлее, чем у Луа. А волосы такие же темно-коричневые и кудрявые. Когда-то она была очень красивой.

У них пятеро детей. Естественно, они все разом болтают за едой, несмотря на увещевания мамы. И хохочут, хохочут. У них такие счастливые глаза, что становится понятно — вот почему Луа так любит и балует их.

— А можно, Эд покатает меня на спине, пап? — спрашивает одна из девочек.

Я киваю, и Луа говорит:

— Конечно, милая. Но ты забыла про волшебное слово!

Тони, брат отца О'Райли, говорил точно так же.

Девчушка стучит себя ладошкой по лбу, улыбается и восклицает:

— Пожалуйста! Пожалуйста, пусть Эд покатает меня на спине!

— Конечно! — улыбается в ответ Луа.

Дети успевают прокатиться тринадцать раз, — потом меня спасает Мари. Самый младший ни за что не желает слезать, но жена Луа снимает его с моей спины:

— Джесси, Эд очень устал!

— Ну ла-а-адно.

Джесси милостиво слезает, и я со вздохом облегчения валюсь на диван.

Джесси лет шесть. Пока я лежу на диване, он шепчет мне на ухо — как выясняется, ответ на мой главный вопрос.

— Папа скоро повесит рождественскую гирлянду! Ты придешь посмотреть? Там лампочки разноцветные! Очень красивые, правда!

— Конечно приду, — обещаю я.

Оглядывая комнату, я уже почти сам верю, что когда-то жил здесь. Вот здесь мы с папой сидели, а вот тут обедали...

Луа уже лег спать, так что провожает меня Мари.

— Спасибо, — благодарю я. — За все.

Она смотрит на меня огромными добрыми карими глазами и говорит:

— Не за что. Приходи еще. Как время будет — так и заходи.

— Я зайду, — отвечаю я.

На этот раз совершенно честно.

На выходных я сворачиваю на Глори-роуд и прохожу мимо их дома. Рождественская гирлянда, как и обещал Джесси, уже висит, но она очень старая и блеклая. Кое-где недостает лампочек — видимо, разбились. К тому же они настолько древние, что даже не мигают. Над крыльцом растянута проводка с лампочками разного цвета, вот и все.

И я думаю: «Надо будет сюда еще прийти и внимательно все рассмотреть».

Вечером, когда гирлянда уже горит, мои подозрения подтверждаются: только половина лампочек в рабочем состоянии. Половина — это всего четыре. Четыре разноцветных огонька освещают рождественский ужин семьи Татупу. Понятно, что ничего особенного. Но я думаю, прав тот, кто сказал: великое — всегда в малом. Просто нужно это малое заметить.

При первой же возможности я наведу сюда еще раз. Когда все обитатели дома будут в школе или на работе.

Нужно что-то делать с этими негорящими старыми лампочками.

И я еду в «Кеймарт», огромный хозяйственный гипермаркет. И покупаю гирлянду — точно такую же, как та, что висит у Татупу над крыльцом, только новую. Большие, красивые зеленые, желтые, красные и голубые лампочки весело блестят боками. Среда, на улице жарко, может, поэтому никто не подошел и не спросил, что это я делаю на крыльце чужого дома, взгромоздившись на перевернутое ведро. Хотя и так понятно: снимаю старую гирлянду, разгибая один за другим гвозди, которыми закреплен провод. Но потом оказывается, что розетка-то в доме — провод тянется под дверь. Надо было заранее об этом озаботиться, ну что ж теперь поделаешь, — придется оставить все как есть. Я вешаю старую гирлянду обратно, а новую оставляю на пороге.

Просто кладу перед дверью, без всякой записки.

Что тут еще можно сделать, в конечном-то счете...

Хотя сначала я решил написать на коробке: «С Рождеством». Но потом передумал.

Дело-то не в словах, правда?

А в сияющих разноцветных лампочках над порогом. В великом, которое обнаруживается в малом.

Вечером того же дня я сижу себе на кухне и ем равиоли, и тут к дому подъезжает мини-вэн. Рычание двигателя прекращается, хлопают дверцы. И в мою входную дверь барабанят чьи-то кулачки.

Швейцар для разнообразия решает немного полаять в ответ. Я успокаиваю пса и открываю.

На пороге стоит семья Татупу в полном составе: Луа, Мари и дети.

— Привет, Эд, — радостно говорит Луа, и команда Татупу хором присоединяется к приветствию.

— Мы тут в телефонный справочник посмотрели, но тебя не нашли. Пришлось обзвонить всех окрестных Кеннеди! Твоя мама дала нам адрес!

В наступившей тишине я лихорадочно соображаю, что им могла сказать моя милая добрая мама. Тут в разговор вступает Мари:

— Поехали с нами!

По дороге к дому в мини-вэне стоит необычайная тишина. Я сижу, зажатый со всех сторон детьми, и мне не по себе. В окне мелькают огни фонарей, словно передо мной открываются и закрываются страницы какой-то книги. Посмотрев вперед, я ловлю взгляд Луа в зеркале заднего вида.

Через пять, а может, через десять минут мы подъезжаем. Мари командует детям:

— Ну-ка все побежали в дом!

И уходит вслед за ними. Мы с Луа остаемся сидеть в машине.

Он снова смотрит в зеркало заднего вида — и снова наши глаза встречаются.

— Ты готов? — спрашивает он.

— К чему?

Он лишь качает головой.

— Да ладно, Эд, ты прекрасно знаешь, к чему.

И Луа выходит и закрывает за собой дверь.

И зовет меня через окно:

— Выходи, юноша.

Юноша.

Звучит не очень приятно. Многообещающе так звучит. Похоже, я его оскорбил — ну, тем, что купил новую гирлянду. А может, Луа решил, что это намек — типа, он семью не может обеспечить, и что я подумал: «Этот нищелюб и неудачник даже лампочки новые ввинтить не может, дай-ка я ему помогу». У меня не хватает мужества поднять глаза на дом. Мы просто идем и встаем на краю дороги. Луа поворачивается ко мне. Кругом темно. Очень темно.

Мы стоим.

Луа смотрит на меня.

А я смотрю в землю.

А потом я слышу, как хлопает дверь, причем пару раз. Из дома пулей вылетают дети, один за другим. За ними спешит Мари.

И тут я понимаю: одного ребенка не хватает.

Джесси.

Снова пересчитываю детей — и снова упираюсь взглядом в землю. И тут Луа громко кричит — так, что я аж подпрыгиваю:

— Давай, Джесс!

Мгновения падают. Я нахожу в себе силы посмотреть вверх.

И вижу: старый дом залит ярким светом. Лампочки сияют. Они настолько прекрасны, что кажется, это их огни поддерживают старые облезлые стены в воздухе. На лицах детей, Луа и Мари играют разноцветные отблески. По моим улыбающимся губам пробегают волны красного цвета. Дети визжат от восторга и хлопают в ладоши. Кричат, что это лучшее Рождество в их жизни. Девочки берутся за руки и принимаются танцевать. Тут из дома выбегает Джесси — посмотреть на иллюминацию.

— Он очень хотел сам включить гирлянду, — говорит мне Луа, и я вижу, что у Джесси на лице самая широкая, самая благодарная и самая живая улыбка из всех, что я видел.

«Вот оно, прекрасное мгновение, — приходит мне в голову. — Для Луа и Мари».

— Когда мы обнаружили эту новую гирлянду, Джесси потребовал, чтобы ты тоже посмотрел, как мы ее включим. Вот мы тебя и привезли!

Я с улыбкой киваю. На земле перед домом играют цветные отблески.

В глазах у меня все плывет — от яркого света и от счастья.

«Вот оно, — думаю я. — Сила и слава».

Под ночным небом в разноцветных лучах танцуют дети.
И тут я вижу еще кое-что.
Луа и Мари стоят, взявшись за руки.
Они абсолютно, безусловно счастливы — пусть на мгновение, но
счастливы. Их дети танцуют, а старый дом залит сияющим светом.
Луа целует жену.
Нежно, просто касаясь губами ее губ.
Мари отвечает на его поцелуй.
Они прекрасны.
Я не про внешность.
И не про слова.
А про то, какие они на самом деле.

Мари просит меня зайти в дом на чашку кофе. Я пытаюсь отказаться, но она настойчива:

— Ну Эд, ну пойдем.

Как тут не пойти? И вот мы сидим, пьем кофе и разговариваем.

Все идет хорошо, но вдруг беседа останавливается, слова Мари повисают в воздухе между нами, а она только размешивает кофе ложечкой и молчит. А потом говорит:

— Я очень тебе признательна, Эд. — Морщинки собираются в уголках глаз, улыбка становится хитрой. — Большое тебе спасибо.

— Да за что?

Она качает головой — мол, меня ты не проведешь.

— Ну же, Эд. Ты сам прекрасно знаешь. И мы знаем. Это ведь ты все сделал. Джесси — он же секреты хранить совсем не умеет. Хоть рот ему заклеивай! Так что мы знаем, это ты.

Я со вздохом сдаюсь:

— Вы это заслужили.

— Чем? — явно не удовлетворена она ответом. — И почему именно мы?

— Почему именно вы? — Я решаю сказать правду: — Понятия не имею.

И прихлебываю кофе.

— Это длинная история. Которую к тому же не так-то легко рассказать. В общем, я просто стоял перед вашим домом, — и все случилось как-то само собой.

Тут подходит Луа, расталкивает повисшие между нами слова и пихает их в мою сторону. А потом говорит:

— Эд, мы тут уже больше года живем. И никто — ни одна живая душа — не подошел и не спросил, нужна ли нам помощь. Даже слова доброго никто не сказал. — Он пьет кофе. — Но мы ничего другого и не ждали. У всех свои проблемы, кому еще чужие нужны. — Мы встречаемся с ним

глазами — всего на мгновение. — И тут — бац! — появляешься ты. Вот что нам непонятно.

И вот я оказываюсь внутри мгновения абсолютной ясности. И говорю:
— Я сам не понимаю, если честно. Мне кажется, лучше принять все таким, какое оно есть, и не искать объяснений.

Мари соглашается. Но хочет кое-что добавить:

— Ну что ж, не искать так не искать. Но все равно мы бы хотели тебя поблагодарить.

— Да, — поддерживает ее Луа.

Мари кивает, он встает и идет к холодильнику. К дверце магнитом прилеплен конверт. На нем написано: «Эд Кеннеди». Луа возвращается и протягивает мне его.

— Мы люди небогатые, — говорит он, — но мы старались. Для тебя.

Конверт ложится мне в ладони.

— Тебе должно понравиться. Ну, просто мне так кажется.

Внутри — нарисованная от руки рождественская открытка. Похоже, в ее изготовлении поучаствовали все дети. На рисунке — елки, увешанные гирляндами. И играющие дети. Понятно, что рисунки — большей частью детское каля-маля, но по мне, они замечательные. Внутри написано поздравление — тоже детской рукой:

*Дорогой Эд!
С Рождеством! Надеемся, что у тебя тоже
есть гирлянда, такая же красивая, как та,
что ты нам подарил.*

Вся семья Тамуну

[\[17\]](#)

Я расплываюсь в улыбке, встаю и иду в гостиную. Дети лежат на ковре и смотрят телевизор.

— Спасибо за открытку! — говорю я.

Они отвечают хором, но голосок Джесси слышен лучше всех:

— Мы старались, Эд!

И они снова утыкаются в экран. Идет кино — о приключениях животных и все такое. Вниз по реке плывет картонная коробка с котом, и его судьба интересует детей гораздо больше, чем беседы со мной.

— Тогда пока!

Но они меня, конечно, не слышат.

Посмотрев еще раз на рисунки, я иду обратно на кухню.

Оказывается, это еще не все.

Луа протягивает мне маленький темный камень с узором в виде креста.

— Мне это подарил друг. На счастье. Возьми, Эд, — говорит он. И протягивает камешек. — Я хочу, чтобы теперь он был у тебя.

Мы, все трое, смотрим на него. Молча.

А потом я — неожиданно для самого себя — говорю:

— Прости, Луа, но я не могу это принять.

Голос хозяина дома спокоен и мягок, но очень настойчив. И глаза раскрыты широко-широко, в них плещется желание убедить меня.

— Эд! Ты должен это взять! Ты нам столько дал! Даже не представляешь, как много!

И Луа снова протягивает мне камень. А потом берет и кладет мне в ладонь и смыкает над ним пальцы — держи, мол, крепче. Моя рука лежит в его ладонях.

— Теперь он твой.

— Он не только на счастье, — поясняет Мари. — Это чтобы ты нас не забывал.

Теперь уж точно нельзя отказываться. Я смотрю на камень.

— Спасибо, — говорю я супругам Татупу. — Я буду его беречь.

Луа кладет руку мне на плечо:

— Я знаю.

И мы вдвоем стоим на кухне. Вместе. Как одна семья.

На прощание Мари целует меня в щеку.

— Помни, — говорит он. — Мы всегда тебе рады. Заходи почаще.

— Спасибо, — благодарю я и иду к двери.

Луа говорит, что довезет меня до дома, но я отказываюсь. В основном, потому что мне действительно хочется прогуляться сегодня вечером. Мыжимаем друг другу руки, и Луа опять пытается переломать мне кости своей лапицей.

Он провожает меня к дороге. А потом задает последний на сегодня вопрос:

— Эд, я могу у тебя кое-что спросить?

Мы стоим в нескольких шагах друг от друга.

— Да, Луа.

Он отступает еще на шаг, и мы оказываемся в полной темноте. За нашими спинами переливаются огнями разноцветные лампочки. Наступает мгновение истины.

— Ты ведь никогда не жил в этом доме, правда? — говорит Луа.

Врать нельзя. Пути к отступлению отрезаны.

— Нет, — честно говорю я. — Не жил.

Мы смотрим друг на друга, и по лицу Луа видно: он хотел бы о многом спросить. Даже раскрыл рот, чтобы задать вопрос, и вдруг передумал. Видимо, понял: не надо портить такое прекрасное мгновение лишними словами.

Пусть все идет как идет.

— Пока, Эд.

— Пока, Луа.

Мы обмениваемся рукопожатиями и расходимся в разные стороны.

Дойдя до перекрестка, прежде чем повернуть за угол, я оглядываюсь. Мне хочется еще раз посмотреть на огни гирлянды.

Сегодня самый жаркий день в году. А я как на грех работаю в дневную смену. В машине есть кондиционер, но он почему-то ломается. Пассажиры, конечно, очень недовольны. Я честно предупреждаю всех о поломке, но от поездки отказывается только один. Человек жадно затягивается сигаретой и разочарованно замечает:

— Ну нет, без кондиционера — нереально.

— Понятное дело, — согласно пожимаю плечами я.

Камень Луа Татупу лежит в левом кармане. Возможно, это из-за него безумное движение в центре города меня почему-то совсем не раздражает. Вроде сплошные пробки, все стоят, даже на зеленый, — а я все равно чувствую себя очень счастливым.

Поставив машину на стоянку, я вижу, как подъезжает Одри. Она опускает стекло и говорит:

— Черт, я вся вспотела! Такая жарница!

А я представляю капельки испарины на ее коже. Как бы я слизывал их языком. Перед глазами проходят соблазнительные картины, — надеюсь, это не видно по моему лицу.

— Эд?..

Волосы у нее не очень чистые, но для меня они все равно самые красивые. Светлые такие, цвета пшеницы. На лице Одри прыгают три или четыре солнечных зайчика. Она повторяет:

— Эд?..

— Извини, — откликаюсь я наконец. — Задумался о своем. — И оборачиваюсь — туда, где стоит ее парень. Ждет, когда Одри выйдет из машины и подойдет. — Смотри, кто тебя дожидается.

Повернувшись к Одри, я промахиваюсь взглядом и упираюсь в пальцы на руле. Они лежат совершенно расслабленно, купаясь в солнечном свете. До чего же они красивые. «Интересно, а этот хрен подмечает такие мелочи?» — сердито думаю я. Но Одри, конечно, ничего не говорю.

— Пока, — прощаюсь я.

И отхожу от машины.

— Спокойной ночи, Эд, — отвечает она.

И трогается с места.

Уже темно, я давно оставил машину на стоянке и иду по городу. Сворачиваю на Клоун-стрит. Но Одри все равно стоит у меня перед глазами. Руки. Стройные длинные ноги. Вот она улыбается своему парню. Они сидят и едят. Перед моими глазами картина: парень кормит ее с рук, а она берет губами кусочки. Ее губы касаются его пальцев, они все перемазаны и оттого еще более красивы.

За мной плетется Швейцар.

Мой верный старый друг.

По дороге я покупаю огромный пакет горячих чипсов — с уксусом и солью. Все как в старые добрые времена, на кулек пошла страница сегодняшней газеты. Раздел «Скачки» — пятна от уксуса проступают на строчках про фаворитку этого сезона, кобылу-двухлетку по имени Ломоть Бекон. Интересно, пришла ли она первой. Швейцару, впрочем, не до спортивных сводок. Он унюхал чипсы и надеется, что я с ним поделюсь.

Дойдя до дома № 23 по Клоун-стрит, я обнаруживаю, что это ресторан. Маленький такой, называется «У Мелуссо». Итальянский. Вокруг — торговый квартал, посетителей много. Внутри — полумрак. Похоже, все хозяева мелких ресторанчиков считают: раз темно — значит уютно. Но пахнет оттуда вкусно.

Напротив стоит скамейка. На ней-то мы со Швейцаром и располагаемся. И начинаем неспешно поедать чипсы. Я лезу в жирный, мокрый от уксуса пакет и наслаждаюсь каждым мгновением. Время от времени чипсину получает и Швейцар. Он провожает ее взглядом до самой земли, потом наклоняется и облизывает. Впрочем, я ни разу не видел, чтобы Швейцар не сожрал то, что ему кинули. Похоже, мою собаку не очень-то волнует уровень холестерина в крови.

Этим вечером ничего не произошло.

Следующим тоже.

По правде говоря, мне кажется, мы попусту теряем время.

Хотя теперь у нас есть, можно сказать, традиция. Каждый вечер мы со Швейцаром идем на Клоун-стрит, садимся и едим чипсы.

Хозяин ресторана — пожилой, очень представительный мужчина. Мое послание — не ему, голову даю на отсечение. Что-то тут должно произойти. Причем совсем скоро.

В пятницу вечером, отдежурив свое перед рестораном, я возвращаюсь домой и обнаруживаю на крыльце Одри. На ней спортивные штаны и рубашка. Под которой нет лифчика. Грудь у Одри не то чтобы очень большие, но красивые. Я останавливаюсь, вздыхаю — и иду дальше. Швейцар тоже ее заметил и радостно припустил к крыльцу.

— Привет! — ласково треплет псину Одри.

Они большие друзья, да.

— Привет, Эд.

— Привет, Одри.

Я открываю дверь, она проходит следом.

Мы садимся.

На кухне.

— Где тебя носило? Поздно ведь уже! — спрашивает она.

А я едва сдерживаю смех: обычно такой вопрос задают злые жены подгулявшим мужьям.

— На Клоун-стрит.

— Где?! На какой-какой улице?

— На Клоун-стрит, — киваю я. — Ну, там где итальянский ресторан.

— У нас что, есть улица имени клоуна?

— Ну да.

— Ну и что там?

— Пока ничего.

— Понятно.

Она отворачивается, а я собираюсь с духом. И спрашиваю:

— А ты зачем пришла?

Она смотрит вниз. Потом в сторону.

А потом наконец говорит:

— Ну... мне кажется, я соскучилась. По тебе.

У нее бледно-зеленые, влажные глаза. Мне бы очень хотелось сказать, что мы неделю как виделись, когда же она успела соскучиться, — но я понимаю, что она имеет в виду.

— Эд, ты в последнее время как-то отдалился. И вообще очень изменился. Ну, с тех пор, как все это началось.

— Изменился?

Я переспрашиваю, но на самом деле все ясно. Я действительно изменился.

Мы смотрим друг на друга. Я встаю.

— Да, — кивает она. — Раньше ты был всегда... под рукой, что ли. —

Одри произносит это неохотно, будто ей неприятно слышать собственные слова. Но, похоже, ей необходимо выговориться. — А теперь как-то... вырос. Не знаю, что ты делал и через что тебе пришлось пройти, но ты... в общем, и вправду отдалился. От нас. От... меня.

Вот что значит ирония судьбы. Я отдалился. Да у меня в жизни не было другого желания, кроме как сблизиться с Одри! Я всю жизнь мечтал лишь об этом! И чего только не делал, чтобы добиться!

— И ты стал... лучше, — подводит черту Одри.

Кажется, я начинаю понимать, что она имеет в виду. Вижу ситуацию ее глазами. Одри вполне устраивало, что в ее жизни есть «просто Эд». Так было спокойнее. И понятнее. И тут — раз! — все изменилось. Я поменял свою жизнь. Вмешался в ход событий. Совсем капельку, но равновесие между мной и Одри необратимо нарушилось. Это ее пугает. Возможно, Одри думает, раз она не может быть со мной, я ее брошу.

И мы больше не будем встречаться — вот так, как прежде.

Одри не хочет меня полюбить. Но и потерять тоже не хочет.

Она хочет, чтобы все было по-прежнему. «Все в порядке?» — «Все в порядке».

Но уверенности в будущем у меня нет.

«Все будет хорошо», — хочется пообещать ей.

Я тоже хочу на это надеяться.

Мы все еще сидим на кухне, пальцы нащупывают в кармане подаренный Луа камушек. Я размышляю над словами Одри. Возможно, я действительно совлекаю с себя ветхого Эда Кеннеди ради нового человека, идущего к цели, а не прозябающего в стороне от дел. Возможно, однажды утром я проснусь и встану уже иным, а посмотрев вниз, увижу себя прежнего мертвым меж простыней.

Я знаю: это будет во благо.

Но откуда во мне столько печали?

Разве не этого я хотел с самого начала?

В результате я встаю и иду к холодильнику за выпивкой. Да, анализ ситуации привел меня именно к такому умозаключению: нам с Одри нужно напиться. Одри, кстати, полностью согласна.

— Так что же ты делала, — спрашиваю я, уже развалившись на диване, — пока я околачивался на Клоун-стрит?

Бедняжка не знает, как вывернуться.

Правда, Одри уже порядочно набралась, и поэтому я все-таки получаю ответ на свой вопрос. Уклончивый, но ответ.

— А то ты сам не знаешь, — смущенно бормочет она.

— Нет, — решаю я немного поддразнить ее, — не знаю.

— Ну... мы с Саймоном... ну... пару часов у меня дома...

— Пару часо-о-ов! — Уязвлен я в самое сердце, но стараюсь не выдать этого. — Ничего себе! Как же ты ко мне доползла после такого марафона?..

— Сама не знаю, — пожимает плечами Одри. — Саймон ушел, а мне вдруг стало так пусто на душе...

«И ты пришла ко мне», — думаю я, как ни странно, без всякой горечи. В любом случае, сейчас мне не больно. Если рассуждать рационально, физические отношения не столь важны. Я нужен Одри, здесь и сейчас, — ну что ж, это не так и плохо. Мы же старые друзья, в конце концов.

Одри будит меня. Мы все еще сидим на диване в гостиной. На журнальном столике собралась небольшая толпа бутылок. Они стоят и смотрят. Как любопытные вокруг места аварии.

Одри пристально глядит на меня, ежится и выдает вопрос:

— Эд, скажи честно. Ты меня ненавидишь?

В желудке у меня плещутся водка с запивкой-газировкой, а в голове пусто. Поэтому я отвечаю — серьезно-пресерьезно:

— Да. Ненавижу.

Между нами повисает страшная тишина, и мы, не сговариваясь, отталкиваем ее от себя смехом. Она упрямо кружится и возвращается, но мы снова хохочем. Смех и тишина крутятся и сталкиваются перед нами, а мы смеемся снова и снова, чтобы прогнать молчание.

Успокоившись и отогнав тишину, Одри шепчет:

— Я тебя очень хорошо понимаю.

Будит меня страшный грохот — кто-то нещадно колотит в дверь.

Заплетаясь ногами, я тащусь открывать и вижу перед собой того самого парня, который сбежал, не заплатив. Кажется, с той ночи у реки прошла целая вечность.

Парень смотрит очень сердито.

Впрочем, а когда он смотрел иначе?

Он поднимает ладонь — молчи, мол, и дай мне сказать первым. И говорит:

— В общем, — выдерживает он театральную паузу, — заткнись и слушай.

По голосу ясно, что парень не просто сердит. Он очень сердит.

— Смотри, Эд. — Желтые глазищи царапают меня, как кошачьи когти. — Сейчас три часа утра. Жара, причем влажная, а мы тут с тобой стоим и беседы беседуем.

— Да, — соглашаюсь я. В голове моей алкогольные пары висят такой тучей, что впору дождю идти. — Беседуем, — подтверждаю я слова парня.

— Издеваешься?

Ссориться мне не хочется. Совсем.

— Извини. Что случилось?

Он молчит, а воздух между нами искрит. Парень реально злится. Наконец он выдавливает из себя:

— Завтра. Ровно в восемь вечера. «У Мелуссо». — Он поворачивается, чтобы уйти, и вдруг вспоминает: — Да, вот еще что.

— Слушаю.

— Чипсы не жри больше, ладно? А то меня стошнит уже скоро. — Палец угрожающе тычет мне в грудь. — И это, давай, поторапливайся уже. Мне, можно подумать, делать больше нечего, как за тобой бегать! Понятно, нет?

— Понятно, — киваю я и, несмотря на дозу алкоголя в крови и туман в голове, решаю попытать удачи. — Кто тебя послал?

Желтоглазый, злющий, зятянутый в черную кожу парень снова вспрыгивает ко мне на крыльцо. И шипит:

— А я знаю? — А потом хихикает и качает головой. — И вообще, ты бы сам головой подумал. Считаешь, ты один тузы по почте получаешь?

Он хихикает снова, разворачивается и уходит прочь, растворяясь в темноте. Сливаясь с мраком.

Одри стоит у меня за спиной, и я понимаю: надо сесть и все обдумать.

Для начала я записываю все, что было сказано.

«У Мелуссо». Ровно в восемь вечера. Быть там непременно.

Записку я наклеиваю на дверь холодильника. И отправляюсь спать. Вместе с Одри. Во сне она обычно кладет на меня ногу, и мне нравится чувствовать ее дыхание на шее. Минут через десять она просит:

— Эд, расскажи мне, пожалуйста, все. Где ты был? Что ты делал?

Когда-то я проговорился про задания на бубновом тузе. Без подробностей.

Сейчас мне тоже не до того — спать хочется. Но делать нечего, приходится рассказывать.

Про Миллу. Милую, добрую Миллу. Я говорю, а перед глазами стоят

ее умоляющие глаза: «Я же берегла тебя как зеницу ока, правда, Джимми?»

Про Софи. Девушку, которая бегала по утрам босиком и...

Одри уснула.

Она спит, а я не могу остановиться и рассказываю дальше. Про Эдгар-стрит и другие послания. Про камни. Про то, как меня побили на моей же кухне. Про отца О'Райли. Энджи Каруссо. Братцев Роуз. Семейю Татупу.

За рассказом я обнаруживаю, что абсолютно счастлив и совсем не хочу спать. Однако время идет, ночь наваливается, отвешивает подзатыльник — и я ныряю в глубокий сон.

Вы когда-нибудь видели, как зевает красивая девушка? Завораживающее зрелище. Пробирающее до мурашек.

В особенности если девушка стоит у вас на кухне в одних трусиках и рубашке. И зевает.

Именно этим Одри сейчас и занимается. А я мою посуду. Ополаскиваю тарелку, — и тут входит она. Трет глаза, зевает и улыбается.

— Выспалась?

— Ага, — кивает она. — С тобой удобно.

Можно, конечно, рассердиться. Но это комплимент.

— Садись, — машу я приглашающе.

А глаза мои невольно проходятся по ее рубашке и бедрам. Потом сползают к коленям, голяшкам и щиколоткам. И все это за одну секунду. У Одри нежные, хрупкие ступни. Такие беззащитные, словно вот-вот растают и растекутся по полу кухни.

Я насыпаю ей чашку хлопьев, и она их с хрустом жует. Мне даже не надо спрашивать, что бы она хотела на завтрак. Я и так знаю. Я вообще знаю об Одри очень многое.

Это подтверждается чуть позже, — Одри уже приняла душ и оделась.

У двери она оборачивается и говорит:

— Эд, спасибо тебе.

Следует небольшая пауза. Потом Одри замечает:

— А ведь ты лучше всех меня знаешь. И ты очень добрый. Мне с тобой так хорошо.

Она даже наклоняется и целует меня. В щечку.

— Спасибо, что терпишь меня. Такую.

Одри уходит, а я стою и наслаждаюсь ее поцелуем. Его вкусом.

А она идет по улице, потом сворачивает за угол. И перед тем как повернуть, Одри останавливается — потому что знает, я стою и смотрю вслед. Она машет мне. Я машу в ответ. А потом она исчезает из виду.

Медленно.

И временами — очень болезненно.
Одри — меня — убивает.

«И вот еще что. Чипсы не жри больше, ладно?»

В ушах звучат слова давешнего визитера.

Целый день я не могу от них избавиться, они вспоминаются и вспоминаются.

Они, и еще вот эти: «Думаешь, ты один тузы по почте получаешь?»

Понятно, что технически это был вопрос. Но на самом деле утверждение. Тут я начинаю думать: а что, если все люди, встретившиеся мне, тоже посланцы? Прямо как я? Вдруг им тоже угрожали, и они в отчаянии пытаются выполнить задания — потому что иначе им крышка? Может, им тоже в почтовые ящики подкидывали карты и пистолеты. Ну или что-то другое, в зависимости от задания. «Наверное, там все индивидуально, — думаю я. — Мне вот карты прислали, потому что я играю в карты. А Дэрилу и Кейту, наверное, выдали вязанные шлемы. А желтоглазому парню — черную куртку и сварливый характер».

Без четверти восемь мне нужно быть «У Мелуссо». Без Швейцара. Потому что в этот раз придется зайти в ресторан. Перед уходом я объясняю Швейцару сложившуюся ситуацию.

Пес смотрит на меня.

«Как же так? — жалобно интересуется он. — А чипсы?»

— Прости, дружище. Не сегодня. Но обещаю: вечером принесу что-нибудь вкусненькое.

Впрочем, ко времени моего ухода настроение Швейцара заметно улучшилось. Я намешал ему целую бадью кофе с мороженым. Он аж пританцовывал, когда я ставил перед ним миску.

«Вкусно», — одобрительно говорит пес.

Ну что ж, приятно знать, что мы не поссорились.

Честно говоря, мне не хватает Швейцара на сегодняшней прогулке. Несправедливо как-то: мы ходили к ресторану каждый божий день вместе, а сегодня я иду без него, и все лавры победителя достанутся мне одному.

Остается последний вопрос.

Будут ли они вообще, эти лавры.

Надо постоянно держать в голове: на пути всегда возможны неожиданные трудности и проблемы. Вещдок номер один: Эдгар-стрит. Вещдок номер два: братцы Роуз.

Интересно, в чем заключается нынешнее задание? Что и кому я должен доставить? В ресторане царят полутьма и приятные запахи. Пахнет

пастой, соусом к ней и чесноком. За мной вроде бы никто не следил. Во всяком случае, мне показалось, ни одна живая душа не проявила ко мне интереса. Люди делали то, что обычно.

Болтали. Криво ставили машины. Ругались. Кричали детям: «Поторопись!» и «А ну-ка, прекратили драться!».

В общем, все как обычно.

Оказавшись в ресторане, я прошу пампушку-официантку посадить меня в уголок потемнее.

— Вон туда? — изумляется она. — Рядом с кухней?

— Ну да.

— Странно. Обычно никто не хочет садиться за этот столик. Вы уверены?

— Абсолютно.

«Станный какой-то парень», — читаю я на ее лице.

Девушка ведет меня к столику.

— Винную карту?

— Что?

— Вино будете пить?

— Нет, спасибо.

Она быстро забирает со стола винную карту и перечисляет блюда дня. Я заказываю спагетти с мясными шариками и лазанью.

— Кого-то ждете?

— Да нет... — качаю я головой.

— Так вы что, оба блюда собираетесь съесть?

— Нет, нет, конечно. Лазанья — для моего пса. Я обещал ему принести чего-нибудь вкусного, — спохватываюсь я.

Официантка окидывает меня взглядом, в котором без труда читается: «Жалкий, одинокий, голоштаный уродец». Ее можно понять, в принципе. Вслух она произносит:

— Я вам лазанью перед уходом принесу, ладно?

— Ага, спасибо.

— Что-нибудь попить?

— Нет, спасибо.

Надо сказать, я в ресторанах питье никогда не заказываю. Попить можно дома. Это ресторанную еду дома фиг приготовишь.

Официантка уходит, и я разглядываю публику. Зал наполовину полон. Кто-то ест от пуза, кто-то дегустирует вино, а вот молодая пара, они целуются и кормят друг друга с вилочки. Единственный любопытный посетитель — мужчина, который сидит неподалеку от меня. Он явно кого-

то ждет. Пьет вино, но не ест. На мужчине костюм, черные с проседью волосы аккуратно зачесаны назад.

Мне приносят спагетти с мясными шариками, и тут происходит нечто, объясняющее, зачем я здесь.

Честно говоря, мне чуть конец не пришел, когда появилась женщина, которую ждал мужчина в костюме. Я поперхнулся и едва не закололся вилкой.

Мужчина тем временем встал, поцеловал ее и положил ладони ей на бедра.

Эта женщина — Беверли Энн Кеннеди.

Бев Кеннеди.

На этих страницах также появлявшаяся под именем «мама».

«Охренеть, что ж теперь делать-то?..» — проносится у меня в голове. Я почти вжался в стол — а вдруг увидит?

Спагетти застряли в горле. Похоже, меня сейчас вытошнит прямо в тарелку.

На матери подчеркивающее фигуру красивое платье. Блестящее, темно-синее. Как грозовое облако. Она грациозно опускается на стул, пряди волос изящно обрамляют лицо.

В общем, я впервые увидел в ней женщину. Потому что для меня она — кто? Мамаша, которая обзывается и считает придурком. А сегодня на ней сережки, лицо — загорелое, а карие глаза смеются. Улыбка, конечно, собирает на ее лице морщинки, но все равно видно, она счастлива.

И она в восторге, что нравится этому мужчине.

Мужчина напротив ведет себя как настоящий джентльмен: подливает вина, спрашивает, что бы она хотела заказать. Парочка непринужденно и весело болтает, но мне не слышно, о чем. И если честно, я этому рад. Не хочу ничего знать.

Я думаю об отце.

Думаю, — и так грустно становится, что хоть волком вой.

Не знаю, мне кажется, он не заслужил такого. Нет, понятно, он был пьяницей и под конец жизни совсем спился. Но! Он был добрый, щедрый, милый человек. Я смотрю в тарелку со спагетти, а вижу его черные волосы и светло-серые глаза. Он был высокий и на работу всегда ходил во фланелевой рубашке. Из угла рта торчала сигарета. Но дома он не курил. В смысле, в комнатах. Да, он тоже был джентльменом, — несмотря ни на что.

А еще я помню, как вечерами, когда уже закрывались пабы, он, спотыкаясь, заходил в дом и плелся к дивану.

Мама, конечно, орала на него как потерпевшая. Но ему со временем стало все равно.

А она беспрерывно к нему придиралась. Он вкалывал, как ломовая лошадь, а ей все было мало. Помните про журнальный столик, который не подошел? Так вот, отцу приходилось каждый день выслушивать подобное.

В детстве он часто возил нас по всяким интересным местам. В национальный парк, на пляж, на детскую площадку — не рядом с домом, а на ту, дальнюю, где стояла здоровенная железная ракета. Да уж, детские площадки прежних времен не идут ни в какое сравнение с тошнотными пластмассовыми сооружениями, на которых сейчас играют бедные дети. В общем, мы бежали играть, а он сидел и смотрел на нас. Мы время от времени посматривали в его сторону. А он сидел, курил — и, наверное, о чем-нибудь мечтал. Мое первое детское воспоминание — мне четыре и я еду на закорках у Грегора Кеннеди, моего отца. Тогда мир не казался таким уж большим, и куда бы я ни посмотрел, вид открывался замечательный. Отец был героем-суперменом. Не обычным смертным.

А теперь я сижу, смотрю на спагетти и задаюсь вопросом: что же делать дальше?

Надо тянуть время, и поэтому я не доедаю мясные шарики. И все смотрю, смотрю на маму, которая пришла на свидание с чужим мужчиной. Похоже, они тут не первый раз. Официантка их знает — вон, подошла, мама с кавалером с ней поболтали. Им очень хорошо вдвоем.

Мне хочется разозлиться, почувствовать горечь момента. Но я себя одергиваю: какой в этом прок? В конце концов, она тоже человек, у нее есть право на счастье.

И только чуть позже я понимаю, почему в глубине души мне неприятно, что она счастлива.

Дело не в моем отце.

Дело во мне.

Меня опять чуть не стошнило в тарелку, когда я понял, насколько ужасно, отвратительно и неприглядно мое положение.

Вот сидит моя мама — ей за пятьдесят, и она вовсю крутит роман с каким-то дядькой. И вот я — молодой, двадцати еще нет. Сижу в полном, безнадежном одиночестве.

Я осуждающе качаю головой.

Надо же быть таким придурком.

Официантка забирает недоеденные мясные шарики и приносит лазанью в пластиковой коробочке. Швейцар, несомненно, обрадуется гостинцу.

Потом я прокрадываюсь к стойке — оплатить счет. Тайком оглядываюсь на маму с кавалером. Хорошо бы они меня не заметили. Но мама, похоже, полностью поглощена беседой со своим спутником. Она смотрит во все глаза и слушает настолько внимательно, что меры предосторожности можно не предпринимать — мама все равно меня не заметит. В общем, я плачу и выбираюсь из ресторана. Но домой не иду. Я отправляюсь к маминому дому и сажусь на крылечко — ждать ее возвращения.

Дом пахнет детством. Настолько сильно, что я могу унюхать знакомый запах из-под двери. Крыльцо цементное, оно хорошо холодит мне задницу.

И спину — я ложусь навзничь, чтобы посмотреть на звезды. Их в небе видимо-невидимо. Кажется, будто падаешь, но не вниз, а вверх. В звездную пропасть над головой.

А потом чья-то нога чувствительно пихает мою.

Проснувшись, я обнаруживаю над собой лицо хозяйки этой ноги.

— Что ты здесь делаешь, черт побери?

Мама пришла.

Добрая, милая мама.

Приподнявшись на одном локте, я говорю правду — незачем ходить вокруг да около:

— Да так, пришел спросить, хорошо ли вы посидели «У Мелуссо».

Удивленное выражение сваливается с лица мамы, хотя она и пытается его удержать. Но оно все равно падает. Мама подхватывает его и начинает неловко мять в руках.

— Ну-у-у... да, неплохо посидели, — наконец выговаривает она, но по лицу видно, что мама в замешательстве и не знает, что предпринять. — Я женщина, в конце концов. Имею право...

Я сажусь:

— Да. Имеешь.

Она пожимает плечами:

— Ты только для этого пришел? Разузнать о моей личной жизни? Я что, должна в монахини постричься?

Ага, в монахини.

Только послушайте ее. В монахини!

Она обходит меня и достает ключи.

— И вообще, Эд, уже очень поздно. Я устала.

Ну?

Давай, Эд!

Давай, покажи себя! Сколько раз ты отступал в такой ситуации? А сегодня — давай, сделай это!

Почему? Потому что я прекрасно понимаю: был бы на моем месте кто-нибудь другой, брат или сестра, она бы обязательно пригласила в дом. Для сестричек сварила бы кофе. Для Томми — о, его бы мама уже почтительно расспрашивала про университет, угощала кофе или куском пирога.

А со мной, Эдом Кеннеди, все иначе. Она ведь меня тоже родила, в конце-то концов! Так же, как и остальных! Но она обходит меня, как досадное препятствие, и сухо прощается. Не говоря уж о том, что не приглашает зайти. Вот почему сегодня я хочу добиться от нее расположения. Или хотя бы уважительного отношения. Как к другим братьям и сестрам!

Дверь уже закрывается, но я упираюсь в нее ладонью. Стоп. Рука шлепает по дереву, как по щеке.

Судя по маминому лицу, ей все это не нравится.

— Мама? — говорю я жестко.

— Что?

— За что ты так меня ненавидишь?

Мы смотрим друг другу в глаза, и я не отвожу взгляда.

Тогда женщина передо мной сухо, спокойно отвечает:

— Потому что ты похож на... него.

На него?

Вот как.

На него. Это она о моем отце.

Мама захлопывает дверь.

Подумать только, я завез здорового мужика на скалу и там чуть не убил. Ко мне в дом вломились бандиты, жрали на кухне пироги с мясом и

отделали меня как отбивную. А давеча чуть не вышибла мозги шайка подростков!

Но никогда мне не было так хреново, как сейчас.

И вот я стою.

Полный горя и отчаяния.

На пороге родительского дома.

И небо отверзлось, и с него осыпались звезды.

Мне хочется колотить в дверь руками и ногами.

Но руки и ноги не двигаются.

Полное оцепенение.

Я падаю на колени, — последние слова мамы сбили меня с ног, как удар в челюсть. Может, все не так страшно и она не это имела в виду? Я любил отца! Он был пьяница, но в остальном хороший человек! Что может быть стыдного в том, чтобы походить на него?

Так почему же мне так плохо?

Я не двигаюсь с места.

И даю обет: не двигаться с места, пока мама не скажет мне правду. Буду стоять на сраном крыльце разваливающегося сраного дома, пока не услышу ответы на все вопросы. Надо будет — лягу спать. Прожду весь завтрашний день под палящим солнцем. Но с места не сдвинусь.

Я поднимаюсь на ноги и кричу:

— Мам! Выходи! Слышишь? Выходи! Надо поговорить!

Через пятнадцать минут дверь снова открывается, но я не смотрю матери в лицо.

Повернувшись к ней спиной, я гляжу на дорогу. И говорю:

— Ко всем остальным ты же нормально относишься? К Ли, Кэт, Томми... Словно...

Нет, так не пойдет. Нельзя давать слабину. Нельзя.

— А со мной как ты обращаешься? Неуважительно. А ведь я всегда рядом.

Тут я разворачиваюсь и смотрю на нее.

— Я всегда рядом. Тебе что-то нужно, и я тут как тут! Разве нет, мам?

Она согласно кивает:

— Да.

И вдруг атакует. Набрасывается на меня, — оказывается, у нее своя версия событий. Причем такая, что слова режут мне уши — странно, что оттуда не льются потоки крови.

— Да, Эд, ты всегда рядом! В этом-то все и дело!

Она в отчаянии вскидывает руки:

— Ну? Посмотри вокруг! Какая помойка! Этот дом, этот пригород — да все вокруг! — Голос ее мрачен. — А твой отец обещал: однажды мы уедем отсюда. Сказал: вот так просто соберем вещи и уедем. И что?! Посмотри, Эд! Мы все еще здесь. На помойке. Я здесь. Ты здесь! И ты — такой же, как твой папаша! Никчемный пустобрех! Ты... — Она с ненавистью упирает в меня указательный палец. — Ты мог бы быть таким же успешным, как твои братья и сестры. Как Томми! Нет, даже... А, — отмахивается она. — Что тут говорить! Но ты все еще здесь. И я готова держать пари — ближайшие пятьдесят лет отсюда не двинешься. — В голосе ее звенит лед. — И ты ничего не добился.

Минута молчания.

— Я просто хочу, — вдруг произносит она, — чтобы ты стал кем-нибудь. — Мама выходит на порог и говорит: — А еще ты должен кое-что понять.

— Что?

Теперь она очень тщательно подбирает слова:

— Можешь, конечно, мне не верить. Но я ненавижу тебя так сильно, потому что очень люблю.

Я пытаюсь осознать сказанное.

Она все еще стоит на крыльце. Я спускаюсь по ступеням и снова поворачиваюсь к ней.

Господи, какая же темная ночь.

Черная.

Как пики на выданной мне карте.

— Ты встречалась с этим мужчиной при жизни отца? — спрашиваю я.

Мама смотрит на меня, но в глазах явно читается, что не хочет смотреть. Вслух ничего не сказано, но все понятно. Мама не только отца ненавидит. Она и себя ненавидит.

Тут меня осеняет: она ошибается!

«Дело не в месте, — думаю я. — Дело в людях».

Где бы мы ни жили, все было бы точно так же.

И я задаю последний вопрос:

— Папа знал?

Она молчит.

Долго — и мучительно. А потом отворачивается и плачет. Ночь так глубока и темна, я не верю, что когда-нибудь рассветет.

Ж Телефонный звонок

— Мам?

— Да?

Я смотрю на Швейцара. Тот поглощает лазанью. Пес, судя по виду, в полном экстазе. На часах 2.03, телефонная трубка прижата к моему уху.

— Мам, ты как там?

На том конце провода некоторое колебание. Но в ответ я слышу ожидаемое:

— Нормально.

— Ну и отлично.

— Просто ты, говнюк, меня разбудил! Чтоб...

Я вешаю трубку, но про себя улыбаюсь.

Вообще-то идея была сказать, как я ее люблю. Но может, так даже лучше.

Q

Кино на Ариэль-стрит

Весь следующий день мамины слова не идут у меня из головы.

Впереди целое воскресенье, но после бессонной ночи безумно хочется спать. Мы со Швейцаром выпиваем пару чашек кофе, но результата нет. Интересно, можно ли считать задание на Клоун-стрит выполненным? Интуиция подсказывает — да. Можно. Мама должна была выговориться.

В том, что она считает меня безнадежным неудачником, приятного мало.

То, что она такого же мнения о себе, неприятно тоже, — хотя в этом как раз можно найти толику утешения. На самом деле я даже немного встряхнулся. Во всяком случае, понял, что таксистом всю жизнь не буду. Так недолго и с ума сойти.

В первый раз за все время послание затронуло и мою жизнь. Не только чужую.

А для кого оно было?

Для мамы или для меня?

В ушах опять звучат слова: «Я тебя ненавижу, потому что очень люблю».

Мне кажется, в ее лице мелькнуло что-то вроде облегчения, когда это было сказано.

Значит, послание предназначалось ей.

Мы со Швейцаром идем в церковь, навестить отца О'Райли. На мессе полно народу; это радует.

— Эд! — радостно приветствует он меня после службы. — Я боялся, что ты про нас позабыл! Несколько недель тебя не было!

Святой отец ласково гладит Швейцара.

— Ну... мне нужно было много дел сделать, — пытаюсь оправдаться я.

— С Божьей помощью?

— Не уверен, — отвечаю честно.

И думаю о прошлой ночи, о матери, которая изменяла отцу, потому что ненавидела его за невыполненное обещание. А потом всю жизнь вытирала ноги о сына, который выбрал остаться рядом с ней.

— Ну, — кивает святой отец. — Ничего не случается просто так. У всего есть цель.

Я, в принципе, с этим согласен. У всякого события есть причина, вызвавшая его к жизни. Что ж, время заняться следующим посланием.

Остается только дело на Ариэль-стрит. Туда-то я и направляюсь этим вечером. По номеру 39 обнаруживается старый, на ладан дышащий кинозал — из тех, в которые нужно спускаться по ступенькам. Над ним ветхий дом с балконами. Приклеенная к тенту, висит афиша. Сегодня, к примеру, заявлены «Касабланка» в 14.30 и в 19.00 — «В джазе только девушки». Я спускаюсь вниз и вижу афиши старинных фильмов, их видимо-невидимо. Они расклеены на окнах. Бумага пожелтела по краям.

В фойе пахнет старым попкорном.

Никого.

— Есть кто-нибудь? — окликаю я пустоту.

Никто не отвечает.

Похоже, сюда перестали ходить после того, как в пригороде открыли современный мультиплекс. Публика покинула старый кинотеатр и устремилась в новый.

— Есть здесь кто-нибудь? — решаю я попытать удачу снова.

В подсобке обнаруживается спящий старик. На нем костюм и бабочка, так в прежние времена ходили билетеры.

— С вами все в порядке? — громко интересуюсь я, и старик, подпрыгнув, просыпается.

— Ух ты! — вскакивает он с кресла и одергивает пиджак. — Чем могу помочь, молодой человек?

Я смотрю на афишу над стойкой и говорю:

— Могу ли я купить билет на «Касабланку»?

— О боже! Конечно! Знаете, здесь давненько никого не было, и вдруг вы!

Вокруг глаз у него глубокие-преглубокие морщины, а брови пышно кусят. Серые волосы безупречно причесаны, к тому же без всяких попыток прикрыть разрастающуюся лысину. На лице подлинная радость. Восторг. Дедуля просто нереально счастлив.

Я даю ему десять долларов, и он мне пять сдачи.

— Попкорну?

— Да, пожалуйста. — Старик улыбается, накладывая мне полную коробку. — За счет заведения, — подмигивает он.
— Премного благодарен! — отзываюсь я.

Зал маленький, но экран оказывается вполне приличных размеров. До начала сеанса еще долго, но в 14.25 старик подходит и говорит:

— Похоже, больше никто не придет. Вы не против, если мы начнем пораньше?

Наверно, волнуется, что мне наскучит ждать и я разорусь в негодовании.

— Да без проблем, давайте.

И он убегает вверх по проходу.

Я сижу ровно в середине зала. Точнее, впереди на ряд меньше, чем сзади.

Начинается фильм.

Черно-белый.

Я смотрю, ем попкорн, и тут кино прерывается. Пытаясь найти взглядом окошко проекторской, понимаю: старик забыл поменять катушку с пленкой.

— Сэр?.. — зову я.

Тишина.

Наверное, снова уснул.

Я выхожу из зала и открываю дверь, на которой написано: «Только для персонала». За ней проекторская, старик тихонько похрапывает, откинувшись в кресле и опершись плечом на стену.

— Сэр?

— О боже правый! — сокрушенно восклицает он. — Только не это!

Старик очень расстроен — видно по тому, как он бормочет извинения над новой катушкой.

— Да все в порядке, — пытаюсь я успокоить беднягу. — Ничего страшного.

Но он продолжает сердиться на себя и свирепо ругаться на возраст и плохую память.

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста, молодой человек, я вам верну деньги. Или даже покажу еще один фильм бесплатно. Какой захотите! — повторяет он беспрерывно. И с горячностью предлагает: — Да, именно, какой захотите!

Я соглашаюсь. Похоже, у меня нет выбора.

Он бежит вперед и бормочет:

— Поспешите, поспешите на свое место, молодой человек, а то фильм начнется и вы все пропустите!

Перед тем как последовать его совету, я вдруг решаю представиться:

— Меня зовут Эд Кеннеди.

И протягиваю руку.

Старик останавливается, пожимает ее и смотрит мне в лицо:

— Да-да, я знаю, кто вы. — На мгновение он даже забывает о катушке и добродушно улыбается: — Меня предупредили, что вы придете.

И возвращается к своему делу.

Я стою и чешу в затылке.

Однако это становится любопытнее и любопытнее.

Досматривая кино, я повторяю себе раз за разом: «Никуда не пойду, с места не двинусь, пока не узнаю, кто сказал старику, что я приду».

— Понравилось? — интересуется он.

Но я не намерен вести пустые разговоры!

— Кто вас предупредил о моем приходе?

Старик пытается увильнуть от ответа и пожимает плечами:

— Ну... — На лице у него беспокойство, почти паника. — Я... не могу сказать. — Он даже пятится. — Видите ли, я им пообещал. Они такие милые ребята, я не могу...

Я беру его за плечи и заглядываю в глаза:

— Кто?

Теперь он кажется старше своих немалых лет. Утонувшие в морщинах глаза изучают ботинки на вытертом ковре.

— Двое таких здоровых парней?

Старик коротко взглядывает, и это похоже на утвердительный ответ.

— Дэрил и Кейт?

— Кто?

Я пытаюсь зайти с другой стороны:

— Они попкорн ели?

Снова утвердительный ответ.

— Это точно были Дэрил и Кейт, — киваю я себе. Прожорливые паршивцы. — Они вас не обидели случайно?

— Ох, ну что вы! Нет, нет, они вели себя просто безупречно. Пришли с месяц назад и посмотрели «Мистера Робертса». А перед уходом предупредили, что скоро придет молодой человек по имени Эд Кеннеди. И что вас будет ожидать посылка по окончании работы.

— А когда это окончание наступит?

Он разводит руками:

— Они ответили, что вы сами должны понять. — И старик сочувственно присматривается ко мне. — А вы как считаете? Окончена ваша работа?

Я отрицательно качаю головой:

— Нет. Непохоже, во всяком случае. — Поглядев по сторонам, я снова встречаюсь со старичком взглядом. — Я должен для вас что-нибудь сделать. Что-нибудь хорошее, понимаете?

— Почему?

У меня с языка едва не срывается: «Сам не знаю». Но лгать не хочется, и я отвечаю:

— Потому что вам нужна помощь.

Только вот какая? Заполнить зал, как в церкви отца О'Райли?

Нет, не думаю. Задания не должны повторяться.

— А может, — задумчиво говорит он, — вы поймете, когда придете посмотреть бесплатное кино?

— Возможно, — соглашаюсь я.

— Приводите девушку, — предлагает старик. — У вас же есть девушка, правда?

Я смакую этот миг. И гордо отвечаю:

— Да. Есть.

— Ну вот, пусть она тоже приходит!

Он радостно потирает руки.

— Вы с девушкой перед большим экраном — что может быть романтичнее?

И хитро хихикает:

— Знаете, я сам сюда девушек водил в молодости. Наверное, поэтому и купил этот кинозал, когда вышел на пенсию и оставил строительный бизнес...

— Ну и как, прибыль имеется?

— Да ну что вы, какая прибыль! Нет, деньги мне не нужны. Я просто люблю ставить и смотреть фильмы. Вздремнуть под них. Жена говорит, это лучше, чем седина в бороду, бес в ребро...

— А, понятно...

— Ну что, когда придете в следующий раз?

— Может, завтра?

Он выдает мне увесистый каталог, толщиной с хорошую энциклопедию, — чтобы выбрать фильм. Но мне не нужен каталог.

— Нет, спасибо. Я уже выбрал, какое кино хочу посмотреть.

— Правда? И какое?

— «Хладнокровный Люк», — киваю я.

Старик снова потирает ладони и не может скрыть улыбки:

— Отличный выбор, молодой человек. Прекрасный фильм. Пол Ньюман играет замечательно. У Джорджа Кеннеди — кстати, вашего тезки — тоже одна из лучших ролей. Как насчет половины восьмого?

— Прекрасно.

— Ну и отлично. Что ж, до завтра. И девушку приводите. Как ее зовут?

— Одри.

— Ах, как романтично.

Собираясь уходить, я вдруг понимаю, что так и не узнал, как зовут хозяина кинозала.

— О боже, я совсем забыл про манеры. Меня зовут Берни. Берни Прайс, — принимается извиняться он.

— Приятно познакомиться, Берни, — говорю я.

— Мне тоже, — улыбается он в ответ. — Здорово, что ты пришел, Эд.

— Да.

И я выхожу на улицу — в жаркий летний вечер.

Рождество в этом году выпадает на четверг. Так что в этот день вечером ко мне завалится вся честная компания — играть в карты и есть индейку. А Марв будет смачно целовать Швейцара.

Я звоню Одри насчет завтрашнего похода в кино. Она безропотно отменяет свидание. Мне кажется, Одри что-то такое почувствовала в моем голосе и поняла, что без нее не обойтись.

Разобравшись с организационными вопросами, я направляюсь на Харрисон-авеню, в гости к Милле.

Пожилая леди открывает дверь, и, похоже, старость ее совсем подкосила — такая она стала хрупкая. Я давно не заходил, и Милла вся светится от радости. Даже распрямляется, увидев меня, — хотя совсем сгорбилась за последние несколько недель...

— Джимми! — восклицает Милла. — Заходи, заходи!

Я послушно прохожу в дом. В гостиной на столе лежит «Грозовой перевал». Похоже, Милла пыталась читать без меня, однако далеко не продвинулась.

— Ах да, — кивает она на книжку, расставляя чашки с чаем. — Я пыталась, но оказалось очень трудно...

— Почитать тебе?

— Спасибо, — улыбается она в ответ.

Как же мне нравится ее улыбка. Нравится, как собирается морщинками лицо, как вспыхивают радостью глаза.

— Хочешь прийти ко мне в гости на Рождество? — спрашиваю я.

Она ставит чашку на стол и отвечает:

— Да, конечно, с удовольствием. Мне ведь... — тут она искоса взглядывает на меня, — мне в последнее время так одиноко без тебя, Джимми...

— Да, Милла. Я понимаю.

Моя рука нежно накрывает ее. И легонько поглаживает. В такие мгновения я искренне молюсь, чтобы после смерти души могли найти друг друга. Чтобы Милла встретила — там — настоящего Джимми. Я молюсь об этом.

— Глава шестая, — громко читаю я. — «Мистер Хиндли приехал домой на похороны и, что нас крайне удивило и вызвало пересуды по всей округе, привез с собой жену...»^[18]

В понедельник я весь день провожу за рулем. Пассажиры садятся один за другим, и у меня даже получается аккуратно прошмыгивать между машинами. Таксистов не очень-то любят, и я стараюсь не сердить остальных водителей. Сегодня у меня выходит.

Без чего-то шесть я прихожу домой, мы со Швейцаром едим, а около семи я уже стою у дома Одри. На мне лучшие джинсы, ботинки и старая красная рубашка, выцветшая до оранжевого цвета.

Одри открывает дверь, и я чувствую запах духов.

— Вкусно пахнешь.

— Спасибо за комплимент, сэр. — И она важно протягивает мне руку для поцелуя.

На ней черная юбка, красивые выходные туфли на каблуке и песочного цвета блузка. Все детали костюма идеально подходят друг к другу, волосы заплетены в косу, только несколько прядей спадают на щеку.

Мы идем вдоль улицы — под ручку.

Сообразив, как выйдем, начинаем хохотать.

— Ну, от тебя так приятно пахнет, — повторяю я. — И вообще, ты сегодня прекрасно выглядишь.

— Ты тоже, — замечает Одри и после некоторого раздумья добавляет: — Несмотря на эту чудовищную рубашку.

Я осматриваю себя:

— Жуть-кошмар, да?

Впрочем, Одри не возражает против этой детали моего костюма. Она

пританцовывает, чуть не пляшет, так ей хорошо.

— Что же мы будем смотреть?

А я пытаюсь не выглядеть слишком самодовольно. Потому что выбранный фильм — ее любимый.

— «Хладнокровного Люка».

Одри застывает на месте, и лицо ее озаряется такой неземной красотой, что я чуть не плачу от восторга.

— Боже, Эд. Ты превзошел себя.

Последний раз я слышал это выражение от Марва, когда он пытался подковырнуть официантку Маргарет. Однако сейчас это сказано без всякой иронии.

— Спасибо, — коротко отвечаю я, и мы идем дальше.

Вот уже и поворот на Ариэль-стрит. Одри все еще держит меня под руку. Жалко, что кинотеатр так близко...

— А, вот и вы! — восклицает Берни Прайс и выбегает нам навстречу.

Он в полном восторге. Честно говоря, я думал, мы найдем его посапывающим в кресле.

— Берни, — церемонно говорю я, — позволь представить тебе Одри О'Нил.

— Очень приятно, Одри. — Берни улыбается во весь рот.

Одри идет в туалет, а старик радостно оттаскивает меня в сторону и шепчет:

— Красавица, просто красавица!

— Да, — важно соглашаюсь я. — Это точно.

Я покупаю лежалый попкорн — точнее, пытаюсь это сделать, потому что Берни ни за что не желает брать с меня деньги.

— Нет! Ни в коем случае!

Мы идем и садимся рядом с тем местом, откуда вчера я смотрел «Касабланку».

Берни выдал нам по билету.

«Хладнокрооооовный Люк», 19.30.

— У тебя тоже «о» больше, чем нужно? — улыбаясь, интересуется Одри.

Я смотрю на билет и смеюсь шутке Берни. Чудесный, чудесный вечер, лучшего и желать нельзя.

Мы сидим и ждем, и вскоре по окну проекторской стучат, слышится приглушенный голос:

— Ну? Готовы?

— Да! — разом откликаемся мы и поворачиваемся к экрану.
Фильм начинается.

Надеюсь, Берни смотрит на нас сверху, из своей комнатки с проектором, и вспоминает счастливые мгновения молодости.

Полагаю, он поверил, что Одри — моя девушка. Глядит, наверное, с умилением на две фигуры перед экраном — два темных силуэта.

Ну что ж, послание — оно у меня за спиной.

Я его доставил. Правда, лица Берни не видно, но не беда — я увижу счастливых людей на экране.

Да, будем надеяться, что Берни счастлив.

И что воспоминания его приятны.

Одри тихонько напевает под музыку, и в этот миг даже я верю, что она — моя девушка.

Сегодняшний вечер — для Берни. Но и мне достался маленький кусочек счастья.

Мы с Одри смотрели этот фильм, причем не один раз. Очень уж хороший. Диалоги знаем наизусть, можем их с персонажами проговаривать, но молчим. Просто сидим и наслаждаемся. Здорово, что в зале пусто. И здорово, что Одри рядом со мной. Мне нравится, что, кроме нас, здесь нет никого.

«Только ты и твоя девушка» — так ведь сказал вчера Берни? И тут же понимаю: этим вечером Берни не должен сидеть там, наверху, в одиночестве.

— А давай попросим Берни спуститься сюда к нам? — шепчу я Одри.

Она, естественно, не возражает:

— Да, конечно!

Перебравшись через ее ноги, я иду наверх, в проекторскую. Берни мирно спит, но я осторожно касаюсь его плеча:

— Берни?

— А? Да, Эд? — с трудом выныривает он из усталой дремоты.

— Мы с Одри тут подумали... — бормочу я. — В общем, нам было бы приятно, если бы вы спустились и посмотрели кино вместе с нами.

Он подается вперед в кресле, протестующе размахивая руками:

— Нет-нет, ни в коем случае! Ни за что! У меня здесь полно дел, а вы, такая красивая молодая пара, вы должны сидеть там одни! Ну, — подмигивает он, — сами знаете для чего — темнота, вы вдвоем...

— Берни, — продолжаю упрашивать я. — Ну пожалуйста, мы были бы

очень рады...

— Ни за что! — упирается намертво старик. — Не могу, и не просите.

Проспорив еще некоторое время, я сдаюсь и иду обратно в зал. Сажусь на свое место, Одри спрашивает, где Берни.

— Он не хочет нам мешать, — отвечаю я, но стоит мне устроиться в кресле, как до моего слуха доносится скрип двери.

В освещенном проеме — силуэт Берни. Он медленно спускается к нам и садится на соседнее с Одри кресло.

— Спасибо, что пришли, — шепчет она.

Берни смотрит на нас обоих. И шепчет в ответ:

— Вам спасибо.

В усталых глазах — море благодарности. Старик поворачивается к экрану, и лицо его расцветает.

Где-то через четверть часа Одри нащупывает мою руку на подлокотнике. Просовывает пальцы сквозь мои и сцепляет наши ладони. И легонько пожимает руку. Я смотрю на Берни и обнаруживаю, что она точно так же держит его руку. Да, иногда дружба Одри — это все, что тебе нужно. Иногда Одри поступает так, что лучше не придумаешь.

Вот как сейчас, к примеру.

Все идет хорошо, но тут приходит время поменять катушку.

Берни опять уснул.

Мы осторожно будим его.

— Берни, — тихо зовет Одри. И легонько встряхивает за плечо.

Проснувшись, он подпрыгивает как ужаленный, вскрикивает:

— Катушка!

И убегает в проекторскую. Посмотрев вверх, на ее освещенное окно, я кое-что замечаю.

Там кто-то есть.

— Одри? — тихо говорю я. — Смотри.

И мы оба встаем и вглядываемся в окно.

— В комнате кто-то есть.

Ощущение такое, что все вокруг затаило дыхание, даже воздух.

Потом я отмираю и начинаю перебирать ногами. Выхожу в проход и поднимаюсь наверх.

Сначала Одри просто стоит столбом, а потом я слышу за спиной ее шаги. Мои глаза прикованы к тени в проекторской. Мы уже бежим вверх по проходу, тень явно нас замечает — и начинает метаться. Человек выскакивает из комнаты, а мы еще половины пути не преодолели!

В фойе, среди привычных запахов лежалого попкорна и старого ковролина, чувствуется новый — словно от искры напряжения. Кто-то здесь был и быстро сбежал. Я решительно направляюсь к двери с надписью «Только для персонала». Одри держится за мной.

Заходим в комнату, и первое, что мне бросается в глаза, — руки Берни дрожат.

С лица его медленно сходит испуг.

Стекает по губам к шее.

— Берни? — обеспокоенно спрашиваю я. — Берни? Что с вами?

— Ох. Он меня положительно испугал, — бормочет старик. — Чуть не налетел на меня, когда выбегал из комнаты. — И садится на стул. — Не волнуйтесь, я в порядке.

И вдруг показывает на стопку катушек.

— Что? — спрашивает Одри. — Что там?

— Верхняя, — отзывается Берни. — Она не моя.

Он подходит к стопке и берет катушку в руки. Осматривает со всех сторон. На ней маленькая наклейка с надписью, сделанной кривоватым почерком. Одно короткое слово — «Эд».

— Ну что, поставим?

Я долго стою без движения, но в конце концов выдавливаю:

— Да.

— Тогда идите в зал, — машет рукой Берни. — Оттуда гораздо лучше видно.

Но прежде чем выйти, я задаю вопрос. На который Берни, мне кажется, знает ответ.

— Почему? Почему они делают это со мной?

В ответ Берни смеется:

— Ты до сих пор не понял?

— А что я должен понять?

Старик долго всматривается в меня и наконец изрекает:

— Они это делают, потому что могут. — Голос у него усталый, но твердый. — Они долго готовились. Год, по меньшей мере.

— Это они сказали?

— Да.

— Прямо вот так и сказали, этими же словами?

— Да.

Мы стоим друг против друга несколько минут, размышляя над услышанным. Наконец Берни отмахивается:

— Ладно, идите уже в зал. Сейчас запущу.

В фойе силы меня покидают, и я прислоняюсь к стене.

— Это всегда так происходит? — вдруг спрашивает Одри.

— Угу, — откликаюсь я.

Она сочувственно качает головой. А что тут скажешь?

— Пойдем, — говорю я наконец.

Она отнекивается, но в конце концов соглашается пройти в зрительный зал.

— Совсем немного осталось, — говорю я.

И думаю: Одри-то, наверное, решила, что я про кино.

А я про что?

Да уж, мне сейчас не до фильма.

Мне вообще ни до чего, если честно.

Все мои мысли — о картах. О тузах. Тузах пик.

К

Последняя катушка

Мы идем к своим местам. На экране пока ничего не показывают.
И вот появляется изображение. Поначалу все темно, потом видны ноги каких-то молодых людей. Они идут: топ, топ.
И приближаются к одинокой фигуре на улице.
Я знаю эту улицу.
И фигура эта тоже мне знакома.
Я останавливаюсь. Как вкопанный.
Одри проходит немного вперед, а потом смотрит на меня. На мои впившиеся в экран глаза.
У меня слова не идут из горла, приходится ткнуть пальцем.
Потом ко мне возвращается речь:
— Одри, это я. Там, на экране, — это же я...
Мы видим, как бегут ноги братьев Роуз и их дружков. Как парни напрыгивают на меня и мутузят.
Я стою в проходе, а шрамы на лице отзываются болью.
Прикасаясь пальцами к подживающей коже, я чувствую, как она саднит.
— Это же я...
Из меня выдавливается лишь шепот. В ответ Одри закрывает лицо руками и плачет навзрыд.

Следующий кадр — я выхожу из библиотеки, нагруженный книгами. Потом переливающаяся огнями гирлянда на Глори-роуд. Сияющие в ночи разноцветные лампочки — «сила и слава». Сначала темно, и вдруг они вспыхивают, озаряют кинозал. Затем в кадре сцена у порога, нечто сродни смерчу, только без звука. Вот стоит моя мать, губы ее шевелятся, выплевывая мучительные, ужасные слова, которые царапают мне лицо, как когти. А потом я медленно иду от ее дома — прямо на камеру. Наконец, на экране мой путь в этот кинозал.

Последнее, что мы видим, — слова, написанные на пленке:

«Испытание для Эда Кеннеди. Ты молодчина, Эд. Удачи в новых свершениях».

Экран гаснет.

Наступает полная темнота.

Я не могу сдвинуться с места. Одри пытается вытащить меня из зала, но у нее ничего не выходит. Я стою столбом и таращусь в погасший экран.

— Давай сядем! — просит она. В ее голосе слышно беспокойство. — Эд, тебе лучше присесть.

Медленно-медленно я переставляю одну ногу.

Потом другую.

— Ну что, я продолжаю показывать фильм? — окликает нас сверху Берни.

Одри вопрошающе взглядывает на меня.

Я немного поднимаю голову и едва заметно киваю: ладно.

— Да, Берни, пожалуйста!

— Кстати, неплохая идея. Хоть отвлечешься немного, — говорит мне Одри.

Хочется вскочить и побежать в фойе, а потом обыскать весь кинотеатр. Не могли же они совсем не оставить следов? Можно спросить Берни: а вдруг это снова были Дэрил и Кейт? А еще я хочу знать, почему Берни они рассказали хоть что-то, а мне — ничего.

Однако я прекрасно понимаю: это бесполезно.

«Они делают это, потому что могут».

Фраза бегает вокруг меня, как собачка. Видимо, так и было задумано. Я при пиковом интересе. И мне нужно отыгаться. А чтобы отыгаться, нужно остаться и досмотреть фильм до конца.

Экран снова вспыхивает. Я жду знаменитой сцены, когда капитан наконец добивается от Люка мольбы о пощаде и все от него отворачиваются. «Где же вы все?» Я жду, когда он прокричит это с койки.

Мы идем к своим местам, а Люк в кадре еле шагает — в отчаянии, всеми брошенный. Он оборачивается — и падает возле койки. «Где же вы все?» — звучит тихий вопрос.

«Где же вы все?» — спрашиваю я, оборачиваюсь, — а вдруг в зале, за нашими спинами, кто-то стоит. Мне почти слышатся торопливые шаги. Я верчу головой, пытаюсь уловить движения в темноте. Вокруг полно людей, но их не видно. На каждом пустом кресле кто-то сидит, я всматриваюсь, тьма густеет — нет, никого. Темно и ничего не видно.

— Эд, что с тобой? — спрашивает Одри.

— Они здесь, — тихо отвечаю я, хоть и без особой уверенности.

Но весь мой опыт говорит мне: «Они точно здесь». Я еще раз пристально осматриваю пустой зал. Но по-прежнему никого не вижу. Может, они и здесь, но недостижимы для моего зрения.

Мы доходим до наших мест, и тут я понимаю: сейчас-то их здесь нет. Но они здесь были!

Они точно были, потому что на сиденье кресла лежит червовый туз.

«Где же вы?» — раздается с экрана отчаянный вопль Люка, и мое сердце откликается частыми ударами. Оно бьется, расталкивая внутренности, подобно языку громадного колокола. Оно набухает и вспыхивает, — мне даже приходится сглотнуть.

Я поднимаю карту и долго ее разглядываю. И слышу собственный шепот:

— Черви.

Красные сердечки.

Вот, значит, оно что.

Мне очень хочется прочитать написанное на карте, но я сдерживаюсь и досматриваю кино. Просто держу туз в руке.

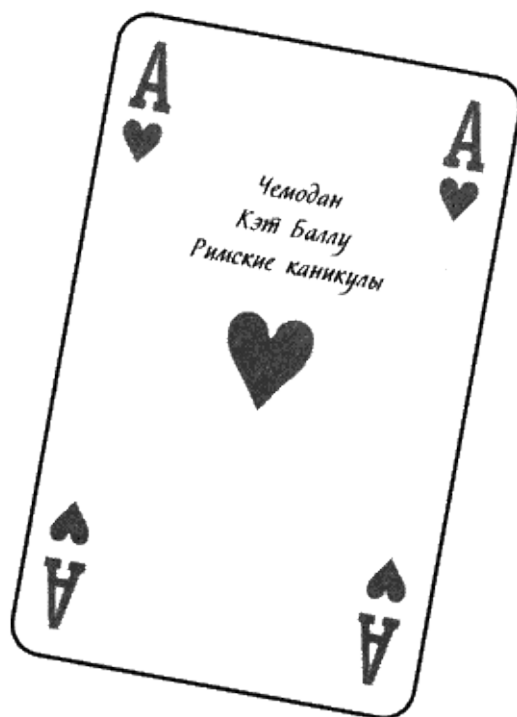
И смотрю фильм.

Поглядываю на Одри и наслаждаюсь моментом. Ну, тем, что от него осталось.

В руке у меня карта с красными сердечками, и я почти чувствую, как они бьются. Бьются и ждут, когда я на них посмотрю.

Часть 4

МУЗЫКА СЕРДЕЦ

А

Музыка сердец

В голове играет музыка — черно-красная, будто карточные масти.

Дело происходит на следующее утро.

Следующее — после вечера, когда я получил червового туза.

Такое ощущение, что у меня похмелье.

После того как фильм кончился, мы зашли к Берни. Он мирно спал в проекторской. И мы, успокоенные, вышли на Ариэль-стрит. Уже стемнело, было тепло и влажно, кроме нас на улице только один человек. Парень сидел, отвернувшись, на старой ободранной скамейке.

Сначала я не придавал этому значения, настолько меня потрясло все случившееся. А потом обернулся — глядь, а парня-то уже и нет.

Исчез.

Одри что-то спрашивает, а я не слышу. Ее голос звучит где-то далеко-далеко, за пределом слышимости, словно кто-то пытается докричаться до меня после взрыва. Сначала я удивился — мол, что это, а потом понял. Конечно. Это красные сердца и черные слова. Пульс карты.

Музыка сердец.

Теперь-то я совершенно точно знаю: парень на скамейке — тот самый, что заходил в кинотеатр.

Может быть, он привел бы меня к человеку, посылающему карты.

Может быть... может быть. А может, и нет.

Мы шли по улице, и оглушающее сердцебиение постепенно затихало. Вскоре я по-прежнему ясно различал звук шагов и голос Одри.

И вот настает утро, а в ушах у меня все тот же сумасшедший пульс.

Карта лежит на полу.

А рядом с ней вытянулся Швейцар.

Я закрываю глаза, но даже так вижу только черное и красное.

«Это последняя карта», — уверяю я себя. И, перевернувшись на бок, снова засыпаю, хотя в голове по-прежнему бешено колотится музыка сердец.

Мне снится, что я убегаю.

На машине.

Швейцар сидит на переднем сиденье.

Видимо, это потому, что он спит рядом с кроватью и отчаянно воняет.

Но сон все равно замечательный — как финал американского фильма, в котором главный герой и его девушка садятся в машину и уезжают к закату, а перед ними лежит весь мир.

Вот только в машине сидим я и Швейцар.

А девушки нет.

Самое противное в том, что я считаю, будто это не сон. Пробуждение оказывается очень неприятным: где же машина? Где убегающее вдаль шоссе? Слышен лишь храп Швейцара. Пес спит, и его задняя нога лежит прямо на карте. Да уж, теперь мне до нее не добраться. Пусть уж Швейцар спит как спит, не буду его теребить.

В ящике комода карты дожидаются последней товарки.

Я сделал все, что требовала каждая из них.

«Пусть это будет последняя», — думаю я, встаю на колени и зарываюсь лицом в подушку.

Это не молитва, конечно, но что-то очень-очень похожее.

Проснувшись окончательно, я отодвигаю Швейцара и снова читаю написанное на карте. Почерк тот же, что и на остальных. В этот раз на тузе черными чернилами выведено:

Чемодан

Кэт Баллу

Римские каникулы

Я более чем уверен, все это названия фильмов. Хотя ни одного из них, по правде, я не видел. «Чемодан», кстати, совсем недавно вышел. Понятно, что в кинотеатре на Ариэль-стрит его не показывали, но я убежден, что он с успехом шел в каком-нибудь небольшом, но популярном у богемы месте. Кажется, это был испанский ремейк какой-то гангстерской комедии, в которой мельтешили наемные убийцы, свистели пули и фигурировал чемодан, полный швейцарских франков. Другие два фильма мне совершенно не знакомы, — зато известно, к кому обратиться за помощью.

Я готов к действию, но за несколько дней до Рождества на работе начинается форменный аврал. Перед праздниками всегда напряженно,

поэтому я беру дополнительные смены и работаю по ночам. Туз червей лежит в кармане рубашки. Пусть поедит со мной — во всяком случае, пока все не закончится.

«А это когда-нибудь закончится? — спрашиваю я себя. — Они... или... оно... в общем, когда-нибудь от меня отстанут?»

Правда, и так понятно, что все произошедшее сохранится в памяти навсегда. Будет настойчиво возвращаться снова и снова. Меня также посещает неприятная мысль, что воспоминания эти будут благодарными. Неприятная — потому что очень не хочется думать об этом как о чем-то хорошем. Во всяком случае, пока все не закончится. А еще я опасаясь, что никакого конца не будет. Все это продолжится в воспоминаниях, которые будет просовывать в голову память. Она, знаете ли, вооружена таким здоровенным топором. Прорубила окошко в мозгу — и давай пропихивать прошлое.

Впервые за много лет я отправляю рождественские открытки.

Правда, не очень обычные. Без всяких там Санта-Клаусов и елочек. Отыскав дома пару старых колод, я вытаскиваю из них тузы. На каждой карте пишу по короткой записке и запикиваю ее в маленький конверт — один для каждого адреса, по которому мне пришлось побывать. На конверте выведено: «С Рождеством! Эд». Даже к братьям Роуз такой отправился.

Перед вечерней сменой я развожу открытки по городу. От большинства почтовых ящиков мне удастся смыться незамеченным. Вот только у дома Софи меня разглядели, но там я не особо прятался.

К Софи у меня особое отношение. Почти чувство. Возможно, часть меня влюблена в эту девушку — ведь она, прямо как я, никогда не приходит к финишу первой. Но в глубине души дремлет знание, что дело не только в этом.

Она красавица.

Причем красива особенной красотой.

В общем, я кладу конверт в ее почтовый ящик, разворачиваюсь и быстро иду к машине. Голос Софи долетает сверху — из окна ее комнаты:

— Эд?

Я разворачиваюсь, она просит меня подождать. И вскоре выбегает из входной двери. На ней белая футболка и спортивные голубые трусы. Волосы собраны в хвостик, челка падает на глаза и подпрыгивает при ходьбе.

— Я просто открытку тебе написал. Рождественскую.

Мной вдруг овладевает невозможная тупость. Я чувствую себя последним дураком, который непонятно зачем стоит перед чужим домом.

Она вскрывает конверт и читает написанное на карте.

На ее тузе я написал кое-что еще, прямо под похожим на бриллиант знаком бубей.

«Ты красавица».

Она читает, и глаза увлажняются. Именно это я сказал Софи, когда на стадионе она бежала босиком и сбила в кровь ноги.

— Спасибо, Эд, — говорит она. И очень внимательно разглядывает карту. — Мне таких открыток никто еще не присылал.

— Просто они все одинаковые — сплошные Санта-Клаусы и елочки...

Я очень странно себя чувствую, рассылая эти карты. Ведь получившие их люди в большинстве случаев так никогда и не узнают, кто этот странный Эд, приславший им такую странную открытку. Но на самом деле это не так уж важно. Мы с Софи прощаемся.

— Эд? — вдруг спрашивает она.

Я уже сижу в машине. Чтобы откликнуться, приходится опустить стекло.

— Да, Софи?

— Ты... не мог бы... — Слова, аккуратные и причесанные, вежливо сходят с ее губ. — Ты не мог бы сказать, что тебе подарить? В знак признательности, ведь ты...

— Не за что мне выражать признательность, — строго говорю я. — Ты от меня ничего не получила.

Но она прекрасно все понимает.

Ничего — это пустота внутри коробки из-под обуви. Но вслух мы этого не скажем — ни она, ни я.

Достаточно того, что мы оба знаем.

Я отъезжаю от ее дома и чувствую тепло руля под пальцами.

Последний конверт я завожу к отцу О'Райли. У него дома вечеринка. Все безнадежные неудачники и незадачливые гангстеры с его улицы в сборе. Те двое, что пытались овладеть моей курткой, отсутствующими сигаретами и деньгами, тоже присутствуют и радостно поедают сэндвичи с сосисками, заливаясь соусом и хрустя луком.

— Ты глянь, кто пришел! — орет один, тыча в меня пальцем. Похоже, это Джо. — Эд, привет! — Джо оглядывается в поисках святого отца.

— Эй, отче! — орет он снова, обильно плюясь сэндвичем. — Эд пришел!

Отец О'Райли видит меня и бежит навстречу:

— А вот и он! Человек, благодаря которому у нас плодотворный год! Я пытался тебе дозвониться!

— Да я в последнее время, святой отец, весь в бегах.

— Ах да, — сочувственно кивает он. — Твоя миссия. — Он отводит меня в сторонку и говорит: — Эд, я хотел бы еще раз поблагодарить тебя.

Наверное, мне должно быть приятно, но я что-то не чувствую себя польщенным.

— Святой отец, пожалуйста, не надо. Я всего-то привез криво написанную рождественскую открытку.

— И тем не менее все равно спасибо, Эд.

А мне как-то не по себе из-за последнего туза.

Черви. Сердечки, веселенькие такие.

Почему именно их мне вручили последними?

Я ждал, что в финале мне выдадут пики!

Сейчас черви, эти пляшущие красные сердечки, кажутся самой опасной мастью из всех.

Люди умирают от разбитого сердца. А еще бывают сердечные приступы. Когда все не так и идет наперекосяк, сильнее всего болит именно сердце.

И вот я уже выхожу на улицу, но святой отец чувствует, как мне тяжело на душе.

— Я вижу, еще ничего не закончилось? — говорит он.

Он знает, что был не единственным заданием. Знает, что День Священника — лишь одна из карт, сданных мне из колоды.

— Нет, святой отец, — вздыхаю я. — Ничего еще не закончилось.

— Все будет хорошо, — говорит он тихо.

— Нет, — отвечаю я. — Не будет. Не хочу, чтобы у меня все было хорошо за просто так. С меня хватит.

И это правда.

Хорошую жизнь надо заслужить. Приложить усилия. Теперь я это знаю.

Карта лежит в нагрудном кармане. Я поздравляю отца О'Райли с наступающим Рождеством, сажусь в машину и выезжаю на вечернюю смену. Туз червей покачивается, то и дело наклоняясь вперед — к городу и миру, с которым мне предстоит встретиться лицом к лицу.

— Куда едем? — спрашиваю я своего первого пассажира.

Это уже следующий день. Человек что-то отвечает, но я не слышу. В

ушах у меня опять колотятся, орут и стучат красные сердечки.

Стучат все быстрее и быстрее.

Я не слышу двигателя.

Не слышу тиканья счетчика, голоса пассажира, гула других машин.

Только пульс.

Сердца бьются.

В кармане.

В ушах.

В штанах.

Под кожей.

Во рту.

Они пролезли мне до печенок.

— Сплошное сердцебиение, — говорю я. — В ушах стучит.

Пассажиру, правда, невдомек, о чем это я.

— Остановите здесь, пожалуйста, — говорит она.

Это пассажирка. Ей под сорок, и ее дезодорант пахнет дымком и чем-то сладким. И макияж у нее весь в розовых тонах. Она отдает мне деньги и говорит, глядя в зеркало заднего вида:

— С наступающим Рождеством.

В ее голосе я слышу биение сердец.

Я успеваю купить к празднику все, что нужно. Понятное дело, выпивки больше, чем еды. К моменту, когда начинают собираться гости, в доме пахнет индейкой, салатом «Колеслоу» и, конечно, Швейцаром. Сначала аромат жареного мяса перебил его запах, но в конце концов моя смрадная псинка вышла безоговорочным победителем и завоняла все на свете.

Первой приходит Одри.

Она приносит бутылку вина и домашнее печенье.

— Извини, Эд, — говорит она прямо с порога. — Мне нужно будет уйти пораньше.

Одри целует меня в щечку.

— Просто у Саймона тоже вечеринка, с друзьями, и он очень просил меня прийти.

— А ты-то сама хочешь? — не могу удержаться я от вопроса, прекрасно зная ответ.

С чего бы это Одри захотела провести целый вечер в компании трех неудачников и вонючей псины? Она же не сумасшедшая...

Одри спокойно отвечает:

— Конечно хочу. Ты прекрасно знаешь, что я ничего не делаю по обязанности.

— Да, это правда, — отвечаю я.

Действительно правда.

Я наливаю нам выпить, и тут приезжает Ричи. Его мотоцикл слышно от самого перекрестка. Вот он останавливается перед домом. Ричи кричит, чтобы мы открыли дверь. У него в руках огромная холодильная сумка, забитая креветками, лососиной и нарезанным лимоном.

— Ну что, хорошо смотрится? — бросает он. — Я тут подумал, вдруг ребятам понравится...

— Как ты это сюда допер?!

— В смысле?

— Ну, холодильную сумку? Ты ж на мотоцикле!

— А, это! Я ее к багажнику прикрутил. Места, чтоб сесть, правда, не осталось, но ничего, я стоя доехал. — Ричи счастливо подмигивает — мол, не волнуйтесь за меня. — Оно того стоило.

Да уж, это точно. Он, наверное, половину своего месячного пособия вбухал в эту лососину с креветками.

И вот мы ждем.

Марва, понятно дело.

— Держу пари, он не придет, — заявляет Ричи, устраиваясь поудобнее.

Рука его то подергивает усики, то проходится по волосам — как всегда, грязным и всклокоченным. На лице предвкушение и любопытство. Ричи не терпится узнать, чем все закончится. В руке у него банка пива, под ногами, вместо пуфика, Швейцар. И вот он сидит, долговязый, расслабленный, с вытянутыми во всю длину ногами — и на него приятно, знаете ли, посмотреть.

— Ничего подобного, придет как миленький! — сурово обещаю я. — А попробует не прийти, приведу Швейцара к нему и все равно заставлю облобызывать песику морду! — Я ставлю стакан на стол. — Вы чего, такого Рождества у меня давно уже не было! Я весь в предвкушении!

— Я тоже! — смеется Ричи.

Ему действительно не терпится.

— И потом, здесь же дармовые жратва и выпивка, — продолжаю я. — У Марва сорок тысяч долларов в банке, но удержаться от халявы он не может. Вот увидишь, придет непременно.

— Чертов скупердяй, — хихикает Ричи.

Вот оно, настоящее рождественское настроение!

— Может, позвонить ему? — предлагает Одри.

— Ну уж нет. Будем сидеть и ждать в засаде, — зловеще улыбается Ричи.

Да-а-а, я уже чувствую, будет весело. Друг мой смотрит на пса и спрашивает:

— Ну что, старина, готов ты к Большому Чмоку?

Швейцар поднимает голову и недоумевающе глядит, словно желая сказать: «Ты о чем вообще, приятель?» М-да, его-то не предупредили. Бедняга. Никто даже не поинтересовался: может, он против, чтобы Марв целовал его в губы?

В конце концов Марв появляется на пороге.

Естественно, с пустыми руками.

— С Рождеством! — приветствует он всех.

— Угу, угу, — откликаюсь я. — И тебя тоже.

Киваю на его пустые руки:

— А ты нереально щедрый парень, знаешь об этом?

Но я-то знаю, что у Марва сейчас на уме.

Он решил, что, раз уж придется целовать Швейцара, еду и выпивку можно не нести. Кроме того, Марв наверняка тешит себя надеждой, что мы забыли об уговоре.

Не тут-то было! Ричи живо возвращает его из мира мечты к жестокой реальности.

Он встает и говорит, улыбаясь во весь рот:

— Ну, Марв? Мы ждем.

— Чего это?

— Ты знаешь чего, — поддакивает Одри хрустальным голоском.

— Нет, — безнадежно упирается Марв. — Понятия не имею!

— Ну, ты мозги-то мне не засирай, — добродушно призывает его к порядку Ричи. — Давай. Уговор есть уговор.

Мой друг в полном восторге. Странно, что не потирает руки, так ему все нравится.

— Марв, — торжественно объявляет Ричи. — Сейчас ты поцелуешь эту псину.

И показывает на Швейцара.

— Причем поцелуешь как положено! В охотку! Не с кислой рожей, а улыбаясь до ушей! А не то мы заставим тебя целовать собачечку снова, снова и снова!

— Хорошо! — рявкает Марв.

Сейчас он похож на ребенка, которому не купили игрушку.

— Я его поцелую! Но в макушку!

— О нет! — грозит Ричи.

Он смакует каждое мгновение этой сцены.

— Уговор был такой: поцелуй — в губы! — Тут палец Ричи утыкается в Марва. — И поэтому ты поцелуешь его в губы. Вот так.

Швейцар поднимает голову.

Пес в центре внимания, ему явно не по себе.

— Бедняга, — вздыхает Ричи.

Марв насупленно отвечает:

— Это точно.

— Не ты, — фыркает Ричи. — Он!

И кивает на собаку.

— Так, ребята, — подытоживает Одри. — Кончайте пререкаться.

И подает мне фотоаппарат.

— Вперед, Марв. Собака ждет твоих лобзаний.

Сгорбившись, словно все скорби мира легли ему на плечи, с застывшим от ужаса лицом, Марв замирает перед мордой Швейцара. Пес отчаянно нервничает и готов разрыдаться — глаза так и набухают слезами, черно-золотой мех встопорщен.

— А он так и будет сидеть с высунутым языком? — стонет Марв.

— Он же собака, — отрезаю я. — Как еще он должен сидеть? С чашкой кофе?

На лице у Марва проступает крайнее отвращение. И все же он берет себя в руки — и делает ЭТО. Наклоняется и целует Швейцара в морду, причем довольно долго не отлипает: времени хватает, чтобы я успел сфотографировать, Ричи и Одри — похлопать в ладоши и покричать от радости, а потом — все втроем — разразиться диким хохотом.

— Ну что? Не так уж это было и сложно, а? — смеется Ричи, но Марв бежит прямо в туалет.

Бедный Швейцар.

Я целую его сам — в лоб. И выдаю лучший кусок индейки.

«Спасибо», — улыбается пес.

Милая у него все-таки улыбка.

Потом Марв немного приходит в себя и даже смеется вместе со всеми. Но, несмотря на все наши попытки расшевелить его, продолжает жаловаться на вкус псины во рту.

Мы пьем, едим и играем в карты. Потом в дверь стучат, пришел парень Одри. Он присоединяется к компании, выпивает и ест креветки. Хороший парень, глядя на него, думаю я. Но Одри его не любит.

Тут до меня доходит: именно поэтому она с ним и встречается.

Одри нас покидает, но мы решаем, что грустить не о чем. Ричи, Марв и я доедаем все, что можно, потом допиваем все, что было, и идем бродить по городу. В конце Мэйн-стрит горит огромный костер, туда-то мы и направляемся.

Сначала нас немного шатает, но, когда мы доходим до костра, вокруг которого идет общее веселье, хмель почти выветривается.

Какая чудесная ночь.

Народ танцует.

Громко разговаривает.

А вон уже кто-то дерется.

Так всегда случается в Рождество. Люди словно сбрасывают напряжение, которое копилось целый год.

У костра я вижу Энджи Каруссо с детьми. Точнее, это они меня видят и подходят.

По ноге кто-то стучит. Я гляжу вниз и вижу одного из ее мальчиков. Того, кто постоянно плачет.

— Здравсьте, мистер, — приветствует он меня.

Обернувшись, я вижу Энджи Каруссо с мороженым в руке. Она вручает его мне и говорит:

— С рождеством, Эд.

Я с удовольствием принимаю вафельный рожок.

— Спасибо. То, что нужно.

— Это каждому время от времени нужно, — улыбается она в ответ.

По лицу видно: Энджи счастлива от того, что может хоть немного отблагодарить за услугу.

Я откусываю от шарика и спрашиваю:

— Как дела?

— А... — отмахивается она, взглядывая на детей. — Так, помаленьку. Вот пока жива, как видишь. Это тоже неплохо, согласиись. — Тут она что-то вспоминает. — Да, спасибо за открытку.

Толпа постепенно относит ее в сторону.

— Пожалуйста! — кричу я вслед. — Хорошо вам повеселиться!

— Приятного аппетита! — смеется она в ответ.

Энджи уже около костра.

— Что это было? — интересуется Марв.

— Да так, одна знакомая.

До этого мне никогда не покупали на Рождество мороженое.

Я смотрю на костер и наслаждаюсь тем, как сладкий шарик холодит губы.

За спиной слышно, как отец говорит сыну:

— Еще раз увижу, дам такой поджопник, что в костер улетишь. Понял, нет?

Потом голос смягчается, и в нем звучит свирепый сарказм:

— А разве мы хотим, чтобы наш малыш упал в огонь? Нет, мы совсем этого не хотим! Да и Санта-Клаус расстроится, правда, сынок?

Марв, Ричи и я наслаждаемся этой тирадой.

— Да, — счастливо вздыхает Ричи. — Правильно говорят, Рождество — семейный праздник.

Всем нам приходилось слышать такое от отцов — уж по разу точно.

Тут я вспоминаю о своем отце. Мертвом. Похороненном. Это первое Рождество без него.

— С Рождеством, папа, — шепчу я и отвожу глаза от костра.

Тающее мороженое течет по пальцам.

Праздник все продолжается, и ближе к утру Марв, Ричи и я теряем друг друга: толпа плотная, не успел оглянуться — все, друзей не видно.

Я иду через весь город на кладбище. Долго сижу над могилой отца. С кладбища виден далекий огонек — это костер. А я сижу и смотрю на надгробие, на котором выбито отцово имя.

Я плакал на похоронах.

Слезы текли и текли по лицу, а я стоял и молчал, потому что мне не хватило мужества выйти и что-нибудь сказать. Все стояли и думали, что вот — хоронят пьяницу. А я помнил много чего другого.

— Он был джентльмен, — шепчу я, стоя над могильным камнем.

«Почему, ну почему я тогда промолчал?» Вот что меня мучает. Отец за всю жизнь не сказал никому плохого слова. Никого не обидел. Да, он не добился в жизни многого, и мама злилась, что он не сдержал обещаний, но все равно — кто-то же должен был произнести добрые слова над его могилой. Хоть кто-то.

— Прости, пап, — говорю я сейчас и встаю. — Прости меня, пожалуйста.

И ухожу, мучимый страхом.

Неужели мои похороны будут такими же? Равнодушные люди постоят над могилой и молча разойдутся?

Нет, я такого не хочу. Не хочу, чтобы над моим гробом молчали.

Просто для этого нужно жить настоящей жизнью. Жить. А не прозябать.

И вот я иду.

Просто иду.

Добравшись до дома, я обнаруживаю Марва: он спит на заднем сиденье своего рыдвана. И Ричи — тот сидит на крыльце. Ноги вытянуты, спина прислонена к растрескавшемуся бетону. Приглядевшись, я обнаруживаю, что Ричи тоже дрыхнет. Дергаю его за рукав.

— Ричи, — шепчу. — Проснись.

Он распахивает глаза.

— А? Что? — Перепугался, видно, спросонья.

— Ты уснул у меня на крыльце, — объясняю я. — Иди-ка лучше

домой.

Он встряхивается, смотрит на месяц в небе и говорит:

— Я ключи у тебя на кухонном столе забыл.

— Ладно, пойдем.

Я подаю ему руку, и он встает на ноги.

На часах начало четвертого.

Ричи нерешительно перебирает ключи.

— Чего-то хочешь? — спрашиваю я. — Выпить? Поесть? Может, кофе?

— Нет, спасибо.

И продолжает стоять. Не уходит.

Несколько мгновений мы глядим друг на друга и не знаем, что делать.

А потом Ричи отводит глаза и говорит:

— Знаешь... что-то нет у меня настроения идти домой...

В глазах у него просверкивает льдинка печали. Но тут же тает, — Ричи ее быстро смаргивает. Просто смотрит на ключи у себя в руках. Интересно, что таится под этой спокойной, невозмутимой личиной? В моей сонной голове устало проплывает вопрос: «Такой лентяй и пофигист, как Ричи, — и вдруг проблемы? Интересно, какие?»

Он медленно, словно нехотя, поднимает на меня глаза.

— Да не вопрос, — спешу я ответить. — Оставайся у меня.

Ричи с облегчением садится за стол.

— Спасибо, Эд. Привет, Швейцар.

Пес как раз входит в кухню. А я иду наружу — за Марвом.

Хотел было оставить его дрыхнуть в машине, но потом засовестился — Рождество все-таки.

Пытаюсь постучать в окно, но рука проваливается, не встречая препятствия.

Тьфу ты.

Стекло-то выбито.

Представляете? Марв так его и не вставил! Как много времени прошло с того идиотского ограбления, а он так и не вставил стекло. Думаю, мой друг попытался выяснить, сколько это стоит, а ему ответили, что больше, чем вся машина.

Он спит, уронив голову на руки, а вокруг с жадным писком роятся комары.

Машина не заперта, я открываю дверь и без долгих церемоний нажимаю на сигнал.

— Черт! — вскрикивает Марв, подскочив на сиденье.

— Пойдем в дом, — говорю я.

И иду к крыльцу. За спиной открывается и хлопает дверь, слышится звук шагов.

Ричи устраивается на диване, Марв — в моей кровати, а я решаю остаться на кухне. Объясняю, что все равно бы не уснул, и мой друг очень вежливо благодарит меня за гостеприимство.

— Спасибо, Эд.

Но прежде чем он оккупирует спальню, я захожу и забираю из комода все карты. В том же ящике лежит камень, подаренный семьей Татупу.

Сидя на кухне, я раскладываю тузы на столе и тщательно читаю, что на них написано. В глазах у меня все плывет, слова налезают друг друга, переворачиваются и меняются местами. От усталости я чувствую себя так, словно кто-то выел меня изнутри.

Выныривая из дремоты, вспоминаю буби, заново переживаю то, что принесли крести, и улыбаюсь пикам.

А вот черви меня очень, очень беспокоят.

Я даже спать не хочу, — вдруг приснятся.

Традиция. «Традиция». Слово само по себе хорошее, но на Рождество от него тянет блевать.

По всему миру в этот день люди собираются в семейном кругу и наслаждаются обществом родных и близких. Радость встречи длится несколько минут. Потом счет идет на часы, и родственники начинают друг другу надоедать. А потом они едва сдерживают рвотные позывы.

К маме в гости я отправился после того, как провел совершенно пустое утро с Ричи и Марвом. Мы подъели все, что осталось от праздничного ужина, и сыграли пару раз в «надоеду». Без Одри игра как-то не задалась, мы быстренько закруглились и разошлись.

Каждое Рождество наша семья собирается у мамы — в двенадцать дня.

Сестры приехали с детьми и мужьями, а Томми явился под ручку с потрясающей девушкой, которую умудрился подцепить в университете.

— Это Ингрид, — представляет ее Томми, и надо сказать, эту Ингрид вполне можно фотографировать для календаря.

У нее длинные темные волосы, загорелое лицо и такое тело, что голову потерять можно.

— Очень приятно, — улыбается она мне. И голос тоже приятный. — Я так много о тебе слышала, Эд.

Врет, конечно. И я принимаю решение: все, хватит. Хватит с меня лжи, все, сыт по горло.

И отвечаю:

— Это вряд ли.

Но говорю без обиды, спокойно. В ее присутствии я ощущаю... стеснение, что ли? Она такая красивая, что на нее не хочется сердиться. Такой девушке убийство простишь, не то что маленькую ложь.

— А... это ты, — бурчит мама без энтузиазма, завидев меня.

— С Рождеством, мамуля! — громко, с наигранной веселостью кричу я.

Уверен, все заметили, сколько иронии в моем возгласе.

В общем, мы едим.

Обмениваемся подарками.

Я катаю на спине и кручу в воздухе детей Ли и Кэтрин — раз пятьсот каждого. И без сил валюсь на диван.

Кроме того, я некстати захожу в гостиную, — Томми самозабвенно тискает Ингрид. Прямо перед журнальным столиком из кедра — ну, вы помните.

— Ч-черт, извините, — бормочу я, выпячиваясь из комнаты.

Удачи, братишка...

Без четверти четыре я начинаю собираться — пора ехать за Миллой. Мы с сестрами целуемся, с их мужьями я обмениваюсь рукопожатиями. Говорю «до свиданья» детям.

— Не успел прийти, уже уходит, — шипит мама, выдыхая клубы сигаретного дыма. На Рождество она всегда много курит. — А ведь живет ближе всех!

Очередная порция яда выводит меня из себя. Так и хочется засунуть эти слова обратно маме в рот.

«Ты изменяла отцу. А теперь еще и меня оскорбляешь на каждом шагу!» Так я говорю про себя — и наливаюсь злобой.

Очень хочется сказать все, что я думаю о женщине, которая стоит посреди убогой кухоньки и смолит сигарету за сигаретой.

Но вместо этого я смотрю ей прямо в глаза.

И отчеканиваю, запуская слова через дымовую завесу:

— Столько куришь — смотреть противно.

Выговариваю это и выхожу из кухни. А она так и стоит, не в силах распутать дымные струи.

Я иду через лужайку, но меня окликают. Это Томми.

Он выходит на крыльцо и кричит вдогонку:

— Эй, Эд, я так и не спросил, как у тебя дела!

Я разворачиваюсь и иду обратно:

— Да нормально дела, Томми. Год был тяжелый, но в целом все ничего. А как у тебя?

Мы садимся на ступеньки. Крыльцо наполовину на солнце, а наполовину в тени. Я сижу на темной стороне, Томми на светлой. Символично — в своем роде...

Мы сидим и болтаем, я впервые за этот день чувствую себя в своей тарелке.

— Как университет?

— Ты знаешь, хорошо. Оценки высокие, опять же, я не ожидал.

— А Ингрид?

Повисает молчание — и вдребезги разлетается от нашего хохота. Выглядит по-мальчишески, но я рад за брата, а брат за себя.

— Да ничего так, — отвечает он, отсмеявшись.

А мне хочется сказать Томми, что я горжусь им, — но не из-за Ингрид. При чем тут Ингрид, в конце концов, я о серьезном...

— Ты молодец, — говорю, хлопаю брата по спине и поднимаюсь со ступеньки. — Удачи тебе.

Я спускаюсь с крыльца.

— Надо бы созвониться. Сходим куда-нибудь... — говорит Томми.

И опять то же чувство — хватит с меня. Я разворачиваюсь и спокойно — надо же, сам себе удивляюсь, — отвечаю:

— Навряд ли, Томми, ты когда-нибудь соберешься.

И сразу становится легче на душе. Приятно избавиться от паутины вранья.

— Пожалуй, ты прав, — согласно кивает Томми.

В конце концов, мы же все равно братья. Может быть, когда-нибудь мы и впрямь созвонимся и встретимся. Будем сидеть и вспоминать, разговаривать о том о сем. О серьезных вещах — поважнее, чем оценки и Ингрид.

Просто это случится не скоро.

А сейчас я лишь говорю:

— Пока, Томми, спасибо, что вышел проводить.

Иду по лужайке и думаю: хоть что-то приятное случилось сегодня.

В принципе, можно было еще посидеть с Томми на крылечке и дожждаться, когда солнце доберется и до моей стороны. Но я встал и пошел по ступенькам вниз. Потому что нельзя сидеть и ждать солнца. Надо гнаться за ним самому.

Томми заходит в дом, я иду прочь, и тут в дверях появляется мама.

— Эд! — зовет она.

Я разворачиваюсь к ней.

Она подходит поближе и говорит:

— Слушай... с Рождеством тебя.

— Тебя тоже.

После некоторой паузы я добавляю:

— Мам, дело не в месте. Дело в человеке. Даже если б ты отсюда

уехала, ничего бы не изменилось. Ты бы не изменилась.

Это горькая правда, но я не могу остановиться, не высказавшись до конца.

— И если уж так случится, что я отсюда уеду... — Комок подкатывает к горлу и приходится сглотнуть. — То только после того, как выбьюсь в люди здесь.

— Да, Эд...

В ее голосе — изумление. А мне жаль ее. Жаль женщину, которая стоит на облезлом пороге убогого дома на бедной улице не очень благополучного пригорода.

— Звучит... логично.

— Пока, мам.

Я разворачиваюсь и иду прочь.

Эти слова нужно было произнести.

Домой я захожу только за глотком воды — и отправляюсь к Милле. Она уже готова и ждет — в голубом летнем платье и с подарком в руках. А на лице радость, даже восторг.

— Это тебе, Джимми, — протягивает Милла большую плоскую коробку.

Мне очень неудобно — я пришел без подарка.

— Извини, но...

Взмах сухонькой ручки заставляет меня замолчать.

— Я так рада, что ты вернулся. Открой, пожалуйста.

— Не сейчас, хорошо? — улыбаюсь я и предлагаю даме руку.

Милла опирается на локоть, и мы идем ко мне в гости. Я думал вызвать такси, но пожилая леди сказала, что хочет прогуляться. Однако на полдороге становится понятно: Милла может не дойти. Ее одолевают кашель и одышка. «Неужели придется нести старушку?» — пронзает мысль. Однако Милле все же удастся до меня добраться. Я тут же наливаю ей вина.

— Спасибо, — благодарит она, откидывается в кресле и моментально проваливается в сон.

Милла спит, а я время от времени подхожу — проверить, жива ли моя гостья. Слушаю звук ее дыхания.

А потом просто сажусь рядом и смотрю, как за окном в огне заката умирает день.

Когда Милла просыпается, мы едим индейку и фасолевый салат.

— Джимми, все очень вкусно. — Ее лицо просто сияет. — Все

чудесно, спасибо!

На морщинистых губах выступает улыбка.

В других обстоятельствах я бы пристрелил того, кто употребляет слово «чудесно». Но Милле оно невероятно подходит. Она аккуратно промокает рот салфеткой и несколько раз повторяет: «Чудесно». И я чувствую, что Рождество удалось.

— Ну что ж! — Ее ладони шлепают по подлокотникам кресла. Милла очень оживлена — видимо, короткий сон пошел ей на пользу. — Ты откроешь подарок?

— Конечно-конечно, — сдаюсь я.

Коробка обернута подарочной бумагой. Я снимаю крышку и обнаруживаю черный повседневный костюм и темно-голубую рубашку. Пожалуй, это будет первый и последний раз, когда кто-то дарит мне костюм...

— Тебе нравится? — с надеждой спрашивает она.

— Очень.

Это правда — костюм замечательный, жаль, что надеть некуда.

— Пожалуйста, примерь!

— Непременно, — соглашаюсь я. — Непременно, Милла.

В спальне я даже нахожу пару старых черных ботинок. Плечи пиджака неширокие — и слава богу. Выбегаю в гостиную, чтобы показаться в обновке, но Милла опять спит.

И вот я сижу.

В костюме.

Пожилая леди просыпается и удивленно восклицает:

— Батюшки, вот это костюм! — И трогает пальчиками ткань. — Откуда у тебя такое чудо?

Несколько мгновений я стою, не зная, что ответить, а потом понимаю: у бедняжки, похоже, провал в памяти. И я целую ее в морщинистую щеку:

— Мне его подарила женщина потрясающей красоты...

Милая, милая Милла.

— Как чудесно, — шепчет она.

— Да, — соглашаюсь я.

Она права.

Мы пьем кофе. А потом я вызываю такси и лично довожу Миллу до дома. За рулем, кстати, Саймон. Ну, парень Одри. Видимо, решил подзаработать на Рождество, ведь на праздник двойные тарифы.

Я прошу его подождать и веду Миллу к дому. Да, конечно, можно и

пешком вернуться, но сегодня я при деньгах и могу позволить себе поездку на такси.

— Спасибо, Джимми, — улыбается Милла и нетвердой походкой направляется на кухню. Она такая хрупкая — и все равно весьма красивая. — Очень приятно день прошел, — говорит она, и я с энтузиазмом киваю.

Действительно приятно, это чистая правда. Дурак ты, Эд Кеннеди, а еще думал, что делаешь Милле одолжение, приглашая ее в гости.

А теперь выходишь от нее в черном костюме и понимаешь: все строго наоборот. Это тебе выпала удача встретиться с чудесной женщиной.

— Домой? — спрашивает меня парень Одри.

— Да, пожалуйста.

Я сижу на переднем сиденье, и он заводит беседу. Причем постоянно сворачивает на Одри, что отнюдь не доставляет мне удовольствия.

— Так что ж, выходит, вы с Одри старые друзья? Много лет уже?

Я буравлю взглядом приборную панель:

— Да, даже и не лет. Больше.

— Ты ее любишь? — вдруг спрашивает он.

Неожиданная откровенность застает меня врасплох. Вроде и говорить только начали, а тут такое... Видимо, парень понимает, что поездка будет короткой, и пытается выжать из разговора максимум. И снова интересуется:

— Ну так что?

— В смысле — ну так что?

— Кеннеди, не пудри мне мозги. Да или нет?

— А сам-то как думаешь?

Он молча трет подбородок.

— Дело не во мне. Просто ты хочешь знать, любит ли она тебя, — говорю я. Мой голос строг и непреклонен. Я продолжаю наседать на беднягу: — Ну? Правда ведь?

— Э-э-э... — мямлит он.

А мне его жалко. Он, в конце концов, заслуживает ответа — хоть какого-то.

— Одри не хочет любить тебя, — говорю я. — Она вообще никого не хочет любить, понимаешь? Ей пришлось нелегко. И она возненавидела тех, кого сначала любила.

В голове у меня проносится пара картин из детства. Да, Одри хлебнула по полной. И поклялась, что это никогда не повторится. Что она не позволит этому вновь случиться.

Парень молчит. А он ничего, решаю я про себя. Красивый, не то что ты, Кеннеди. Такой должен нравиться женщинам: добрые глаза, твердый подбородок. И усики — знаете, как мужики на подиуме носят.

К дому мы подъезжаем в полном молчании. Потом парень говорит:

— Она любит тебя, Эд.

— А хочет — тебя, — отвечаю я и смотрю на него.

В этом вся проблема.

— Держи.

Я даю ему деньги, но он только отмахивается:

— Сегодня за мой счет.

Но я упираюсь и повторяю попытку. В этот раз он берет купюры.

— Не клади их в общую кассу, — заговорщически предлагаю я. — Считай, что это лично твои деньги — типа как чаевые.

Должны же мы как-то по-человечески пообщаться, прежде чем я выйду.

— Приятно было с тобой поговорить, — киваю я, и мы обмениваемся рукопожатиями. — С Рождеством тебя, Саймон.

Да, теперь он Саймон. Не парень Одри.

Зайдя в дом, я валюсь на диван и засыпаю — прямо в чудесном костюме и темно-голубой рубашке.

С Рождеством тебя, Эд.

На следующий день, хоть это и выходной, я работаю. Так что к Берни на Ариэль-стрит мне удастся попасть лишь двадцать седьмого декабря.

— Эд Кеннеди! — радостно восклицает он. — Хочешь посмотреть кино?

— Нет, извините, — быстро отвечаю я. — Просто мне нужна ваша помощь.

Он тут же подходит поближе и осторожно интересуется:

— Чем могу быть полезным?

— Вы ведь разбираетесь в кино?

— Ну да. Ты можешь посмотреть все, что угодно...

— Нет-нет, подождите. Дело вот в чем. Эти фильмы вам знакомы? Вы не могли бы мне о них рассказать? — Я вытаскиваю из кармана туз червей и читаю — хотя, по правде говоря, мог бы перечислить все по памяти: — «Чемодан», «Кэт Баллу» и «Римские каникулы».

Берни моментально включается в процесс:

— Так, «Римские каникулы» у меня есть, а вот остальными, увы, не располагаю...

И он принимается забрасывать меня фактами:

— Значит, «Римские каникулы». Считается, что это один из лучших фильмов с участием Грегори Пека. Вышел в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, режиссер Уильям Уайлер, снявший также «Бен Гура». Съемки проходили в Риме, кадры получились просто чудесные, а кроме того, там великолепно сыграла Одри Хепберн — между прочим, Пек настоял на том, чтобы у них был одинаковый гонорар. Сказал, что, если ей не заплатят столько же, сколько ему, он, Пек, станет посмешищем, — так хорошо Хепберн сыграла. Два Оскара подтвердили, что он не ошибся в отношении молодой актрисы...

Берти говорит, словно кто-то пустил пленку в ускоренном темпе, — и мне приходится отмотать ее в уме к знакомому имени.

«Одри».

— Одри, — говорю я вслух.

— Да. — Он останавливается — видимо, изумленный моим невежеством. — Ну да, Одри Хепберн. И она сыграла просто чудес...

«Нет, только не это! — умоляю я про себя. — Это слово принадлежит Милле!»

— Одри Хепберн! — Мне стоит большого труда говорить спокойно. — А остальные? Вы можете рассказать об остальных?

— Ну, у меня есть каталог, — поясняет Берни. — Большой — толще того, что я тебе показывал в тот вечер. В нем — информация о всех когда-либо снятых фильмах. Перечислены актеры, режиссеры, операторы, звуковые дорожки, главные музыкальные темы — все, абсолютно все.

И он действительно притаскивает здоровенную книжищу и вручает ее мне. Первой попадает «Кэт Баллу». Я зачитываю вслух:

— «В ролях: Ли Марвин (одна из лучших его работ)...

И тут же останавливаюсь, потому что нашел искомое. Возвращаюсь глазами к началу строки и снова читаю имя:

— Ли Марвин... Марвин...

Марв!

Так, теперь очередь «Чемодана».

Вот он. А вот и список актеров и имя режиссера. Его зовут Пабло Санчес. Та же фамилия, что у Ричи.

Итак, у меня есть три адреса.

Ричи. Марв. Одри.

Радость нежданного открытия тут же сменяется тревогой.

«Хотелось бы верить, что это приятные послания», — проносится в голове. Но сердце подсказывает, все будет непросто. Не зря это последнее задание. Да, я знаю всех троих, но уроки наверняка будут самыми трудными, — нутром чую.

Я откладываю каталог на стойку и смотрю на карту.

— Эд, что с тобой? — обеспокоенно спрашивает Берни.

— Берни, пожелай мне удачи. Чтобы в моем сердце хватило мужества сделать то, что должен, — говорю я и смотрю на него.

И он желает мне удачи.

С картой в руке я выхожу на улицу. Там меня встречают темнота и неизвестность. Чего ждать от будущего?

Страшно, конечно, но я быстрым шагом иду навстречу тому, что меня ждет.

Запах улицы пытается схватить меня, но я стряхиваю его назойливые

лапы и иду вперед. По рукам и ногам то и дело пробегает дрожь, но я лишь убыстряю шаг. Одри ждет моей помощи. Ричи и Марв тоже. Мне нужно спешить.

Страх течет по улице.

Он оплетает мне ноги.

Мрак густеет, я перехожу на бег.

И бегу, бегу в темноте.

Интуиция подсказывает: надо идти к Одри.

Нужно быстрее идти к ней домой — и немедленно оказать помощь.

Вариант, что это будет что-то неприятное, я даже не рассматриваю.

«Надо срочно идти туда! Быстрее, быстрее!»

Тут в голове проносится новая мысль.

Я все еще иду, но уже с картой в руке.

И внимательно читаю написанное.

А ведь фильмы-то перечислены в определенном порядке!

Ричи. Марв. Одри.

Из меня выползает некое предчувствие, а вслед за ним волочится и твердое знание: увы, задания придется выполнять по порядку. Одри явно не зря заявлена последней в списке, это абсолютно точно. А первый там — Ричи.

— Именно. Ричи, — соглашаюсь я и с предчувствием, и со знанием.

И быстро иду вперед. Направляюсь я к дому Ричи, на Бридж-стрит — причем самым коротким путем. Ноги все быстрее и быстрее несут меня к цели.

«Интересно, я так спешу, потому что хочу скорее добраться до послания Одри?» На этот вопрос не находится ответа.

Надо сосредоточиться на Ричи.

Передо мной встает его лицо. Я как раз прохожу под ветками дерева, отбрасывая лезущие в глаза листья. И голос — как он комментирует наши игры в карты. Вспоминаю, как Ричи радовался нашей рождественской затее — ну, что Марв должен Швейцара в морду поцеловать.

«Ричи, — удивляюсь я. — Какое послание я должен ему доставить, интересно знать?»

Я уже почти дошел.

Поворот на Бридж-стрит уже совсем близко.

И тут сердце мое останавливается, падает — и захлебывается стуком.

Да, повернув за угол, я вижу дом Ричи. А передо мной стоит жуткий вопрос — и дышит мне в лицо.

На кухне в доме Ричи горит свет. Гостиная тоже освещена. Но один

важный вопрос стоит и не желает уходить!

Какой? Да вот этот: «Ну а дальше-то что?»

Все предыдущие задания относительно простые, — ведь эти люди были мне незнакомы. Ну, за исключением мамы, — хотя, сидя в итальянском ресторане, я совершенно не знал, что жду именно ее. Так вот, поскольку люди были мне не известны, у меня и выбора-то особого не было. Я просто ждал, когда подвернется удачный случай, — вот и все. Но вот с Ричи, Марвом и Одри — с ними все по-другому. Я их знаю как облупленных. Зачем мне шататься вокруг их домов? Я что, сумасшедший?

И тем не менее, взвесив все, я решаю перейти на другую сторону улицы, сесть под дубом и ждать.

И сижу так уже битый час. Если честно, ничего особенного не происходит. Ну, стало понятно, что родители Ричи уже вернулись из отпуска (я видел, как его мама мыла посуду).

Время идет, и вскоре свет остается только на кухне. В остальных домах окна тоже не горят — словно вымерли все. Только фонари светят.

А в доме Санчесов я вижу движение. Одинокая фигура появляется на кухне и садится за кухонный стол.

И я понимаю — это Ричи.

Мне приходит в голову шальная мысль — зайти в гости. Но прежде чем я успеваю встать, с дальнего конца улицы доносятся звуки шагов.

И вскоре надо мной останавливаются двое мужчин.

Мужчины едят пироги.

Один из них смотрит вниз и говорит — с привычным, равнодушным презрением:

— Нам сказали, что ты, Кеннеди, наверняка тут будешь околачиваться.

Качает головой и отбрасывает пирожок — явно купленный на ближайшей заправке. Тот глухо стучается о землю, и мужик продолжает:

— Ты, я смотрю, у нас реальный обалдуй. Безднадежный при этом. Согласен?

Я смотрю на него снизу вверх и не знаю, что сказать.

— Ну так как же, Эд? — вступает в разговор второй.

Звучит, конечно, смешно, но без вязаных шлемов их совсем нелегко узнать.

— Дэрил?

— Да.

— Кейт?

— Точно.

Дэрил присаживается на корточки и выдает мне пирожок.

— Как в старые добрые времена, — объясняет он.

— Точно, — отвечаю я — все еще в состоянии полнейшего шока. — Спасибо.

Воспоминания о последнем визите этих парней с шумом врываются в голову. Теснятся неприятные картины, в которых смешались кровь, разговоры и грязный кухонный пол. Нет, надо все-таки спросить.

— А вы не... Черт, а ведь это трудно выговорить.

— Что? — интересуется Кейт, садясь сбоку от меня. — Не собираемся ли мы начистить тебе чайник?

— Ну да, — киваю я.

В знак доброй воли Дэрил берет мой пирожок, разворачивает его и выдает обратно.

— Нет, Эд, что ты. Сегодня обойдемся без спортивных упражнений.

И он хихикает, явно припоминая что-то приятное. Мы с ним сидим, словно старые боевые товарищи. И смотрим друг на друга.

— Однако, Кеннеди, если ты вдруг начнешь хамить, смотри мне.

И Дэрил устраивается поудобнее. На руках и на лице — шрам на шраме. Но парень все равно выглядит неплохо. Привлекательно. А вот Кейт — полная противоположность. Щеки все в заживших прыщах, нос острый, подбородок свернут на сторону.

Я оглядываю его и изрекаю:

— Слушай, а вот тебе лучше маску не снимать. А то прям смотреть страшно.

Дэрил искренне хохочет. А вот Кейту, мягко говоря, не до смеха. Но вскоре он перестает дуться, и мы снова сидим как старые приятели. А ведь, кстати, это не так далеко от истины. У нас — у меня, у этих ребят — есть некий общий опыт. Неважно какой, неважно, что мы были по разные стороны, — главное, что опыт общий.

Некоторое время мы просто вот так сидим и жуем пироги.

— А соус есть? — интересуюсь я.

— Вот видишь? А я говорил! — обвиняюще взглядывает Кейт на Дэрила.

— Что?

— Что — что? Я же говорил, соус надо взять, — объясняет Кейт. — Но этот скупердяй послал меня к черту.

Дэрил гордо вскидывает голову и заявляет:

— Между прочим, соус опасен. — И его палец утыкается в мою рубашку: — Смотри, что надето на нашем друге? Видишь? Какого она

цвета?

— Да знаю я, какого она цвета! Не нужно со мной снисходительным тоном разговаривать!

— Что? Опять? Когда это я с тобой снисходительным тоном разговаривал?

Они переругиваются через мою голову, а я знай себе поедаю остывший пирог.

— Да вот прямо сейчас! — злится Кейт. И пытается вовлечь меня в беседу: — А ты что скажешь? — Он глядит на меня пристально. — Правда ведь, Дэрил разговаривал со мной снисходительно?

Я решаю, что лучше ответить на вопрос Дэрила:

— На мне белая рубашка.

— Вот именно, — кивает Дэрил.

— Что значит «вот именно»?

— Вот именно, Кейт, значит, что в такой рубашке для Эда опасна сама мысль о поедании пирога с соусом! — Да, теперь он точно разговаривает в снисходительном тоне. — Соус может потечь, капнуть на эту чудесную белую рубашку, и наш несчастный друг будет вынужден отправить чертову тряпку в стирку! А оно нам надо?

— Подумаешь, стирка! — продолжает отчаянно полемизировать Кейт. — Заложит кучу всего в машинку, пока будет мыть свою псину! На мытье вонючей твари уйдет несколько часов, чтоб мне лопнуть!

— Так, я попросил бы Швейцара в таком ключе не упоминать! — протестующе заявляю я. — Он вам ничего не сделал!

— Вот именно, — снова кивает Дэрил. — Оскорблять чужую собаку, Кейт, — это лишнее.

Кейт мгновенно остывает и признает свою ошибку. И, опустив голову, вздыхает:

— Да, ты прав. — Даже извиняется: — Прости, Эд.

Похоже, на этот раз им строго-настрого наказали вести себя со мной прилично. Чтобы как-то это компенсировать, они постоянно ссорятся между собой.

Перебранка, кстати, продолжается довольно долго. Но в конце концов Кейт и Дэрил вспоминают о моем присутствии и дружно извиняются. А потом мы беседуем в темноте ночи, и за шиворот нам стекают капли молчания.

Мы положительно счастливы. Дэрил травит анекдоты — про мужиков в баре, про женщин с пистолетами, а потом про жен, сестер и братьев, которые за миллион долларов с удовольствием легли бы в постель с

молочником.

Да, мы счастливы. И тут в кухне Ричи гаснет свет.

Я вскакиваю и сердито говорю:

— Замечательно!

И сурово оглядываю чемпионов по глупым дискуссиям, выговаривая за то, что сегодня ночью упустил свой шанс.

Они, однако, совершенно не намерены признавать вину.

— Шанс на что? — удивляется Дэрил.

— А то ты не знаешь! — парирую я.

Он лишь качает головой.

— Нет, Эд. Я действительно не знаю. Но я знаю, что это твое следующее послание, а у тебя пока нет четкого плана действий, — говорит он.

Голос его звучит дружелюбно и буднично, но я кожей чувствую в нем что-то еще.

«А ведь правда», — думаю я.

И понимаю, что еще послышалось мне в голосе Дэрила.

Он прав. Я действительно не знаю, что делать. Просто строю догадки и надеюсь, что ответы обнаружатся сами собой.

Дэрил и Кейт молча стоят под дубом.

С левой стороны я слышу голос — это Кейт.

Он заползает в уши — такой хриловатый, добродушный, всезнающий.

Он слышен рядом, совсем рядом:

— Так что ты здесь делаешь, Эд?

Подползая, слова увеличиваются в размерах и настырно лезут в уши:

— Зачем стоять и ждать у моря погоды? Ты же прекрасно знаешь, что нужно делать...

Мгновение молчания, и на меня обрушивается целый поток слов. Они наводняют слух и текут, текут:

— Ричи — твой друг, Эд. Близкий друг. Тебе не нужно ничего придумывать. И ждать тоже не надо. Даже решать нечего. Ты и так знаешь, абсолютно точно, что нужно делать. Разве нет?

И он жестко повторяет:

— Разве не так?

Пошатнувшись, я отступаю назад и съезжаю вниз по стволу дерева. И снова оказываюсь в той же позе — сижу и смотрю на дом.

Две фигуры надо мной стоят и тоже смотрят.

Мой голос выпрыгивает изо рта и приземляется у их ног.

«Ты знаешь, что нужно делать», — звучит у меня в голове.

— Да, — говорю я. — Я знаю.

Миллион воспоминаний рвет меня на части.

От Эда Кеннеди остаются одни клочки.

Кейт и Дэрил уходят прочь.

— Ура, — бормочет один из них.

Кто конкретно — непонятно.

А я хочу встать и побежать за ними. Догнать и упросить рассказать, кто за всем этим стоит. Но остаюсь на месте.

Потому что не могу подняться.

Все, что я могу, это сидеть под деревом и собирать разрозненные клочки воспоминаний. Всего того, что сейчас пронеслось в моей голове.

Я видел Ричи.

И себя.

Надо мной шелестит дерево, я пытаюсь отказаться, не признать виденное виденным. Хочу встать. Но сердце проваливается, как камень, и он утягивает меня вниз.

— Извини, Ричи, — шепчу я. — Но это нужно сделать.

«Если бы у сердца был цвет, он был бы черным, — думаю я. — Черным, как ночь. Как темнота на этой улице». С трудом поднявшись на ноги, я плетусь домой — долго-долго. Почти бесконечно.

А потом мою посуду.

Тарелки стопкой стоят в раковине, и последним я отмываю широкий длинный нож. В нем вспыхивает кухонная лампа и отражается мое вялое лицо.

Кривое и вытянутое.

Обрезанное по краям.

А потом я вижу в лезвии слова, которые нужно сказать Ричи. И откладываю нож в сушку. Там уже лежат перемытые тарелки, нож соскальзывает с горы посуды, падает, ударяется об пол с громким звоном и крутится, словно стрелка часов.

Мое лицо успевает отразиться три раза.

Сначала я вижу в своих глазах Ричи.

Потом Марва.

Потом Одри.

Я поднимаю и держу в руке нож.

Вот так бы взять и распороть этот мир. Взрезать его ткань — и выбраться в другой.

В кровати я продолжаю обдумывать все это.

В ящике комода лежат три карты. Четвертая зажата в руке.

Надо мной уже стоит сон. Я нажимаю пальцем на уголок червового туза. Картон твердый, кромка острая.

Где-то тикают часы.

На меня смотрят вещи — выжидательно и нетерпеливо.

Имя: Дэвид Санчес.

Также известный как Ричи.

Возраст: 20.

Занятие: никакого.

Достижения: никаких.

Стремления: никаких.

Шансы получить положительные ответы на предыдущие три вопроса: никаких.

Я снова ходил к дому Ричи на Бридж-стрит. Он стоял совершенно темный. Но когда я уже собрался уходить, свет вдруг зажегся на кухне. Он вспыхивал и умирал, вспыхивал и умирал, пока наконец не уцепился за жизнь и не загорелся ровно.

В освещенную кухню кто-то входит. Садится за стол. Это Ричи, его легко узнать по прическе и манере двигаться.

Подойдя поближе, я обнаруживаю, что Ричи слушает радио. Диджей болтает, изредка включая песни. Музыка еле слышна с того места, где стою я.

Надо подобраться поближе, но так, чтобы не заметили.

Голос диджея неразборчиво вещает, и я вижу, как слова, будто тяжелые руки, ложатся на плечи Ричи и пригибают их к столу.

Можно без труда вообразить, что окружает моего друга.

Вот тостер, вокруг рассыпаны крошки.

Вечно невымытая духовка.

Когда-то белые, уже темнеющие кухонные шкафы.

Обитые красной клеенкой стулья с проковырянными дырками.

На полу дешевый линолеум.

И среди всего этого Ричи.

Я пытаюсь представить выражение его лица. Вот он сидит и слушает радио, совершенно один. Тут же вспоминаю, как он сказал рождественским

утром: «Знаешь, что-то нет у меня настроения идти домой». Я помню, как Ричи медленно-медленно поднял на меня глаза, и теперь осознаю: нет ничего хуже, чем вот так сидеть на пустой кухне.

Ричи очень трудно представить с горестным выражением лица, он же всегда такой расслабленный. Спокойный. Тогда, в рождественское утро, я впервые увидел что-то похожее. И вот теперь, на кухне, наверняка та же картина.

А еще я представляю себе руки Ричи.

Как они лежат на кухонном столе. Сложенные, шевелящиеся — туда-сюда. Раскачивающиеся. Бледные, бесполезные. Им нечего делать. Они праздны.

Лампа на потолке заливает Ричи беспощадным светом.

Так он сидит где-то час. Радио наконец прекращает бормотать. Заглянув в окно, обнаруживаю, что Ричи спит, головой на столе. Радиоприемник около уха. Я разворачиваюсь и ухожу. Ничего не могу с собой поделатъ, хотя прекрасно знаю: надо зайти в дом. Нет, не могу. Только не сегодня.

И я иду домой. Не оглядываясь.

Следующие два вечера мы играем в карты. Один раз у Марва, другой — у меня. Швейцар приходит и сидит под столом. Я его поглаживаю ногами. И весь вечер наблюдаю за Ричи. Прошлой ночью повторилось то же самое: я стоял под окном и видел, как Ричи пришел на кухню, включил свет и слушал радио.

Джими Хендрикс смотрит на меня с татуировки. Ричи бросает на стол даму пик — я проиграл.

— Премного благодарен.

Трудно удержаться от ворчания в такой ситуации.

— Извини.

Что у него есть в жизни, кроме ночных посиделок на кухне? Подъем не раньше половины одиннадцатого, в двенадцать — в паб. К часу дня Ричи перемещается в букмекерскую контору. Что еще? Ну, время от времени ему выплачивают пособие по безработице. Пару раз в неделю он играет в карты. Что еще? Да ничего.

А между тем Одри рассказывает очень смешную историю про подружку, которая искала работу в городе. Типа обратилась в одно из крутых агентств по подбору персонала, а у них такая политика — каждому нашедшему через них работу дарят маленький будильник. В общем, подружка получила должность и пришла поблагодарить работодателя.

Пришла, ушла, — а будильник забыла. Прямо на стойке. В головном офисе компании.

В общем, коробка с будильником стоит на стойке.

Внутри тикает.

— Все, естественно, боятся к ней прикоснуться, — говорит Одри. — А вдруг там бомба? — Она шлепает карту на стол. — И вот они звонят Большому Боссу, а тот обсирается со страху — не знаю отчего, может, он втихую трахал секретаршу, а тут решил, что жена пронюхала и захотела взорвать его вместе с любовницей...

Одри делает театральную паузу, — мы заворуженно слушаем.

— В общем, они эвакуировали здание, вызвали спецотряд по обезвреживанию бомб, полицию — короче, всех, кого могли. В результате подрывники прибыли. Открыли коробку. И тут будильник как зазвонит!!!

Одри качает головой под общий хохот. И подытоживает:

— В общем, ее уволили еще до выхода на работу...

История заканчивается, а я наблюдаю за Ричи.

Очень хочется подколоть его. Вывести из равновесия. Извлечь из комфортной дружеской обстановки — и пересадить на пустую ночную кухню. И если у меня получится, я увижу настоящего Ричи, — а не такого, каким он кажется со стороны. Нужно просто подгадать время.

И вот она, удобная минута. Ричи приглашает всех сыграть в карты у него дома через пару дней.

— Ближе к восьми, хорошо?

Все соглашаются. Мы начинаем прощаться, и я говорю:

— Заодно покажешь радиоприемник.

Я делаю над собой усилие — нужно быть жестким и расчетливым.

— Ночные программы — это круто, правда?

Ричи взглядывает на меня:

— Эд, ты о чем?

— Да ни о чем конкретном, — беззаботно отвечаю я.

И решаю не развивать дальше тему — потому что добился, чего хотел. На лице моего друга снова промелькнуло страдальческое выражение. Теперь понятно, как выглядит и что чувствует Ричи, когда сидит на кухне в мертвенном свете лампы.

Я вглядываюсь во тьму его глаз. Пытаюсь отыскать настоящего Ричи — он ведь там, внутри, бродит по лабиринту безымянных пустых улиц. Один. Улицы меняются и кружатся вокруг него, заманивая все глубже и глубже, но Ричи продолжает идти — тем же шагом. Ничего не замечая.

— Оно ждет, — говорит тот, шагающий через лабиринт Ричи, когда я

подхожу поближе.

Нужно спросить. Задать вопрос:

— Что ждет, Ричи?

Сначала он просто идет, не сбавляя шага. И только посмотрев под ноги, я понимаю — мы никуда не движемся. Это мир вокруг нас движется — улицы, воздух, темные пятна облаков на этом нездешнем, внутреннем небе.

А мы с Ричи стоим на месте.

— Оно где-то здесь, — воображаю я ответ. — Где-то поблизости.

Теперь он идет, явно с намерением куда-то прийти.

— Оно хочет, чтобы я его нашел. Хочет, чтобы я его взял.

И тут мир вокруг нас замирает.

Я это ясно вижу в глазах Ричи.

И там, внутри, я спрашиваю:

— Так что тебя ждет, Ричи?

Хотя я знаю что.

Можно было даже вопроса не задавать.

Остается надеяться, что Ричи найдет его сам.

Все уже ушли, и мы со Швейцаром пьем кофе. Где-то через полчаса в дверь стучат.

«Ричи, не иначе», — думаю я.

Швейцар, мне кажется, кивает, соглашаясь с гипотезой. Я иду открывать.

— Здравствуй снова, Ричи! Забыл что-то?

— Нет.

Он заходит, и мы садимся на кухне.

— Кофе?

— Нет.

— Чаю?

— Нет.

— Пива?

— Нет.

— Слушай, тебе не угодишь...

На это он не отвечает. А потом смотрит на меня и жестко так спрашивает:

— Ты за мной следил?

Я твердо смотрю ему в глаза и говорю:

— Я вообще за всеми слежу.

Ричи засовывает руки в карманы и ежится:

— А ты, часом, не извращенец?

Интересно, ведь Софи то же самое сказала. Я пожимаю плечами:

— Ну, не больше, чем все остальные.

— А ты можешь перестать делать... это?

— Нет.

— Это почему? — придвигается он ко мне.

— Потому что не могу.

Ричи, похоже, думает, что я его дурачу. Черные глаза спрашивают: «Как насчет того, чтобы объясниться?» Ну что ж, правду так правду.

Я иду в спальню и вытаскиваю карты из ящика комода. Они шлепаются на стол перед моим другом.

— Помнишь, мне в сентябре прислали карту по почте? Я сказал, что выкинул ее. Так вот, я соврал.

Речь изливается из меня плавно. Я смотрю Ричи в глаза.

— И ты на одной из карт. Я должен доставить тебе послание.

— Ты... уверен?

Он пытается убедить меня, что это какая-то ошибка, но я твердо стою на своем. Только качаю головой — нет, мол. Подмышки, кстати, взмокли.

— Это ты, — убежденно сообщаю я.

— Но почему?

Ричи смотрит умоляюще, но я не должен поддаваться жалости. Нельзя позволить ему снова провалиться в этот черный лабиринт, где в темном доме есть темная комната, в которой на полу валяется, растоптанная, его гордость. Поэтому я продолжаю холодным, сухим голосом:

— Ричи, посмотри на себя. Тебе не стыдно?

Он смотрит на меня так, словно я только что пристрелил его собаку. Или сообщил о скоропостижной смерти матери.

Каждую ночь он сидит на кухне и слушает радио. И неважно, что говорят ведущие. Слова всегда — одни и те же. Те самые, что я сейчас произнес. Мы оба это знаем.

Ричи буравит взглядом стол.

А я смотрю в какую-то точку у него над плечом.

Мы оба сидим и думаем над тем, что я только что произнес. Ричи, правда, сидит с обиженным видом.

Заседание наше друг напротив друга продолжается довольно долго. Прерывает его знакомая вонь — в кухню заходит Швейцар.

— Эд, ты хороший друг, — наконец говорит Ричи. На лицо его возвращается прежнее расслабленное, всем довольное выражение. Ему,

правда, трудно удержать его. — А ты, — обращается мой друг к Швейцару, — воняешь, как выгребная яма.

С такими словами Ричи встает и уходит.

Отголоски этих слов гуляют по кухне. Я прислушиваюсь к улице. Слышу, как взрывается «кавасаки» — и удаляется в ночь, темную и неподвижную.

«Мне кажется, ты был излишне суров», — замечает Швейцар.

Некоторое время мы стоим и молчим друг напротив друга.

На следующую ночь я прихожу на то же место. К дому Ричи. Отступаться нельзя.

Вот он проходит через кухню. И появляется на крыльце — в одной руке радиоприемник, в другой бутылка. Я слышу его шаги, потом голос:

— Эд?

Выхожу из тени.

— Пойдем к реке, — говорит Ричи.

Река огибает пригород. Мы сидим на берегу — от дома Ричи не так уж далеко идти. И передаем друг другу бутылку. Тихо бормочет радио.

— Знаешь, — говорит Ричи после некоторого молчания, — я раньше думал, что у меня синдром хронической усталости.

И замолкает, словно забыл, что хотел сказать.

— Ну и? — подстегиваю я.

— Что?

— Синдром хронической усталости.

— А, да, — вспоминает Ричи, о чем шла речь. — Так вот, я думал, это оно. А потом понял — никакой это не синдром. Просто я ленивый говнюк.

М-да, это тянет на полноценную шутку.

— Ну, ты не один такой...

— Эд, смотри, у большинства людей есть работа. У Марва есть работа! Даже у тебя!

— Что значит — даже у меня?

— Ну, я хотел сказать, что ты... ну... на высокие цели не замахиваешься.

— Хорошо сказано, — согласно киваю я. Отпивая большой глоток, замечаю: — И да, водитель такси — это не работа, на самом-то деле.

— А что же? — удивляется Ричи.

Я думаю, прежде чем ответить:

— Так. Отговорка. Предлог, чтобы не браться за серьезное дело.

Ричи молчит. Он знает, что я говорю правду.
Мы пьем и смотрим, как мимо несется вода в реке.

Так мы сидим около часа.

Ричи поднимается и заходит в воду. По колено и дальше.

— Вот на что похожа наша жизнь, — говорит он.

Похоже, ему понравилась идея, что мир, как река, течет мимо него.

— Мне двадцать лет!

Хендрикс — или Прайор? — подмигивает с его бицепса.

— И что? У меня душа не лежит ни к какому, ну просто абсолютно ни к какому занятию!

Правда может быть абсолютно жестокой. Мне остается только восхищаться точностью формулировки.

Да уж, обычно мы стараемся убедить себя: мол, у меня все в порядке. Но иногда правда выходит наружу, и от нее уже не отвертишься. И ты понимаешь: «я в порядке» — это не утверждение. Это вопрос. Даже сейчас я сижу и думаю, сколько в моей жизни правды, а сколько такого самовнушения.

Поднявшись, я тоже захожу в воду.

Мы стоим рядом, по колено в реке, и открывшаяся правда безжалостно оттягивает мокрые штаны.

Мимо с шумом течет вода.

— Эд? — тихо говорит Ричи. Мы все еще стоим в воде. — На самом деле я хочу только одного.

— Чего же?

Ответ прост:

— Чтобы мне хотелось хотеть.

На следующий день Ричи не идет в паб. Букмекерскую контору тоже обходит стороной. Мой друг начинает искать работу. Что до меня, то сказанное над ночной рекой не дает покоя и мне.

Чем я занимаюсь? Вожу пассажиров, а они мне говорят, куда ехать и что делать. Еще наблюдаю за людьми. Говорю с ними. Вот, погода сегодня хорошая, опять же. Это так важно — хорошая погода.

Похоже, я жалуюсь на жизнь.

Ною.

Или нет?

Наверное, нет.

Я же сам выбрал эту работу.

«И что, нравится?» — спрашиваю я себя.

И на протяжении нескольких километров пытаюсь убедить — мол, да, нравится. Еще бы, самое то! Однако в глубине души я знаю — нет. Не то. Знаю, что работа в таксопарке, жизнь в убогой съемной хибаре — это не то, что мне нужно в жизни. Так не должно быть.

Такое впечатление, что в какой-то момент я сел и сказал: «Это — Эд Кеннеди».

Словно представил себя себе.

И вот куда это завело.

— Эй, а мы правильно едем? — спрашивает пухлый пассажир в деловом костюме.

Я смотрю в зеркало заднего вида и говорю:

— Понятия не имею.

Следующие несколько дней проходят без приключений. Однажды вечером мы играем в карты, и я понимаю: пора заняться Марвом. Дело Ричи, похоже, завершено. Очередь за вторым другом.

Искоса поглядывая на него, я думаю: «Ну и что, черт побери, мне с

ним нужно делать?» У него есть работа. Есть деньги. Понятно, что у него самая хреновая машина в мире, но опять же, он не хочет покупать новую! Не хочет на нее тратиться!

Так чего же хочет Марв?

Что ему на самом деле нужно?

С остальными посланиями было проще — я ждал, что ответ придет как-то сам собой.

Однако в случае с Марвом это явно не так, подсказывает интуиция. Ответ — совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Я каждый день вижу его, но прохожу мимо. Не замечаю. Все-таки между «видеть» и «обнаружить» — большая разница.

Да, Марв нуждается в моей помощи.

Но что конкретно я должен сделать?

Пока непонятно.

Так проходят все следующие сутки. В сомнениях. Пришла и прошла новогодняя ночь. Над городом взрывались фейерверки. Какая-то пьяная шваль налепила всякой праздничной фигни на машину — причем, судя по воплям, ребята были абсолютно счастливы. Знаем-знаем, чем кончается такой веселый вечер, — наволочка воняет пивом и перегаром, а в голове плещется тяжелое похмелье.

На этот раз все пошли в гости к Ричи. Я работал и подгадал, чтобы ближе к полуночи заехать и всех поздравить. Родители Ричи тоже дома, все веселятся. Я пожимаю руки Марву, Ричи и Саймону. Целую Одри в щечку. Спрашиваю, как у нее получилось взять отгул. Видимо, просто повезло.

А потом — снова за работу. Дома я оказываюсь под утро, — Швейцар ждет, не ложится. Ну что ж, вот я и вернулся, дружище. Наливаю себе и собаке. Праздник же. И поднимаю тост: «За тебя, мистер Швейцар! Здоровья тебе! Надеюсь, ты и в следующем году меня не покинешь!» Швейцар выпивает (или вылакивает?) и уходит к двери и там засыпает.

К Новому году я отношусь настороженно. А может, я просто не в настроении праздновать — именно в этом году. Наверное, из-за того, что отца с нами больше нет. А без него праздники — Новый год, Рождество — уже не те, что прежде. Понятно, что папа был перманентно пьян и не очень включен в процесс, но мне все равно грустно.

А еще я убираю полотенца из ванной и из кухни — на кухне оно до невозможности извазюканное, кстати. У папы была на это дело идиосинкразия. Суеверие такое, если хотите. Нельзя оставлять ничего

сушиться в ночь на Новый год. Офигенное духовное наследие, скажете вы, но это лучше, чем ничего.

К тому же мне не дают покоя мысли о Марве. Я так и не понял, что нужно делать.

Сижу и перебираю в уме его последние поступки и слова.

Матч «Ежегодный беспредел». Убогий рыдван, на котором он раскатывает. Что еще? Ах да, на Рождество он предпочел поцеловать Швейцара, но не приглашать нас к себе на ужин — так не хотел раскошеливаться.

Сорок тысяч в банке, и он все время — все время! — зажимает деньги, когда нужно скинуться.

«А ведь правда, Марв всегда так поступает», — думаю я несколько дней спустя, поглядывая в экран телевизора — там идет старый хороший фильм. И тут меня осеняет. Точнее, накрывает вопросом.

«А ведь и вправду, что он собирается делать с сорока тысячами долларов?!»

Именно!

Точно, это оно.

Деньги.

На что Марв хочет потратить чертову прорву денег?

Это и есть послание.

Я помню, что Дэрил и Кейт сказали про Ричи: мол, это твой лучший друг, ты знаешь, что делать. Возникает соблазн и здесь подумать то же самое: ведь и про Марва я должен точно так же все знать. Может, ответ прямо у меня перед носом. Но что-то ничего в голову не приходит. Похоже, в случае с Марвом я должен вытянуть ответ из него самого.

Да, ответ на вопрос пока остается загадкой. Но я знаю Марва. И знаю, что нужно делать, дабы расколоть моего друга.

И вот я сижу на крылечке в компании Швейцара и садящегося за горизонт солнца. И обдумываю, как бы ловчее подобраться к этому скупердяю.

Способ первый: втянуть его в дискуссию.

В самом деле, чего уж проще — нужно лишь упомянуть его машину и поинтересоваться, почему Марв не покупает новую.

Однако есть и минус: друг мой ненавидит такие разговоры всеми фибрами души и вполне может плюнуть мне в глаз, развернуться и уйти прочь, так ничего существенного и не сказав.

Вот это будет провал так провал.

Плюсы в том, что, во-первых, спорить с Марвом очень весело, а во-вторых, возможно, он и впрямь купит себе новую машину!

Способ второй: напоить его до бесчувствия — авось проболтается.

Минусы: чтобы ввести Марва в состояние крайнего алкогольного опьянения, я сам должен порядочно набраться. А нажравшись до полусмерти, вполне можно не понять или даже забыть, что там был за секрет.

Плюсы: не нужно силком ничего вытягивать. Надо просто ждать, что он сам все расскажет. Навряд ли, конечно, но попытка не пытка.

Способ третий: подойти и спросить — без обиняков.

А вот это самая опасная тактика. Потому что Марв может упереться, как осел, — а он великий мастер упрямыться подобно этому парнокопытному — и не сказать вообще ничего. Стоит Марву почувствовать, что меня как-то заботит его состояние (а по правде говоря, мне обычно пофиг, как он да что он), как друг мой замкнется в своей скорлупе, и я из него ни слова не вытяну.

Плюсы: тактика честная, открытая и не требующая особой интеллектуальной подготовки и сидения в засаде. Она либо сработает, либо нет. Все зависит от момента — подвернется ли он.

Итак. Внимание, вопрос.

К какому способу прибегнуть в первую очередь?

Непростой вопрос, на самом-то деле. Я чуть голову не сломал, но правильный ответ обнаружился довольно затейливым способом.

Случилось невозможное.

Где?

На Четвертой авеню. Она так и стелилась мне под ноги, а я сначала ничего и не понял.

В каком месте?

В супермаркете.

Когда?

В четверг вечером.

Как?

А вот так.

Я захожу в магазин и покупаю там кучу продуктов — на всю неделю. И выхожу, весь увешанный пакетами. Они жутко оттягивают мне руки. Приходится остановиться — я и так весь в мыле.

И тут ко мне подходит бродяга — бородатый, беззубый и очень бедный.

У него такое выражение лица, словно он сейчас умрет.

От стыда. Еле слышным голосом бродяга спрашивает, не подам ли я какую-нибудь мелочь. Бродяга понимает, как это унижительно, и очень страдает.

Проговорив свою тихую просьбу, он тут же опускает глаза. Он, конечно, меня разжалобил, хотя замечает это, лишь когда я лезу в карман за кошельком.

И вот я открываю бумажник, пальцы мои дотрагиваются до купюр — и бац! Меня осеняет! Ответ на вопрос буквально шлепается к ногам и таращится, как подбитая утка!

Как же я сразу не догадался!

Внутренний голос выдает правильный ответ — мгновенно, в виде совершенно отчетливой мысли. Я даже озвучиваю его — вслух. Чтобы запомнить.

— Попроси у него взаймы...

Я проговариваю эти слова — едва слышно, исключительно для себя: сказал — и положил обратно в голову.

— Что-что, простите? — переспрашивает бродяга — все таким же тихим, несчастным голосом.

— Попроси у него взаймы! — говорю я снова — теперь уже громче.

Фраза так и рвется с губ!

Старик поникает и привычно бормочет:

— Простите, сэр. Извините, что побеспокоил...

Но я достаю из кармана и выдаю ему пять долларов.

А он стоит и смотрит на купюру, как на Святое Евангелие. Наверное, ему не так уж часто подают купюрами.

— Благослови вас Бог!

У него на лице написан благоговейный ужас перед такой огромной суммой. А я снова берусь за свои пакеты.

— Нет, — отвечаю. — Пусть Бог благословит вас, сэр.

И иду домой.

Ручки пакетов до крови врезаются в ладони, но я не против. Совсем нет!

Неизвестный Марв

Он работает. Выпивает. Играет в карты. Целый год ждет футбольного матча перед Рождеством.

Как-то так.

Что еще есть в жизни Марва?

Ах да, сорок тысяч в банке.

Во вторник я навещаю Миллу. Мне очень нравится быть Джимми и вряд ли когда надоест. А вот «Грозовой перевал» меня раздражает. Нет, ну сами подумайте! Помните Хитклифа? Вот ведь урод, каких мало! А Кэтрин? Она реально меня бесит! Но больше всех я ненавижу Джозефа. Отвратительный, мерзкий поганец-слуга. К тому же он постоянно толкает какие-то проповеди, в которых я не понимаю ни слова.

Так что самое приятное в чтении — Милла. Да, со страниц встает ее милый образ. Думаю о Бронте — и вспоминаю Миллу. Пожилая леди смотрит большими влажными глазами, а я читаю. Закрывая книгу, я поднимаю глаза и вижу ее в кресле. Пожалуй, Милла — самое мое любимое задание.

А после Миллы — Софи, отец О'Райли и семья Татупу. Даже братцы Роуз мне нравятся.

Ну хорошо, хорошо.

Признаю, братцы Роуз — это я загнул.

В последнее время мы со Швейцаром много гуляем. Я вспоминаю задания. На самом деле есть в этом что-то неправильное, нечестное. Погружаться в приятные воспоминания нужно по завершении дела, а до этого далеко. У меня еще два послания. Предназначенные моим лучшим друзьям.

А может, именно поэтому я так много вспоминаю.

Потому что мне страшно — за Марва и за Одри.

И за себя тоже.

«Я не могу, не имею права их подвести!» — твержу я себе беспрерывно. А время идет — минута за минутой, минута за минутой.

И мне страшно. Просто страшно.

Неужели сейчас, когда конец пути уже близок, я подведу людей, которые мне дороже всего на свете?

И я снова перебираю в голове воспоминания: от Эдгар-стрит до Ричи.

И все равно страшно. Очень страшно.

Однако память о прошлых победах придает мне мужества.

— Ну как, нашел работу? — спрашиваю я Ричи в воскресенье.

Сегодня в карты играют у меня.

— Да нет пока, — качает он головой.

— Ты? — подпрыгивает Марв. — Работу ищешь?

И принимается хохотать как сумасшедший.

— А что такого, я не понимаю? — резко встречает Одри.

Ричи молчит, но видно, что он обижен. Даже Марв это заметил. Он перестает смеяться и пытается сделать серьезное лицо.

Откашливается.

— Извини, Рич.

А Ричи напускает на себя привычный добродушный, расслабленный вид — хотя ему больно. И неприятно. Но он пытается выглядеть беспечным и бросает:

— Да ничего страшного.

Однако я втайне рад, что Марву удалось его уязвить. Теперь у моего друга будет стимул заткнуть Марву рот и посмотреть, как у того вытянется лицо при известии, что он, Ричи, нашел работу. Есть все-таки что-то утешительное в том, чтобы заткнуть рот Марву.

— Я раздаю, — говорю Одри.

Ближе к одиннадцати мы закругляемся. Ричи уже уехал. Марв предлагает подвезти Одри до дому. Она, по понятным причинам, отказывается.

— Это почему же? — сердится Марв.

— Потому что пешком быстрее. — У Одри еще хватает терпения что-то ему объяснять. — К тому же, Марв, на улице комаров меньше, чем... там.

И она тыкает пальцем в припаркованное перед домом чудо автомобилестроения.

— Ну и пожалуйста.

Марв начинает стремительно мрачнеть.

— Слушай, а что ты куксишься? Забыл, что случилось, когда ты подвозил меня две недели назад?

Марв неохотно припоминает, судя по лицу. Но Одри безжалостно говорит:

— Нам пришлось толкать этот рыдван до самого твоего дома.

И тут ее осеняет:

— Слушай, а почему бы тебе велосипед на заднем сиденье не возить?

— Это еще зачем?

Хм, беседа становится все интереснее и интереснее.

И занимательнее.

— Ну будет тебе, Марв, — отмахивается Одри. — Подумай об этом по пути домой. В особенности если заглохнешь.

Она прощается и уходит.

— Пока, Одри, — шепчу я.

Все, ушла.

А Марв садится в машину. Дальше все вполне ожидаемо.

«Форд» не заводится ни с седьмого, ни с восьмого раза.

Я иду через лужайку, открываю дверь со стороны пассажира и сажусь.

— Что это ты делаешь?

И вот тогда...

Спокойно. И честно.

Я говорю.

Вот такие слова:

— Марв, мне нужна помощь.

Он пытается завести машину еще раз. Безуспешно.

— Какого рода помощь?

Марв поворачивает ключ снова и снова.

— Что-нибудь починить нужно?

— Нет.

— Тебе нужно со Швейцаром разобраться?

— Разобраться?

— Ну, по морде побить газетой, типа того.

— Ты что, Аль Капоне?

Марв хихикает над своей безумно остроумной шуткой и снова пытается завести дурацкую машину. Это меня нереально злит.

— Марв, — не выдерживаю я, — не мог бы ты не крутить чертов

ключ? И выслушать меня? Дело серьезное, вообще-то. Можешь оказать мне такую услугу?

Он снова пытается завести машину, но я протягиваю руку и вытаскиваю ключ из замка зажигания.

— Марв, — говорю я трагическим шепотом. Громким таким, хорошо слышным. — Помоги. Мне нужны деньги.

Время останавливается. В жуткой тишине слышно лишь наше дыхание.

Наступает минута молчания.

Минута молчания по нашей с Марвом прежней дружбе.

Ощущение и впрямь такое, словно кто-то умер.

Но Марв, конечно, весь обращается в слух — мгновенно. Прозвучало слово «деньги»! Мой друг тут же встал в стойку. Брови нахмурены, взгляд пристальный — и испытующий. И не сказать, чтоб очень дружелюбный.

— Деньги? И сколько же? — выдавливают Марв.

И тут я взрываюсь.

Я открываю дверь машины — резко. Выскакиваю наружу. И с грохотом захлопываю дверь.

А потом засовываюсь внутрь и упираю в Марва перст указующий:

— Вот, значит, как! А я еще надеялся! — И я свирепо тычу пальцем ему в грудь: — Ты, Марв, скупой засранец, чтоб тебя черти взяли! — И снова злобно тычу пальцем, еще и еще: — Я просто поверить не могу!

Молчание.

На улице молчание, и в машине молчание.

Развернувшись, я облокачиваюсь на машину. И слышу, как Марв вылезает и идет ко мне.

— Эд?

— Извини, погорячился.

«Все идет по плану», — думаю я. И качаю головой.

— Да нет, — говорит Марв.

— Слушай, я просто подумал...

— Эд, дело вот в чем... — обрывает он меня.

И слова замирают у него на губах.

— Я просто подумал, что ты...

— Эд, у меня нет денег.

Ничего себе заявки...

— Как это? — разворачиваюсь я и встаю с ним лицом к лицу. — Как это — нет денег?

— Я их потратил.

Голос Марва исходит из какого-то другого места. Но не изо рта точно. Словно говорит пустота где-то за его плечом.

— На что, Марв?

Я даже начинаю беспокоиться.

— Да нет, ни на что такое...

Ага, голос, похоже, к нему вернулся. Слышится изо рта, как обычно.

— Я их положил в один фонд. И не смогу оттуда взять в ближайшие несколько лет. Они там лежат. На них капаят проценты. — Мой друг очень серьезен. Даже задумчив. — В общем, я не могу их оттуда забрать.

— Вообще?

— Вообще.

— Даже если случится форс-мажор?

— Я же сказал: не могу.

Тут я снова принимаюсь орать, громко. Так, что улица встряхивается во сне.

— Какого хрена ты это сделал?

И тут Марв ломается.

Ломается на моих глазах — вдруг срывается с места, бежит вокруг машины и забивается внутрь. Садится за руль и намертво вцепляется в него.

И тихо плачет.

Такое впечатление, что даже руль залит слезами. Марв плачет — с перекошенным лицом. Слезы застывают на щеках и неохотно сползают на шею.

Я обхожу машину.

— Марв?

Молчание.

— Марв, что случилось?

Он поворачивается, покрасневшие глаза косятся в мою сторону.

— Садись, — выдавливает он. — Сейчас кое-что покажу.

С четвертого раза «форд» заводится. Мы едем через весь город. Слезы все текут и текут по лицу Марва. Теперь уже не так неохотно. Они скользят прихотливо извивающимися ручейками. Словно пьяные.

Мы останавливаемся у маленького, обитого сайдингом дома. Марв вылезает. Я тоже.

— Помнишь это место? — спрашивает он.

Конечно помню.

— Сьюзен Бойд, — говорю я.

Слова нехотя вылезают у Марва изо рта. Тень закрывает ему пол-лица, но я вижу очерк профиля.

— Они уехали, — говорит он. — Причем не просто так.

— Боже правый, — бормочу я — на вдохе, не на выдохе, поэтому слов не слышно.

Они просто не могут выбраться изо рта.

Марв произносит последнее слово.

Он шевелится, свет фонаря бьет ему в лицо, и слова выплескиваются, как кровь:

— Ребенку два с половиной года.

Мы садимся обратно в машину и долго молчим. Потом Марва бросает в дрожь. У него загорелое лицо — конечно, на воздухе ведь работает, — но сейчас оно белое как бумага.

Теперь все встало на свои места.

Все понятно.

Словно написано у него на лице крупными буквами.

Даже не написано, выбито.

Черным по белому.

Да, теперь все ясно.

Убогая машина.

Безобразное скупердйство и позорная жадность.

Даже его склонность к бесплодным спорам, выражаясь в манере автора «Грозового перевала». Марв страдает, причем в полном одиночестве. И копит деньги, упорно копит деньги, — потому что только так может смотреть на себя в зеркало, не испытывая отчаянного чувства вины.

— Понимаешь, я хочу что-нибудь оставить ребенку. Когда подрастет.

— А это он или она?

— Не знаю.

И он вытаскивает из кошелька клочок бумаги. Разворачивает, и я вижу адрес. Буквы несколько раз обведены чернилами — не дай бог им стереться: «*Кабрамматта-роуд, 17. Оберн*».

— Подружки ее дали, — безучастно говорит Марв. — Они съехали, и я пошел по домам подружек. Умолял рассказать, куда она подевалась. Господи, как вспомню, так вздрогну... Я рыдал на крыльце у Сары Бишоп, готов на колени был встать... — Слова отдают тихим эхом, будто и не Марв их произносит. Губы у него почти не шевелятся, как онемели. — Сьюзен,

да. Девочка моя. — Он кривится в саркастической усмешке. — Папаша ее был строгим до усрачки. Но она умудрялась выскользнуть из дома пару раз в неделю, перед рассветом. И мы шли на старое поле, на котором папаша выращивал кукурузу. — На губах Марва обозначается что-то похожее на улыбку. — И вот мы брали одеяло, шли туда и... в общем, сам понимаешь, чем занимались. Несколько раз в неделю. С ней было... бесподобно. — И он обращает на меня пристальный взгляд — потому что хочет, чтобы собеседник знал: это чистая правда. — С ней было... очень хорошо.

Улыбка Марва беспомощно цепляется за немеющие губы.

— А иногда мы плевали на все и залеживались до самого рассвета...

— Потрясающе, — искренне говорю я.

Но говорю это ветровому стеклу — разговаривать в таком тоне с Марвом очень непривычно. Обычно мы по-дружески переругиваемся.

— Оранжевое рассветное небо, — шепчет Марв, — мокрая от росы трава и... я всегда буду помнить вкус ее теплой кожи. И какая она была там, внутри...

Я очень живо все представляю. Но Марв развеивает наваждение рассказа, свирепо выдохнув:

— В общем, однажды я пришел на поле — а там только кукуруза. И никого больше. И дом пустой стоит.

Девушка забеременела.

Для наших мест ничего необычного, но семье Бойдов это явно пришлось не по нутру.

И они уехали.

Никому ничего не сказали. И о них никто не говорил. По правде сказать, о них особо никто и не вспомнил. Люди приезжают, уезжают — обычное дело в нашем пригороде. Заработали — переехали в район получше. Хотят попытаться вылезти из дерьма — переезжают куда-нибудь еще. В такую же помойку, конечно, но попытка не пытка, вдруг повезет.

— Наверное, — говорит Марв после некоторого молчания, — папаша застыдился шестнадцатилетней брюхатой дочери. Тем более — брюхатой от такого никчемного болвана, как я. Не могу сказать, что мужик был так уж не прав...

М-да, что тут возразишь-то...

— Они уехали, — продолжает Марв. — И никто мне ничего не сказал. Теперь он смотрит на меня. Я чувствую его взгляд на лице.

— И вот с этим я жил целых три года.

«Теперь все будет иначе», — думаю я. Очень хочется в это верить.

А то словно за соломинку хватаешься. В отчаянии. С последней

надеждой.

Марв немного успокоился, но сидит так же напряженно. Проходит час. Я жду. И спрашиваю наконец:

— Ты ездил туда? По этому адресу?

Марв напрягается еще больше.

— Нет. Я... пытался. Но не смог.

И продолжает, — оказывается, там было продолжение.

— Неделю спустя после того, как я обрыдался на крыльце Сары Бишоп, она пришла ко мне на работу. Отдала записку с адресом и сказала: мол, я обещала никому не говорить, и в особенности тебе, но мне кажется, это как-то нечестно. И добавила: «Будь осторожен, Марв. Папа Сьюзен заявил, что, если увидит тебя рядом с дочкой, убьет на месте». И ушла.

У Марва холодный голос, ледяное выражение лица.

— В тот день шел дождь, я до сих пор помню. Мелкий. Моросящий.

— Сара, — говорю я, — это которая такая высокая симпатичная шатенка?

— Она самая, — кивает Марв. — Потом я несколько раз ездил туда. Однажды с десятью тысячами в кармане. Хотел отдать им, на ребенка. В общем, Эд, теперь ты знаешь, зачем мне деньги.

— Да. И я тебе верю.

Торжественно кивнув, он трет глаза и говорит:

— Я знаю. Спасибо.

— Так что же получается, ты никогда не видел ребенка?

— Нет. У меня не хватило мужества даже дойти до этой улицы. Я ничтожество. — И он начинает издевательски напевать: — Ничтожество, ничтожество-о-о-о...

И в отчаянии пристукивает кулаками по рулю. Такое ощущение, что Марв сейчас вспылит, взорвется, — но у моего друга явно не хватает на это эмоциональных сил. Он перегорел. Девушка уехала три года назад, и все это время Марв делал вид, что все в порядке. А сейчас правда проступает через его кожу, как испарина, — и остается на руле машины.

— Вот так, — выдавливают он, — вот как я выгляжу на рассвете. Каждое утро. Я вижу перед собой эту девушку. Потрясающую девушку из нищей, никудышной семьи. Иногда я прихожу на это поле и становлюсь на колени. Слышу, как бьется сердце, и злюсь. Я ненавижу свое сердце. Оно слишком громко бьется на этом поле. Оно выскакивает из меня. Падает на землю, прямо у колен. Но потом всегда оказывается снова в груди.

Я слышу и вижу, что происходит.

Ноги Марва подгибаются. Штаны все в земле.

И вот он стоит на перепачканных коленях, с захлебывающимся от стука сердцем.

Оно выпадает из грудной клетки, громко шлепается о землю.

И колотится, колотится.

Колотится.

Сердце отказывается умолкнуть или замерзнуть. И хитро пробирается обратно к Марву в грудь. Но когда-нибудь оно все-таки откажет. Это точно.

— Пятьдесят тысяч, — говорит Марв. — Скоплю пятьдесят — и на этом остановлюсь. Так я себе говорил, когда в банке лежало десять, потом двадцать. А потом я просто уже не мог остановиться.

— Пытался откупиться от чувства вины.

— Именно.

Он несколько раз пробует завести машину, и наконец «форд» все-таки трогается с места.

— Но мне-то деньги не помогут! — Марв резко тормозит посреди дороги. Визжат тормоза, а лицо моего друга внезапно вспыхивает изнутри. — Я хочу... дотронуться. Дотронуться до ребенка.

— Да. Ты должен это сделать.

— И ведь существует множество способов, — соглашается он.

— Да, — отвечаю я. — Способов много. Но правильный — только один.

Марв согласно кивает.

Он довозит меня до дому, я выхожу. Какая холодная ночь.

— Марв? — тихо говорю я.

Он смотрит на меня.

— Я с тобой поеду.

Он прикрывает глаза.

Марв хочет ответить. Но не может. Таким вещам лучше оставаться несказанными.

Итак, завтра день «Х».

Добравшись до дому, я плюхаюсь на диван в гостиной и просто сижу, глядя в стену. Сил нет ни на что. Минут через пять звонит телефон. Это Марв. Он сразу берет быка за рога:

— Мы поедем завтра.

— В шесть нормально?

— Я за тобой заеду.

— Нет, — говорю я. — Лучше мне быть за рулем. Поедем на такси.

— Да, правильно. Если меня побьют, может понадобится машина, которая заводится с первого раза.

И вот на часах шесть. Мы отъезжаем от моего дома и в Оберне оказываемся уже ближе к семи — на дорогах пробки.

— Черт, а вдруг малявку уже завалили спать? — бормочу я.

Марв молчит.

Оставляя машину перед домом № 17 по Кабраматта-роуд, я думаю: «Такая же помоечная, облицованная плоским шифером хибара, как и та, в которой Бойды жили в нашем пригороде». Паркуюсь я на другой стороне улицы — это уже становится доброй традицией при выполнении заданий.

Марв смотрит на часы.

— Я пойду туда в семь ноль пять.

На часах 07.00. Никто никуда не идет.

— Ладно. В семь десять.

— Как скажешь, Марв.

В семь сорок шесть Марв вылезает из машины. И стоит, не двигаясь с места.

— Удачи, — говорю я.

Боже, даже из машины слышно, как колотится у Марва сердце. Эдак

оно ему все внутренности в лепешку расплющит.

Марв стоит не двигаясь. Проходят еще три минуты.

Он все-таки переходит улицу. Со второй попытки.

А вот с лужайкой Марв управился на удивление быстро — прямо взял и пошел через нее.

Теперь ему предстоит сделать самое главное.

Постучать в дверь. Он делает это — вдумайтесь! — с четырнадцатой — с четырнадцатой! — попытки. Когда я слышу стук пальцев о дерево, у меня ощущение, что эти пальцы сбиты в кровь.

Дверь открывается. Марв стоит на пороге: в джинсах, приличной рубашке, ботинках — не кроссовках. Они разговаривают, но я не слышу ни слова. Тем более, что в ушах до сих пор стоит звук Марвова сердцебиения. Еще я продолжаю слышать этот стук в дверь — тук, тук...

Мой друг заходит в дом. Теперь мое сердце принимается бешено колотиться! «Я в жизни так долго никого не ждал», — проносится у меня в голове. Однако я ошибался.

Примерно полминуты спустя Марв вылетает из дверей — спиной вперед, как выброшенный щенок. Вылетает и падает на лужайку. Генри Бойд, отец Сьюзен, задал моему другу серьезную трепку. С лица Марва на траву течет струйка крови. Я вылезаю из машины.

Надо вам сказать, Генри Бойд не такой уж здоровяк. Но он сильный.

Не очень высокий, но крепко сложенный.

А еще он уверен в своей правоте и безнаказанности. В общем, эдакая миниатюрная копия того амбала с Эдгар-стрит. К тому же отец Сьюзен трезв как стекло, а у меня нет пистолета.

Я перехожу на другую сторону улицы. Марв лежит на лужайке, разбросав руки и ноги, как замороженная морская звезда.

Ему отвешивают пинок за пинком.

Словами. С порога.

Его практически расстреливают.

Генри Бойд дырявит его перстом указующим:

— А ну пошел вон отсюда!

Невысокий жилистый мужик стоит над Марвом, победно потирая руки.

— Сэр, — умоляющим голосом произносит Марв. На лице только губы двигаются. Он говорит это все небу: — У меня в банке — почти пятьдесят тысяч...

Но Генри Бойду неинтересны финансовые подробности. Он спускается и нависает над Марвом.

В доме плачет ребенок. На улице постепенно собирается толпа, — соседи не хотят пропустить зрелище. Генри поворачивается к ним и орет:

— Убирайтесь, поганые индюки, чтобы духу вашего здесь не было!

Между прочим, так и сказал — индюки.

— А ты! — принимается он снова орать на Марва. — Только попробуй еще раз сунуться!

Тут подхожу я. Наклоняюсь над телом друга. Его верхняя губа разбита — опухла и сочится кровью. И он почти потерял сознание.

— А ты кто такой, мать твою?

«Черт, — думаю я и начинаю не на шутку нервничать. — Сейчас и мне достанется». Поэтому отвечаю быстро и очень почтительно:

— Да вот просто пытаюсь забрать друга с вашей лужайки, сэр.

— И правильно делаешь.

Тут я вижу Сьюзен. Она стоит в дверях и держит ребенка за руку. Девочку. «У тебя дочка, дружище!» — едва сдерживаю я радостный крик. Да уж, покричишь в такой ситуации. Я киваю Сьюзен — привет, мол.

— Сьюзен, иди в дом немедленно!

Она кивает мне в ответ.

— Быстро, я сказал!

Девочка снова начинает плакать.

И вот они уходят внутрь, а я помогаю Марву подняться на ноги. На рубашке остались капли крови.

У Генри Бойда на глаза наворачиваются слезы ярости — маленькие и злые, как острия иголок.

— Этот подонок опозорил мою семью!

— А ваша дочь тут ни при чем?

Поверить не могу — я это вслух сказал?!

— Шел бы ты отсюда, юноша. А то отделаю, как твоего дружка.

Замечательно.

Спрашиваю Марва, может ли он держаться на ногах без моей помощи. Он может. Я подхожу к Генри Бойду. Не уверен, что до меня многие вели себя с ним вот так. Чем ближе подходишь, тем рельефнее выглядят мускулы. Поэтому он просто ошарашен.

Я смотрю на него — но не нагло.

— У вас растет чудесный ребенок, — говорю я. Голос мой совсем не дрожит. Мне самому это странно. Но раз так, надо продолжить. — Разве нет, сэр?

Ему нелегко это выговорить. По лицу видно, как Генри Бойд борется со словами. Ему очень хочется придушить меня на месте, но в то же время

он чувствует: я знаю, что делаю (хотя кто бы мог подумать, что я на такое способен). Поэтому он отвечает:

— Д-да. Чудесный. Красавица наша.

И тогда я поднимаю руку и указываю на Марва, стараясь в то же время не отворачиваться от мистера Бойда. Его руки висят вдоль тела. Не очень длинные, но мускулистые.

— Да, возможно, он вас опозорил. И я знаю, что именно из-за этого вы переехали, — говорю я. И снова смотрю на слегка потрепанного Марва. — Но ведь он пришел к вам? Пришел. Нашел в себе силы заговорить с вами. Это был знак уважения. Большей почтительности и большего уважения проявить просто невозможно.

Марв ежится и облизывает окровавленную губу.

— Он знал, что вы его поколотите. Но он все равно пришел.

И теперь я смотрю прямо в глаза Генри:

— А вы бы на его месте сумели сделать то же самое? Пришли бы на разговор к такому, как вы?

Отец Сьюзен очень тихо просит:

— Пожалуйста...

И я чувствую глубокую жалость к этому человеку. Как же он, наверное, страдал.

— Пожалуйста. Уходите.

Но я не ухожу.

Я стою перед ним еще несколько мгновений. И жестко говорю:

— Подумайте над этим, пожалуйста.

И только оказавшись в машине, понимаю, что Марва нет рядом.

Я сижу один, потому что молодой человек с разбитым ртом нашел в себе силы сделать несколько шагов вперед. Несколько шагов в сторону дома. На пороге замерла девушка, с которой он встречался на кукурузном поле перед рассветом.

Они стоят и смотрят друг на друга.

Неделя пролетает быстро.

В тот вечер, когда мы ехали с Кабраматта-роуд, Марв молчал. Заляпал, кстати, кровью пассажирское сиденье. Он бесконечно трогал разбитую губу, и она снова закровила и все залила. За сиденье я Марва, конечно, отчитал.

— Эд, спасибо, — ответил он на это.

Мне кажется, ему понравилось — вроде как ничего не изменилось, мы по-прежнему ругаемся по пустякам. Вот как из-за сиденья, к примеру. Просто понятно: теперь мы уже не прежние друзья. Потому что будем помнить о прошлом.

Однажды утром я ставлю машину на стоянку, и ко мне выбегает Мардж. Выскакивает из офиса и машет рукой — притормози, мол. Ну, я останавливаюсь, опускаю окно, и Мардж выпаливает:

— Слушай, хорошо, что я тебя поймала! Тут работа наклеивается, вчера вечером позвонили. Похоже, что-то личное.

Сегодня я замечаю, что у Мардж прибавилось морщинок. Из-за этого она странным образом выглядит еще дружелюбней.

— Так что я не хотела этот заказ по радио из диспетчерской объявлять...

— А какой адрес?

— Звонила женщина, точнее, судя по голосу, девушка, и попросила, чтобы приехал именно ты. Завтра в двенадцать дня.

Похоже, я знаю, кто это звонил.

— Кабраматта-роуд? — спрашиваю. — Оберн?

Мардж кивает.

Я благодарю, а Мардж улыбается и отвечает, не за что. Меня так и разбирает позвонить Марву, немедленно позвонить и все рассказать. Но я не звоню. Сначала нужно посадить пассажира в кабину. Профессионал я или нет, в конце-то концов? Однако я проезжаю мимо места, где он в

последнее время работает, — что-то они строят рядом с Глори-роуд. Машина его отца стоит там — отлично, значит, и Марв там. Это все, что мне нужно знать. И я еду дальше.

В полдень я останавливаюсь перед жилищем Сьюзен Бойд в Оберне. Она быстро выходит — с дочкой и детским автокреслом.

Некоторое время длится неловкое молчание.

У Сьюзен длинные, медового цвета волосы и карие глаза, как у меня, только темнее. Как кофе, только без молока. Она худенькая. У дочери тот же цвет волос, только они еще не отрасли. Над ушами болтаются кудряшки. Девочка улыбается.

— Это Эд Кеннеди, — говорит ей мама. — Скажи: «Здравствуй, Эд».

— Привет, Эд Кеннеди, — говорит малышка.

— А как тебя зовут? — наклоняюсь я.

У нее глаза Марва.

— Мелинда Бойд...

Какая же у нее чудная улыбка...

— Красавица, — говорю я Сьюзен.

— Спасибо.

Она открывает заднюю дверь, пристегивает кресло и малышку. И тут я по-настоящему понимаю: Сьюзен — теперь мать! Ее руки привычно проверяют, натянуты ли ремни в кресле Мелинды. Но все равно она такая же красивая, как и раньше.

Сьюзен работает, правда, неполный рабочий день. Ненавидит отца. Ненавидит себя — за то, что молча все терпит. Ей очень жаль, что так получилось.

— Но я люблю Мелинду, — говорит она. — Она такая милая, такая красивая, хотя вокруг сплошные уроды. — Сьюзен сидит рядом с дочкой и встречается со мной взглядом в зеркале заднего вида. — Понимаешь, я, собственно, ради нее и живу.

Я завожу машину, и мы трогаемся с места.

В салоне слышен лишь шум мотора; Мелинда Бойд спит. Потом малышка просыпается и начинает играть, болтать, размахивать ручками — все сразу.

— Эд, ты меня, наверное, ненавидишь? — спрашивает Сьюзен уже на подъезде к городу.

Любопытно, Одри задала мне тот же вопрос.

Я смотрю в зеркало заднего вида и говорю:

— С чего бы это?

— Ну, за то, что я так поступила с Марвом.

На ум приходит ответ, краткий и быстрый. Наверное, потому что подсознательно я ждал этого вопроса. И я просто говорю:

— Вы были еще детьми. И ты, и Марв. А твой отец — ну, сама понимаешь. На самом деле, — добавляю я, — мне даже его где-то жаль. Ему ведь тоже нелегко.

— Да. Но все равно. Нельзя было так поступать с Марвом. Это непростительно.

— Но ты же сидишь в такси и едешь со мной? — Я снова гляжу на нее в зеркало.

Подумав, Сьюзен Бойд понимающе смотрит на меня.

— Знаешь, — говорит она и качает головой, — с моим отцом еще никто так не разговаривал.

— И так, как Марв, к нему не приходил.

Она согласно кивает.

Я говорю, что могу отвезти их к Марву на работу. Но она просит остановиться у ближайшей детской площадки.

— Хорошая идея, — одобрительно киваю я.

Они с дочкой остаются ждать.

Я стою и дожидаясь, когда Марв перестанет стучать молотком. Он высоко, во рту несколько гвоздей. Наконец я улучаю момент и кричу:

— Марв, спустись вниз, пожалуйста.

По моим глазам он видит, что дело серьезное. Поэтому выплевывает гвозди, снимает пояс с инструментами и спускается. В машине он нервничает — пожалуй, даже больше, чем в тот вечер.

Мы доезжаем до детской площадки и выходим, оба.

— Вон они. Тебя ждут, — говорю я.

Но, похоже, Марв меня не слышит. Я присаживаюсь на капот, а Марв нерешительно идет вперед.

Трава здесь сухая, желтая и нестриженная. Площадка старая и неухоженная. Хотя все равно хорошая: с большой железной горкой, качелями на цепях и парными качелями на бревне, с деревянными занозистыми сиденьями. Никакого пластикового дерьма, упаси бог.

Легкий ветерок ерошит траву.

Марв оборачивается ко мне, в глазах шевелится страх. Он медленно идет к Сьюзен. Та стоит рядом с качелями. А на качелях сидит Мелинда.

Марв вдруг кажется таким здоровенным.

Широкий шаг, большие руки — и большое горе.

Я ничего не слышу, но вижу, как они разговаривают. Огромная рука Марва пожимает лапку дочки. Я также вижу, как Марву хочется обнять, потискать, подкинуть ее. Но он сдерживается.

Мелинда забирается обратно на качели, и, получив от Сьюзен разрешение, Марв осторожно начинает ее раскачивать.

Через несколько минут Сьюзен потихоньку отходит и становится рядом со мной.

— Они, похоже, хорошо ладят, — мягко говорит она.

— Да, — улыбаюсь я, гордый за друга.

До нас долетает пронзительный голосок Мелинды:

— Выше, Марвин Харрис! Выше!

Он раскачивает качели все сильнее. Толкает дочку в спину обеими руками, и она подлетает в небо и хохочет — детским, чистым смехом.

Когда ей надоедает, Марв останавливает качели. Девочка слезает, берет его за руку и ведет к нам. Даже оттуда, где я стою, видно: у Марва на глазах слезы. Прозрачные как хрусталь.

Улыбка Марва, и огромные хрустальные слезы на его лице. Сказать по правде, ничего более прекрасного я в жизни не видел.

Этой ночью я не сплю. В смысле, в ночь после того дня на детской площадке.

Перед моими глазами стоит Марв. Вот он раскачивает дочку. Вот идет к нам, держа ее за руку. Ближе к полуночи я слышу голос Марва у двери.

Открыв, вижу друга. Он выглядит соответственно тому, как себя чувствует.

— Выходи, — говорит он.

Я выхожу, и мой друг Марвин Харрис обнимает меня. Прижимает так крепко, что я чувствую запах его тела. И радость, которая сочится из каждой поры его кожи.

Итак, послания Марву и Ричи доставлены. Во всяком случае, я сделал все, что мог.

Остается последнее задание.

Одри.

Я не хочу тратить время попусту. В конце концов, я проделал большой путь — начиная со дня ограбления банка и кончая сегодняшним. Одиннадцать посланий — не шутка. Остается заключительное. Самое важное.

Следующей ночью я отправляюсь к дому Одри — наблюдать. Сначала мне кажется, вот-вот подойдут Дэрил и Кейт. Но они не появляются. Я уверен в себе. Как бы там ни было, похоже, мне предоставили свободу действий.

Мой наблюдательный пункт не перед самым домом Одри, а чуть наискосок, в маленьком сквере дальше по улице. Во дворе детская площадка. Небольшая и пластмассовая. Зато трава подстрижена и ухожена.

Одри живет в таунхаусе — знаете, это такие слепленные друг с другом домики, восемь или девять в ряд. Перед ними стоят запаркованные машины.

Я хожу туда три ночи подряд. Саймон появляется тоже — все три раза. Меня, сидящего в засаде в сквере, он не видит. У него на уме только Одри. Ну и то, чем они сейчас будут заниматься. Даже из засады я чувствую, какой он разгоряченный, как сильно его желание.

Саймон заходит в дом, и я подбираюсь ближе, к самым почтовым ящикам. И наблюдаю за ними.

Они едят.

Занимаются сексом.

Пьют.

Снова занимаются сексом.

Их шебуршание выскальзывает из щели под дверью и подползает к моим ногам. А я стою и вспоминаю наш с Саймоном разговор на Рождество, когда он подвозил меня от Миллы.

Я знаю, что должен доставить Одри.

Она никого не впускает в свое сердце.

Не хочет давать волю чувствам.

Но все равно любит меня.

Одри любит меня, ей просто нужно отпустить себя, позволить себе чувствовать. А потом ощутить, каково это — любить. Пройти весь путь до конца. Хоть раз в жизни.

Все три ночи я сижу в сквере до самого утра. Саймон уходит до рассвета. Видимо, у него утренняя смена.

На третью ночь я решаюсь.

Завтра.

Да.

Я сделаю это завтра.

Ж

Запоздалая мысль Марва

На следующий вечер я было собрался идти к Одри, но у моей двери снова обнаружился Марв. На этот раз с вопросом.

Я решительно выхожу, но он упрямо стоит на крыльце и не двигается с места.

— Эд, тебе все еще нужны деньги? — спрашивает он. И смотрит на меня крайне озабоченно: — Извини, я просто забыл про наш разговор.

— Да без проблем, — откликаюсь я. — Похоже, деньги мне не понадобятся.

Под мышкой у меня древний кассетный магнитофон. С кассетой, кстати, внутри.

Я разворачиваюсь — мне пора в конце концов, но Марв окликает.

Очень задумчиво оглядывает и наконец говорит:

— А тебе они вообще были нужны?

Я подхожу поближе.

— Нет. Нет, Марв, мне не нужны были твои деньги, — отвечаю я честно.

— Тогда почему... — Он даже спускается с крыльца, чтобы оказаться со мной лицом к лицу. — Почему же ты тогда...

— Марв, помнишь, мне прислали по почте карту? Так вот, я ее не выбросил.

Ричи я сказал правду. Скажу все как есть и Марву.

И я все объясняю — в подробностях.

— Короче, мне прислали буби, крести, пики и вот теперь черви. Нужно помочь еще одному человеку. Его тоже, знаешь ли, черви заели.

— Так я был...

— Да, Марв. Ты был на тузе червей.

Молчание.

Причем удивленное.

Марв стоит на лужайке перед моим домом и не знает, что сказать. Но лицо у него счастливое.

А я все-таки разворачиваюсь и иду. А он кричит мне вслед:

— Еще один человек — это Одри?

Я поворачиваюсь к нему, но продолжаю идти — спиной вперед.

— Удачи тебе!

На эту реплику я машу рукой и улыбаюсь.

Q

Одри, часть вторая: три минуты

Все происходит как обычно, разве что рядом со мной на скамейке стоит магнитофон. Бедняга покрывается вечерней росой. Поднимается и катится по небу луна. Приходит утро, луна бледнеет. В какой-то момент я даже жалею, что не пришел сразу к утру, — поставил бы дома будильник, зачем торчать в этом сквере. Но в глубине души я знаю: нужно сделать все как положено. Чтобы все получилось, необходимо ночное бдение.

Я смотрю на свои вытянутые ноги. Ночь тоже тянется — дальше и дальше. Рассвет не радует, а пугает меня.

Меня необоримо клонит в сон. И тут хлопает дверь машины и слышится урчание двигателя, — Саймон вышел и собирается уезжать. Вот он выруливает со стоянки и неловко, осторожно заворачивает за угол. Проходит минута, другая, и я понимаю: пора. Все сделано правильно, надо действовать.

Под мышкой у меня магнитофон. В небе — рассвет.

В ушах отдаются собственные шаги. Ноги ведут меня к двери, за которой живет Одри.

Я стучусь.

Никто не открывает.

Я сжимаю кулак — постучать снова. Едва занеся руку, обнаруживаю, что в двери приоткрылась щелочка. Оттуда доносится усталый голос Одри:

— Ты что-то забыл?..

— Это я, — говорю.

И она осекается.

— Эд?

— Да.

— Что ты...

Рубашка давит на плечи, словно сделана из бетона. Джинсы — деревянные, под ними носки из наждачной бумаги, а на ногах — пудовые ботинки.

— Я тут, — шепчу, — к тебе пришел.

На Одри розовая ночная рубашка. Очень женственная. И по-девичьи нежная одновременно.

Она открывает дверь полностью и стоит на пороге — босая. И трет кулачком глаз, пытаясь изгнать оттуда настырную дремоту. Этот жест напоминает мне о маленькой Анжелине.

Очень медленно я беру ее за руку и вывожу на улицу. Пудовая тяжесть куда-то испарилась. Я вижу лишь Одри; мне нет дела до остального мира. Я ставлю магнитофон на закиданную всяким древесным мусором траву и нажимаю на кнопку.

Сначала звучат радиопомехи. А потом — музыка. Песня — медленная, спокойная, нежно ранящая. Я не буду говорить какая. Неважно. Представьте себе самую прочувствованную, самую проникновенную, самую красивую песню — и вы поймете, что мы слушали. Я выдыхаю, и мой взгляд зацепляется за взгляд Одри.

Шаг — к ней. Я беру ее руки в свои.

— Эд, что...

— Ш-ш-ш...

Я кладу ладони ей на бедра — и она обнимает меня в ответ.

Одри закидывает руки мне на шею и кладет голову на плечо. Она пахнет мужчиной. Сексом, которым с ним занималась. Я лишь надеюсь, что у меня другой запах. Не секса. Любви.

Музыка затихает. А вокал становится громче.

И снова звучит музыка сердец, но как же она прекрасна. Мы кружимся в танце, я чувствую дыхание Одри у себя на шее.

— Ах... — нежно постанывает она.

И мы танцуем на садовой дорожке. В объятиях друг друга. В какой-то момент я отступаю на шаг и кружу ее. А она снова обнимает меня и целует, как клюет, в шею.

«Я люблю тебя», — хочется сказать мне. Но в этом нет нужды.

В небе горит огненный рассвет, а я танцую с Одри медленный танец. Песня заканчивается, но мы все равно не можем разойтись и стоим, держась за руки. Что ж, именно для этого я и включил песню. Она длилась, наверное, минуты три.

Объяснение в любви длиною в три долгих минуты.

И три минуты ей — на то, чтобы понять: она любит меня.

И Одри говорит мне это, правда, другими словами. Она подмигивает и шепчет:

— Однако, Эд Кеннеди, ты... хм...

Я улыбаюсь.

Она тычет пальцем:

— Ладно. Но только тебя одного. Хорошо?

— Хорошо, — соглашаюсь я.

И вбираю взглядом ее босые ступни, щиколотки, голени — и так дальше вверх, до самого лица. Фотографирую ее в голове. Усталые глаза и встрепанные волосы цвета соломы. Улыбка-царапка на пухлых губах. Маленькие уши и гладкий нос. И любовь, которую ей так и не удалось с себя скинуть.

Она разрешила себе любить меня — целых три минуты.

«Могут ли три минуты длиться вечно? — спрашиваю я, хотя знаю ответ. — Наверное, нет. Но возможно, они продлятся хотя бы некоторое время».

К Конец

Я поднимаю магнитофон с земли, и мы стоим друг напротив друга. Одри не приглашает меня в дом, а я не прошу ее об этом.

То, что должно быть сделано, — сделано. Поэтому я говорю:

— Ну ладно, пока. Увидимся, когда соберемся играть в карты. А может, и раньше.

— Мы увидимся очень скоро, — уверяет она.

С магнитофоном под мышкой я отправляюсь в обратный путь к своему дому.

Итак.

Двенадцать посланий доставлены.

Задания на четырех тузах — выполнены.

Похоже, это самый замечательный день в моей жизни.

«Я жив, — приходит мне в голову. — И я победил». Впервые за несколько месяцев меня затопляет чувство свободы. Более того, я ощущаю даже нечто похожее на самодовольство. Такое настроение не покидает меня вплоть до дома. Даже когда я вхожу, целую Швейцара в морду и варю на кухне кофе, оно еще держится.

Мы пьем кофе. И вдруг в меня врывается другое чувство. Оно запрыгивает мне в живот, перекручивает внутренности — и выливается наружу.

Не знаю почему, но самодовольство испаряется моментально. Швейцар испуганно смотрит на меня. С улицы слышно, как хлопает почтовый ящик и кто-то быстро бежит прочь.

Я медленно иду к двери. Спускаюсь с крыльца. Выхожу на лужайку.

Почтовый ящик немного перекосялся на своей ножке. И выглядит несколько виновато.

У меня дрожат поджилки.

Но я все равно подхожу и открываю его.

«Боже, — думаю. — Пожалуйста. Только не это!»

Моя рука лезет внутрь, пальцы нащупывают конверт. Последний конверт. На нем мое имя. И даже сквозь бумагу видно, что там лежит.

Внутри — последняя карта.

Последний адрес.

Я закрываю глаза и опускаюсь на колени.

В голове легко и пусто.

Последняя карта.

Стараясь не пускать в голову ненужные мысли, я осторожно вскрываю конверт. Когда глаза видят написанный на карте адрес, все мысли отключаются, как при броске электричества, и в корчах умирают.

Вот что я вижу:

Шиппинг-стрит, 26

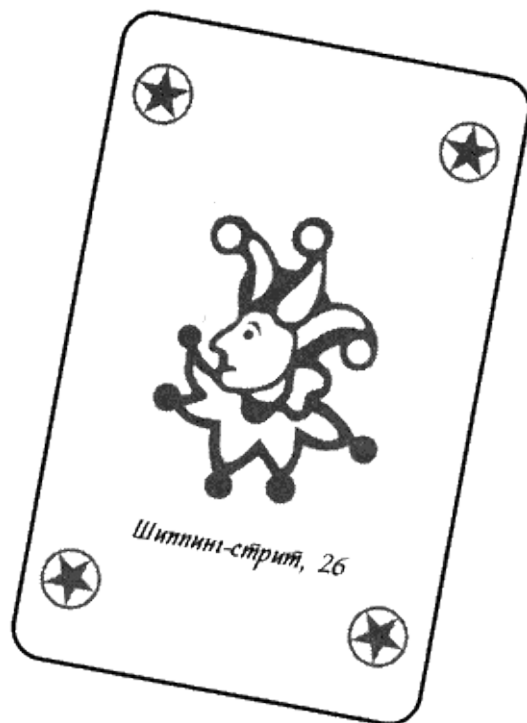
Это мой, мой адрес!

Что же это получается?

Выходит, последнее задание — для меня.

Часть 5

ДЖОКЕР

Ж Смех

На улице пусто.

Джокер хохочет надо мной.

Кругом тишина. Только клоун с карты беззвучно смеется у меня в руках. Смеется и смеется, аж заливается.

Трава на лужайке вспотела росой, а я стою как столб, со взбесившейся картой в руке. Да, за мной все время следили. Но именно сейчас я чувствую себя особенно уязвимым. Словно они видят меня на просвет.

«Внутри. — Паника захлестывает меня. — Что же ждет меня внутри?»

— Ну-ка зайди в дом, — команду я себе.

И иду через вымокшую, как футболка атлета, траву. О, безусловно, я совершенно не хочу заходить в дом. Но что остается делать? Если там кто-то засел, как я могу ему помешать? Ноги оставляют на цементном крыльце мокрые отпечатки.

Я сразу прохожу в кухню. И громко кричу:

— Кто здесь?

Но.

Никого нет.

На.

Кухне.

На самом деле во всем доме никого нет. Ну, кроме Швейцара, Джокера и меня. Я хотел посмотреть под кроватью. Потом решил, что нет, это не в их стиле. Они бы уже гоняли чай на кухне, ссали в мой унитаз или мылись в моем душе. Никого и ничего нет в моем доме. Стоит полнейшая тишина. Ее нарушает лишь Швейцар, — он громко зевает и облизывается.

Так проходит несколько часов. Мне пора на работу.

— Куда?

— Мартин-плейс, пожалуйста.

Пассажиры садятся и садятся в машину, а я весь заостенел. Впервые,

пожалуй, за все время работы мне не хочется ни с кем говорить. Обычно я болтаю о том, кто выиграл, кто проиграл, о ремонте дорог и их состоянии короче, о всякой ерунде, которой таксисты заполняют тишину в салоне.

Так проходит день.

Потом второй.

А вот на третий кое-что происходит.

Уже на обратном пути я едва не попадаю в аварию на круговом движении. Универсал передо мной начинает трогаться. И вместо того, чтобы смотреть вперед, я смотрю вправо. Универсал резко останавливается, тормоза визжат у меня под ногами. Я чудом не бью его в зад: между моим бампером и номерным знаком универсала от силы несколько дюймов.

Джокер лежал на пассажирском сиденье.

Когда я резко затормозил, он сдвинулся с места.

И упал на пол.

Но продолжал надо мной смеяться.

Ж

Неделя за неделей

Вы когда-нибудь пытались достать пальцами рук до пальцев вытянутых ног? А перетрудить при этом спину вам не случилось? Вот так же — перетянутым — я себя ощущаю в медленно волокущиеся дни и недели ожидания. Я жду, когда Джокер выйдет из тени.

Что должно произойти в моей хибаре? В доме 26 по Шиппинг-стрит? Кто ко мне заявится?

Седьмого февраля кто-то стучится в дверь. И я на подгибающихся ногах бегу открывать. Наверняка это они.

Ничего подобного. Это Одри.

Она заходит и говорит:

— Что-то в последнее время тебя совсем не видно, Эд. Марв сказал, что звонил, но тебя не было дома.

— Я работал.

— И?

— И ждал.

Она садится на диван и спрашивает:

— Ждал чего?

Не спеша я подымаюсь и иду к комоду в спальне. Извлекаю оттуда все четыре карты. Возвращаюсь к Одри и принимаюсь их перебирать.

— Буби, — говорю. — Готово.

И отбрасываю карту на пол, глядя, как она кружится в воздухе.

— Крести — тоже готово.

Карта улетает на ковер.

— Пики, черви — все сделано.

— А теперь-то что?

У меня лицо бледнее мела, да и в целом я неважно выгляжу. Одри все это видит.

И я извлекаю из кармана Джокера.

— Вот, — сообщаю.

И принимаюсь умолять ее. Со слезами на глазах.

— Пожалуйста, Одри, пожалуйста, скажи, что это была ты. Что это ты посылала мне карты! — прошу я ее. — Скажи, что ты просто хотела, чтобы я помог людям и...

— И? И что, Эд?

Я прикрываю глаза:

— И изменился к лучшему. Стал... достойнее. Чего-нибудь.

Слова, одно за другим, падают на пол, к картам. И тут губы Одри растягиваются в улыбке. Она улыбается, а я жду ее чистосердечного признания.

— Ну же! — не выдерживаю я. — Скажи, что...

Она пасует.

И говорит правду.

Одри роняет слова, будто в сомнамбулическом сне.

— Нет, Эд, — медленно произносит она. — Это была не я. — Тут она качает головой и смотрит мне в глаза: — Прости, Эд. Прости. Мне бы хотелось, чтобы ты был прав, но...

Фраза повисает в воздухе неоконченной.

Ж

Конец, который не конец

И это наконец случается.

Стук сотрясает дверь, и я понимаю — точно по мою душу. Потому что уже поздно и стук уверенный. Надев ботинки, чтоб уж быть наверняка готовым, иду открывать.

«Дыши глубже, Эд Кеннеди».

Я и дышу.

— Сиди здесь, — приказываю Швейцару, который приплелся в прихожую.

Но нет, он идет за мной к двери.

Открываю. На пороге мужчина в костюме.

— Вы Эд Кеннеди?

Мой гость абсолютно лыс, но очень усат.

— Да, — говорю, — это я.

Он подходит поближе.

— А у меня кое-что для вас есть. Можно войти? — спрашивает он.

Манеры у него дружелюбные, и я решаю: раз уж ему так хочется, пусть заходит. Отступаю в сторону, пропуская мужчину. Он высокий, средних лет, голос вежливый и очень уверенный.

— Кофе?

Но он любезно отклоняет мое предложение:

— Нет, спасибо.

И тут я замечаю дипломат у него в руке.

Он садится, открывает его, и там обнаруживаются завернутый в бумагу обед, яблоко и конверт.

— Сэндвич? — предлагает он.

— Нет, спасибо.

— Ну и правильно. У жены получаются ужасные сэндвичи. Даже я съесть не смог.

Он быстро переходит к делу и протягивает конверт.

— С-спасибо.

Голос у меня дрожит.

— Вы его откроете?

— А кто вас послал?

Я сверлю его взглядом, и мужчину это явно обескураживает.

— Вы конверт-то откройте.

— Кто вас послал?

Впрочем, я все равно не могу больше терпеть. Пальцы самопроизвольно вскрывают конверт, и глазам моим предстает бумага, исписанная знакомым почерком:

Дорогой Эд.

Конец уже близок.

Думаю, тебе пора сходить на кладбище.

— На кладбище? — бормочу я.

И понимаю: завтра годовщина смерти отца.

Моего отца.

— Это, — спрашиваю я мужчину, — мой отец вас послал?

— Извините, не понимаю, о чем речь.

— Что значит — не понимаете?

Мне стоит большого труда не вцепиться ему в плечо.

— Меня... — выговаривает он.

— Что — вас?

— Меня сюда просто прислали.

— Кто?

Но мужчина лишь поникает головой. И говорит — очень жестко:

— Я не знаю. Я не знаю, кто он.

— Это мой отец все устроил? — упорно продолжаю я выпрашивать. — Это он все организовал перед смертью? Это он...

И тут у меня в ушах звучат мамины слова: «Ты похож на него».

А может, отец оставил кому-нибудь указания? Ну, чтобы подстроить все это? Он ведь часто бродил ночью по улицам, я видел, уже когда водил такси. Отец ходил, чтобы протрезветь. Время от времени я его подвозил домой...

— Вот откуда он знал все адреса... — бормочу я.

— Простите?

— Ничего, ничего...

Разговор окончен, потому что я выбегаю на улицу. И мчусь вниз по дороге, к кладбищу. Вокруг стоит темно-синяя ночь. Небо забетонировано

облаками.

Вот и ограда кладбища. Я сворачиваю к могиле отца. Над ней стоят охранники.

Или не охранники?

Нет.

Это Дэрил и Кейт.

Я замираю на месте, а они внимательно меня разглядывают. Наконец Дэрил говорит:

— Эд, мои поздравления.

Я пытаюсь выровнять сбитое после долгого бега дыхание.

— Мой отец? — выдыхаю.

— Ты действительно очень на него похож, — снизошел до объяснений Кейт. — И дорога тебе была, прямо как у него, к такой же смерти. И к жизни, в которой не сбылось ни одно ожидание.

— Это он вас послал? Он все подстроил перед смертью?

На вопрос отвечает Дэрил. Он подходит поближе и говорит:

— Знаешь, Эд, ты прямо как твой папаша — ни грамма оптимизма.

Извини, но что есть, то есть.

— Я понял.

— Нас наняли, чтобы испытать тебя. И посмотреть, сможешь ли ты избежать такой же жизни.

И он тычет пальцем в надгробие.

— Правда, есть один нюанс, — вступает в беседу Кейт. — Твой отец к этому не имеет никакого отношения.

Смысл его слов доходит до меня очень медленно.

Итак. Это не Одри. И не отец.

Толпы вопросов выстраиваются у меня в голове в длиннющие очереди, как на выходе со стадиона после футбольного матча или концерта. Они толкаются, пихаются и пробиваются вперед. Некоторые пытаются пролезть в обход. Другие смирно сидят на своих местах, ожидая, когда толпа поредеет и они смогут ко мне подобраться.

— Тогда что здесь делаете вы? — интересуюсь я. — Вы-то как узнали, что я примчусь сюда прямо сейчас?

— Тот, кто нанял, тот и сказал, — невозмутимо отвечает Дэрил.

— Сказал, что ты сюда придешь, — снова вступает Кейт.

Замечательный у них сегодня дуэт. Согласованный.

— Вот мы и пришли.

И он улыбается — я бы сказал, сочувственно.

— Он ни разу не ошибся, всегда все правильно говорил.

Я пытаюсь осмыслить сказанное.

— Ну...

Начало хорошее, а вот что говорить дальше?

Ага, вот и нужные слова:

— И кто вас нанял?

Дэрил лишь качает головой:

— Эд, не знаю. Мы просто делаем, что приказано. — И он закругляется: — В общем, Эд, тебе сказали прийти сюда, чтобы ты понял: так, как умер твой отец, ты, Эд, умирать не хочешь. В общем, как-то так. Понял?

Я киваю в ответ.

— А теперь мы должны тебе кое-что сказать. А потом исчезнуть из твоей жизни.

Я напрягаюсь:

— И что же это?

Они уже идут прочь.

— Просто подожди еще немного.

Я стою как дурак.

А что мне еще делать?!

Дэрил и Кейт шествуют по дорожке и растворяются в темноте. Все, они ушли. Я их больше никогда не увижу.

— Спасибо, — бормочу я.

Но они меня, конечно, не слышат. А жаль.

Через несколько дней я понимаю, что ожидание разрушает мне мозг. Я не могу больше ждать! Мне плохо! И тут ко мне в такси садится парень в джинсах, пиджаке и бейсболке. А я еду с работы — рано утром, почти на рассвете.

Он садится на заднее сиденье.

Все как обычно.

Я спрашиваю, куда едем.

Все как обычно.

И тут он говорит:

— Шиппинг-стрит, двадцать шесть.

А вот это совсем необычно.

От этих слов меня перекашивает, и я еле успеваю затормозить.

— Езжай, езжай, — говорит он, не поднимая глаз. — Я же тебе сказал, Эд: Шиппинг-стрит, двадцать шесть.

И я еду.

Мы не обмениваемся ни единым словом. Вот и наш пригород. Я еду очень осторожно, глаза нервно моргают. Сердце бьется как сумасшедшее.

Вот и поворот на мою улицу. Я останавливаю машину перед своим домом.

И тут парень на заднем сиденье снимает бейсболку и смотрит на меня. И я вижу его лицо в зеркале заднего вида.

— Так это ты! — ору я.

— Ага.

Это даже не шок. И не крайнее изумление. Это вообще черт-те что! Я даже двинуться не могу! Все мысли из головы повывлетали! Потому что на заднем сиденье расположился неудачливый грабитель из самого начала моего рассказа — тот, что пытался взять банк. Те же рыжие усишки, та же страшная до невозможности рожа.

— Шесть месяцев-то уже прошло, — объясняет он.

Дружелюбно так объясняет.

— Но...

— Ты, главное, вопросов не задавай, — перебивает он. — Езжай дальше. На Эдгар-стрит, сорок пять.

Я делаю, как он говорит.

— Теперь на Харрисон-авеню, тринадцать.

И так, один за другим, мы с незадачливым грабителем объезжаем все адреса. Миллы, Софи, отца О'Райли, Энджи Каруссо, братьев Роуз.

— Ну что, припоминаешь? — всякий раз спрашивает он.

А я возвращаюсь мыслями к каждому адресу, к каждому посланию.

— Да, — отвечаю. — Как же не вспомнить.

— Отлично. Теперь на Глори-роуд. Клоун-стрит. А потом к дому твоей мамы. Ариэль-стрит. Последние три адреса ты и сам знаешь.

Мы катаемся по пригороду от улицы к улице, а солнце ползет вверх по небу. Подъезжаем к дому Ричи, потом к детской площадке с нестриженной травой, потом к дому Одри. И каждый раз меня захлестывают воспоминания. Временами мне даже хочется остановиться и погрузиться в них полностью.

Остаться там, вместе с ними, навеки.

Стоять с Ричи по колено в реке.

Смотреть, как Марв качает дочку.

Танцевать с Одри в разгорающемся пламени рассвета.

— А теперь куда? — спрашиваю я, когда мы возвращаемся к моему дому.

— Вылезай, — говорит он.

Ну что ж, делать нечего.

Я спрашиваю:

— Это ты все подстроил? Специально пытался ограбить банк, чтобы...

— Эд. Пожалуйста. Просто заткнись.

Мы стоим рядом с машиной в утреннем солнечном свете.

Он роется в кармане пиджака и что-то достает. Зеркальце.

— Помнишь, что я сказал на суде?

— Помню.

У меня даже слезы на глаза навернулись.

— Повтори, что ты помнишь.

— Каждый раз, поглядевшись в зеркало, вспоминай: ты — покойник.

— Вот именно.

Незадачливый грабитель отступает на шаг и оглядывает меня. Потом криво улыбается и отдает зеркальце. Я смотрю на свое отражение.

— Ну, что скажешь? Разве сейчас в зеркале отражается покойник?

Я барахтаюсь в потоке воспоминаний — столько лиц, столько мест. Я обнимаю девочку на крыльце. Захожу к чудесной пожилой леди, которая ждет своего Джимми. Смотрю, как бежит девушка, — ее ноги в крови, но она все равно стремится к победе...

Я смеюсь вместе со священником. Вижу перепачканные мороженым губы Энджи Каруссо. Ощущаю, как зарождается верность друг к другу в братях Роуз. Смотрю на ночь, которая озаряется огнями силы и славы, и как мать выплевывает мне в лицо правду о своем разочаровании — и о своей любви. И мы сидим с одиноким стариком в кинозале.

Я смотрю в зеркало и вижу, как мы с другом стоим по колено в реке. А вот Марвин Харрис раскачивает свою дочку, и она подлетает все выше и выше. А вот мы с Одри кружимся в танце любви — всего три минуты, но все же...

— Ну? — спрашивает он снова. — Все еще покойника видишь?

— Нет, — отвечаю я на этот раз.

— Ну что ж, значит, оно того стоило, — говорит грабитель.

И я понимаю: он отправился в тюрьму ради всех этих людей.

И ради меня тоже.

А парень уже поворачивается, чтобы уйти, и говорит:

— Прощай, Эд. Иди в дом. Так надо.

И уходит.

Как Дэрил и Кейт. Я знаю, что больше его не увижу.

Ж Папка

Как можно спокойнее я перешагиваю порог и захожу в дом. Дверь открыта.

На диване в гостиной сидит молодой человек. Он со счастливым выражением лица гладит Швейцара.

— Так ты...

— Привет, Эд, — говорит он. — Рад познакомиться.

— Это ты...

Он кивает.

— Ты послал...

Он снова кивает.

А потом встает и говорит:

— Я переехал в этот пригород год назад.

У него короткие темные волосы, рост чуть ниже среднего. На госте рубашка, черные джинсы и голубые кеды. И с каждой минутой он становится все больше похожим на мальчика, а не на взрослого мужчину. Хотя голос его звучит совсем не по-мальчишески.

— Да, где-то год назад. Я видел, как хоронили твоего отца. Смотрел на тебя, как вы играете в карты. На твою собаку. На маму. Я приходил и смотрел — прямо как ты, когда бродил от дома к дому...

Он отворачивается — похоже, ему стыдно.

— Я убил твоего отца, Эд. Организовал ограбление банка, — специально подгадал, чтобы ты был там. Подучил того мужчину творить то, что он творил со своей женой. Приказал Дэрилу и Кейту проделать все, что они проделали с тобой. И тому парню, что привел тебя к камням, тоже приказал...

Он опускает глаза, а потом снова поднимает взгляд.

— Я сделал тебя таким, какой ты есть. Сначала ты был таксист-неудачник. А потом я заставил тебя пройти через все эти испытания.

Мы смотрим друг на друга. Я жду, что он скажет дальше.

— Спросишь, почему? — Гость замолкает, но сразу решительно

продолжает говорить: — Потому что ты был платоновской идеей посредственности! — Он очень серьезно смотрит на меня. — И если уж ты смог выбраться из болота и выполнить те поручения, значит, все это могут! Не исключено, что каждый из нас просто не знает границ своих возможностей.

Его глаза разгораются. Видимо, он готовится сказать самое главное.

— Возможно, даже я не знаю...

И он опускается обратно на диван.

И тут меня одолевает странное чувство, словно город вокруг меня рисуют прямо на глазах. И меня самого нарисовали только что. Неужели все так и есть?

Видимо, да. Молодой человек сидит на диване и ерошит волосы.

Потом встает и смотрит на продавленные подушки. На них лежит выцветшая желтая папка.

— Там — все, — говорит он. — Все-все. Все, что я для тебя написал. Все идеи, мысли, люди — те, которым ты помог. Или навредил. Или просто видел.

— Но... — Слова кажутся какими-то запачканными. — Как?..

— Даже этот наш разговор, — с нажимом говорит он, — даже он там есть.

А я стою столбом. В обалдении, изумлении и полном шоке.

И с трудом нахожу слова, чтобы спросить:

— Я... настоящий?

А он даже не думает над ответом. Зачем ему.

— Просто посмотри в папке, — говорит он. — В самом конце. Видишь это?

На обратной стороне картонной подставки под пиво большими буквами нацарапан ответ на мой вопрос. Ни много ни мало. Он гласит: «Конечно, ты настоящий, — как и любая мысль или история. Все становится настоящим, когда ты оказываешься внутри сюжета».

— Ну что ж, мне пора идти. Хочешь — посмотри записи в папке. Проверь, все ли на месте. Должно быть все без исключения, — говорит молодой человек.

И тут меня охватывает паника. Такое чувство, словно земля расходится под ногами. Или руль заклинило. Или совершена ошибка — непоправимая, ужасная.

— А мне что теперь делать? — в отчаянии спрашиваю я. — Скажи мне! Что делать?

Он очень спокоен.

Он пристально смотрит на меня и говорит:
— Просто жить дальше. В конце концов, твоя жизнь не заканчивается со страницами этой книги.

Однако ему приходится задержаться еще минут на десять, — я очень тяжело переживаю открывшееся мне истинное положение вещей. Стою столбом и не могу смириться, что все обстоит именно так, как он сказал.

— Слушай, мне действительно пора, — говорит он снова.

И голос его звучит очень решительно.

С трудом передвигая ноги, я бреду к двери.

Мы прощаемся на крыльце, и он выходит на улицу.

Тут я понимаю, что забыл спросить, как его зовут, но, похоже, это очень просто узнать.

Этот поганец навряд ли забыл упомянуть свое имя.

Вон он, идет по улице. Вытаскивает на ходу блокнот и что-то черкает.

И тут в голову приходит мысль: а почему бы мне самому обо всем этом не написать? В конце концов, именно я сделал всю работу!

А что? Начну прямо с момента ограбления банка.

Как-нибудь так: «Грабитель оказался полным придурком».

Правда, скорее всего, он меня уже опередил.

На обложке все равно будет стоять его имя, не мое.

И вся слава достанется тоже ему.

Ну или помой — если книжка выйдет хреновой.

И тут я вспоминаю: а ведь я, я привнес жизнь во все эти страницы! Это я...

«Хватит, Эд».

Ага, это внутренний голос. И говорит он очень громко.

В течение дня я хожу задумчивый — хотя и стараюсь гнать от себя все мысли. В папке действительно, как он и предупреждал, всё. Все сюжетные ходы записаны, все люди охарактеризованы. Накорябанные каракулями наброски скреплены степлером. Начала и концы сходятся и соединяются.

Так проходит час за часом.

А потом и день за днем.

Я не выхожу из своей хибары. Не подхожу к телефону. Почти не ем. Швейцар сидит рядом. Минуты тикают, одна за другой.

Долгое время я сам не могу понять, чего я сижу и жду. А потом до меня доходит: все именно так, как он сказал.

Видимо, я жду, когда же начнется жизнь, не описанная на страницах его книги.

Ж

Послание

Однажды вечером я слышу стук в дверь — такой же уверенный, как тот, когда приходил парень с папкой. Однако на растрескавшемся крыльце стоит Одри.

На мгновение она отводит глаза, а потом просит разрешения войти.

В прихожей она приваливается спиной к двери и говорит:

— Эд... А можно... можно я у тебя останусь?

Я подхожу и говорю:

— Конечно, ты можешь остаться у меня на ночь.

Но она лишь качает головой, водя взглядом по полу. И так же, не поднимая глаз, идет ко мне и кладет руки на плечи:

— Не на ночь. Навсегда.

Мы опускаемся на пол — прямо в прихожей. И Одри меня целует. Наши губы встречаются, я чувствую вкус ее дыхания, втягиваю — снова и снова — в себя ее аромат. Внутри меня все облекается в ее красоту. Я ласкаю ее светлые волосы. Дотрагиваюсь до гладкой кожи шеи. А она прижимается ко мне в поцелуе. Долгом-долгом.

А когда мы отрываемся друг от друга, подходит Швейцар и садится рядом со мной.

— Привет, дружище, — говорит Одри.

Теперь она смотрит мне в глаза. И я вижу, что она счастлива.

Швейцар оглядывает нас. В его глазах мудрость старости. Он говорит: «Ну наконец-то, чудики вы мои».

В прихожей мы сидим не меньше часа — мне так много нужно рассказать Одри. Она внимательно слушает, поглаживая Швейцара. Одри верит каждому моему слову. И я понимаю: она всегда мне верила.

Я уже собираюсь окончательно расслабиться, как вдруг возникает последний вопрос. Пытаюсь его задавить в зародыше — не тут-то было.

— Папка, — бормочу я.

Вскакиваю и бегу в гостиную. Падаю на колени и быстро перебираю

бумажки. Роюсь в записях. Ковыряюсь и вытряхиваю листочки.

— Что ты делаешь? — любопытствует Одри.

Оказывается, она подошла и стоит надо мной.

А я поднимаю взгляд и говорю:

— Ищу запись про... нас. Про это, — и показываю сначала на нее, потом на себя. — Ищу запись, в которой мы вместе.

Теперь рядом со мной на колени опускается Одри. И кладет ладонь на руку, — брось, мол, эти бумаги.

— Мне кажется, здесь этого нет, — мягко говорит она. — Я думаю...

И нежно берется ладонями за мое лицо. Вокруг нее горит оранжевый вечерний свет.

— Я думаю, этот момент принадлежит только нам с тобой.

Уже вечер, и мы с Одри и Швейцаром пьем кофе на крыльце. Пес улыбается, вылакав свою порцию. И, как всегда, заваливается спать около двери. Кофеин, похоже, больше на него не действует.

Пальцы Одри сплетены с моими. Дневной свет постепенно сходит на нет, и я вспоминаю сказанное этим утром: *«Если уж ты смог выбраться из болота и выполнить те поручения, значит, все это могут! Не исключено, что каждый из нас просто не знает границ своих возможностей»*.

И тут я понимаю.

На меня нисходит сладостное, пронзительное и прекрасное в своей яркости озарение. Я улыбаюсь, смотрю на трещину в бетоне и говорю — Одри и спящему Швейцару. Я говорю им то, что говорю сейчас вам.

Я вовсе не посланник.

Я — послание.

---

notes

Примечания

Цитата из Нового Завета, 1 Иоанна, 5:16. *(Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.)*

Маршмеллоу — аналог пастилы. Зефироподобные конфеты, состоящие из сахара или кукурузного сиропа, желатина, размягченного в горячей воде, декстрозы и ароматизаторов, взбитых до состояния губки. (Прим. ред.)

Равнина, поросшая кустарником, в Австралии, Африке. (*Прим. ред.*)

Оба прозвища говорящие. Джимми Кантрелл — знаменитый британский футболист, а Джо Хэнкок — знаменитый жеребец-производитель породы «Quarter».

5

Самый знаменитый в Австралии ресторан, входящий в гастрономические рейтинги.

Знаменитый ночной клуб в Сиднее.

Здесь и далее для читателей, чьи ридеры не позволяют прочесть надпись, она дублируется текстом. — (Прим. верстальщика.)

Томас О'Райли
Энджи Каруссо
Гейвин Роуз

Здесь автор имеет в виду 1 центал английский (CWT) = 112 фунтам = 58,8 кг. Англо-американская система мер. (*Прим. ред.*)

Английская церковь в Честер-хилле, одном из предместий Сиднея.

Мерв Хьюс — знаменитый австралийский крикетист. Помимо побед в крикете известен еще и огромными экстравагантными усами, которые он застраховал на триста семнадцать тысяч долларов.

Marking — футбольный термин, обозначающий следование за определенным игроком с целью не дать ему овладеть мячом. В русской футбольной терминологии ему соответствует именно этот эквивалент, — опека может быть зональной, но здесь речь идет именно о персональной опеке.

В оригинале tackling — тактика игры, пришедшая из регби и широко применяющаяся в американском футболе, где отбирание мяча производится гораздо более жесткими и разнообразными способами. Тем не менее в австралийском футболе европейского типа она тоже применяется.

Специфика австралийского футбола — в европейском футболе нет такого термина и такого перерыва.

Sheilas в Австралии изначально обзывали игроков в европейский футбол — менее травматичный и менее brutальный, чем американский.

Здесь и ниже речь идет о романе Питера Хеджеса «Что гложет Гилберта Грейпа?» (1991) и его экранизации «What's Eating Gilbert Grape?» (1993).

Романы переводились на русский язык, поэтому приводятся их официальные названия.

Дорогой Эд!
С Рождеством! Надеемся, что у тебя тоже есть гирлянда,
такая же красивая как та, которую ты нам подарил.

Вся семья Татуну

Цитируется по существующему русскому переводу романа Бронте.
Перевод с англ. Н. Д. Вольпин.